

ISSN 2782-6139

***АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ***

№ 3 (15) – 2025

Научный журнал

АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

№ 3 (15), 2025

Редакционный совет журнала:

Март-оол Вячеслав Донгакович	-	директор ТИГПИ, председатель;
Басангова Тамара Горяевна	-	зав. сектором Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве» ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», доктор филологических наук, доцент;
Берсенёв Владимир Леонидович	-	ведущий научный сотрудник Центра экономической теории Института экономики Уральского отделения РАН, доктор исторических наук, профессор;
Дацышен Владимир Григорьевич	-	профессор кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева, доктор исторических наук;
Монгуш Марина Васильевна	-	ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук;
Султанов Казбек Камилович	-	зав. отделом литературоведения Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук;

Цендина Анна Дамдиновна	-	профессор Института классического Востока и античности Российского государственного гуманитарного университета, доктор филологических наук.
Майнагашева Нина Семеновна	-	директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кандидат филологических наук

Редакционная коллегия журнала:

Моллеров Николай Михайлович	-	научный руководитель ТИГПИ при Правительстве РТ по науке, доктор исторических наук, главный редактор;
Натсак Органа Доржуевна	-	ученый секретарь ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат философских наук, заместитель главного редактора;
Иргит Оттук Юрьевич	-	заместитель директора ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат исторических наук, ответственный секретарь;
Кышпанакров Владимир Алексеевич	-	ведущий научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кандидат экономических наук, доктор исторических наук
Донгак Светлана Чондан-ооловна	-	ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат исторических наук;
Кужугет Айлана Калиновна	-	главный научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, доктор культурологии, кандидат искусствоведения;
Кунгаа Маргарита Базыр-ооловна	-	ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат педагогических наук;
Мижит Людмила Салчаковна	-	ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат филологических наук;
Самдан Аяна Анай-ооловна	-	ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат исторических наук;

Симчит Кызыл-Маадыр Авый-оолович	-	ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат филологиче- ских наук.
-------------------------------------	---	---

© Азиатские исследования: история и современность.

ASIAN STUDIES: HISTORY AND MODERNITY

Academic Journal

No. 3 (15), 2025

Editorial Council

1. Mart-ool Vyacheslav Dongakovich – Director of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Chairman
 2. Basangova Tamara Goryayevna – Head of the Department of the International Research Center “Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space,” Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Dr. of Sci. (Philosophy)
 3. Bersenev Vladimir Leonidovich – Leading Researcher of the Center for Economic Theory of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Sci. (History), Professor
 4. Datsyshen Vladimir Grigoryevich – Professor of the Department of General History of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Dr. of Sci. (History)
 5. Mongush Marina Vasilyevna – Leading specialist of the State Archive of the Russian Federation, Dr. of Sci. (History)
 7. Sultanov Kazbek Kamilovich – Head of the Department of Literary Studies of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Sci. (Philology)
 8. Tsendina Anna Damdinovna – Professor of the Institute of Classical East and Antiquity of the Russian State University for the Humanities, Dr. of Sci. (Philology)
 - 9 Mainagasheva Nina Semenovna – Director of the Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Cand. of Sci. (Philology)
-

Editorial Board

Mollerov Nikolay Mikhailovich – Editor-in-Chief, Research Director, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Dr. of Sci. (History)

Natsak Organa Dorzhuyevna – Deputy Editor-in-Chief, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philosophy)

Irgit Ottuk Yurievich – Deputy Director, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History), Executive Editor

Kyshpanakov Vladimir Alekseevich – Leading Researcher of History Sector, the Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Cand. of Sci. (Economy), Dr of Sci. (History)

Dongak Svetlana Chondan-oolovna – Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History)

Kuzhuget Ailana Kalinovna – Chief Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Dr. of Sci. (Cultural studies)

Kungaa Margarita Bazyr-oolovna – Leading researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Pedagogy)

Mizhit Lyudmila Salchakovna – Leading Researcher of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philology)

Samdan Ayana Anay-oolovna – Head of the History Department, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History)

Simchit Kyzyl-Maadyr Avyy-oolovich – Leading Researcher of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philology)

АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научный журнал

Цели и область

«Азиатские исследования: история и современность» - научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам тувиноведения, востоковедения, экономики, политики, социального развития Тувы и сопредельных регионов.

Миссия журнала - содействие междисциплинарным и межрегиональным исследованиям.

Главный редактор: Н. М. Моллеров, доктор исторических наук, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Российская Федерация

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель: Государственное бюджетное научно-исследовательское и образовательное учреждение «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-80690 от 23.03.2021 г.;

Адрес редакции: 667000, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4, Тел: 8-39422-2-39-36, электронный адрес: tigpi@asvestnik.ru.

ASIAN STUDIES: HISTORY AND MODERNITY

Academic Journal

Goals and research fields

“Asian Studies: History and Modernity” is a scientific journal devoted to topical theoretical and scientific-practical problems of Tuvan studies, Oriental studies, economics, politics, social development of Tuva and adjacent regions.

The mission of the journal is to promote interdisciplinary and interregional research.

Editor-in-chief: N. M. Mollerov, Dr. of Sci. (History), Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia

Founder and Publisher: State budgetary Research and Educational Institution «Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva»

Published quarterly (4 issues per year)

Asian Studies: History and Modernity is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Certificate on registration: PI No. FS77-80690 of 23.03.2021

Editorial staff office: 4, Kochetov str., Kyzyl, 667000, phone: +739422 23936,
E-mail: tigpi@asvestnik.ru

© Asian Studies: History and Modernity

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Каменные изваяния в долинах рек Каргы, Мугур и Моген-Бурен <i>Лариса Д. Чадамба, Аяна И. Куулар</i>	11
Обзор полевых изысканий Центра археологических исследований в 2022- 2025 гг. <i>Мерген А. Монгуш</i>	24

ИСТОРИЯ

Значение китайских письменных источников для исследования истории Тувы <i>Ирина В. Чанкова</i>	34
--	----

ФИЛОЛОГИЯ

Экспрессивные лексемы тувинского языка, образованные способом аффиксации <i>Эллада К. Аннай</i>	39
Трансформация образа трикстера в сказочно-мифологической традиции тувинцев: ареал бытования и локальные особенности <i>Зоя Б. Самдан</i>	57
Историко-героическая драма Виктора Кок-оола «Самбажык»: опыт интерпретации образа протагониста драмы и мотива восстания <i>Людмила С. Мижит</i>	72

ЭТНОГРАФИЯ

Истоки и развитие традиционного седла (изер) у хакасов (XIX– нач. XX вв.) <i>Маина П. Чебодаева</i>	89
---	----

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Источники по этнографии тувинцев в научном архиве ТНИИЯЛИ-ТИГИ-ТИГПИ <i>Чодураа К. Иргит</i>	101
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Научно-организационный вклад Павлы Алексеевны Шахуновой в изучение экономики Тувы (1950-1970-е гг.) <i>Рада П. Ширинен</i>	127
--	-----

CONTENT

ARCHAEOLOGY

Stone Sculptures in the Valleys of the Kargi, Mugur and Mogen-Buren Rivers

Larisa D. Chadamba, Ayana I. Kuular 11

An Overview of the Field Surveys of the Archaeological Research Center in 2022-2025

Mergen A. Mongush 24

HISTORY

The Importance of Chinese Written Sources for the Study of the History of Tuva

Irina V. Chankova 34

PHILOLOGY

Expressive Lexemes of the Tuvan Language Formed by Affixation Method

Ellada K. Annai 39

Transformation of the Trickster Image in Fabulous Mythological Traditions of the Tuvans: an Area of Existence and Local Features

Zoya B. Samdan 57

Victor Kok-ool's Historical and Heroic drama "Sambazhyk": the Experience of Interpreting the Image of the Protagonist of the Drama and the Motive of the Uprising

Lyudmila S. Mizhit 72

ETHNOGRAPHY

Sources on Tuvan Ethnography in the Scientific archive of TNIIYALI-TIGI-TIGPI

Maina. P. Chebodaeva 89

SOURCE STUDIES

The Origins and Development of the Khakas Traditional Saddle (Yser) (XIX– Early XX Centuries)

Choduraa K. Irgit 101

PERSONALITIES

Scientific and Organizational Contribution of Pavla Alekseevna Shakhunova

to the Study of the Economy of Tuva (1950-1970)

Rada P. Shirinen..... 127

АРХЕОЛОГИЯ

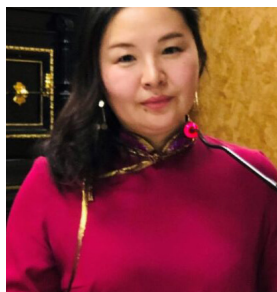
Научная статья
УДК 902

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ В ДОЛИНАХ РЕК КАРГЫ, МУГУР И МОГЕН-БУРЕН

Лариса Д. Чадамба

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат исторических наук, руководитель Центра археологических исследований, г. Кызыл, Россия, chadamba2001@mail.ru

Аяна И. Куулар

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, научный сотрудник Центра археологических исследований, г. Кызыл, Россия, amphitrida@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена результатам полевых работ Центра археологических исследований Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ) и мониторинга состояния археологических памятников, находящихся на государственной охране Управления по охране объектов культурного наследия Республики Тыва. На территории Тувы, в том числе и в Монгун-Тайгинском кожууне, в середине 1950-х гг. Саяно-Алтайской и Тувинской комплексной археолого-этнографической (ТКЭАН) экспедициями были проведены археологические работы с целью поиска каменных изваяний. Полевые материалы данных экспедиций легли в основу книги известного советского археолога А. Д. Грача «Древнетюркские каменные изваяния Тувы», которая на сегодняшний день остается единственной монографической работой, посвящённой каменным изваяниям Тувы.

В ходе наших полевых работ в 2024 г. помимо изваяний, описанных в книге А. Д. Грача, нами были обнаружены средневековые каменные изваяния, не вошедшие в его монографию.

Ключевые слова: Монгун-Тайга, изваяния, древнетюркское время, Каргы, Мугур и Моген-Бурен

Для цитирования: Чадамба Л. Д., Куулар А. И. «О новых каменных изваяниях в долинах рек Каргы, Мугур и Моген-Бурен» // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 3 (15). С. 11–23. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-11-23

STONE SCULPTURES IN THE VALLEYS OF THE RIVERS KARGY, MUGUR AND MOGEN-BUREN RIVERS

Larisa D. Chadamba

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia, chadamba2001@mail.ru

Ayana I. Kuular

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia, amphitrida@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the results of the field work of the Center for Archaeological Research of the Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research and the monitoring of the condition of archaeological monuments under the state protection of the Department for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Republic of Tuva in the territory of Mongun-Taiga District. In the mid-1950s the Sayan-Altai and Tuvan Integrated Archaeological and Ethnographic Expeditions were held to find stone sculptures in Tuva, including the Mongun-Taiga district, by. Fieldwork from these expeditions formed the basis for the book “Ancient Turkic Stone Sculptures of Tuva” by the renowned Soviet archaeologist A. D. Grach, which remains the only monograph devoted to the stone sculptures of Tuva. During our fieldwork in 2024, in addition to the sculptures described in A.D. Grach’s book, we discovered medieval stone sculptures not included in his monograph.

For citation: Chadamba, L. D., Kuular, A. I. (2025) “Stone Sculptures in the Valleys of the Kargi, Mugur and Mogen-Buren Rivers” // Asian Studies: History and Modernity, no 3 (15), p. 11–23. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-11-23

Введение

Целью данной статьи является введение в научный оборот сведений о каменных изваяниях, расположенных в долинах рек Каргы, Мугур и Моген-Бурен, информация о которых ранее не публиковалась.

Каменные изваяния являются одними из информативных археологических источников для реконструкции истории кочевых обществ. Тувинские экземпляры средневековых статуарных памятников составляют представительную группу среди всего массива подобных памятников Центральной Азии. Каменные изваяния Тувы разнообразны – от простых схематических изображений до высокохудожественных и реалистичных изображений человека.

Первая информация о каменных изваяниях Тувы появилась в XVIII в., когда русские геодезисты, производившие топографическую съемку в верхнем течении р. Енисей в 1729 г., кроме сбора географических и этнографических сведений осуществляли поиск каменных «идолов» [Кызласов 1969, с. 6].

Исследованием каменных изваяний в 1880-е гг. занимался А. В. Адрианов во время своего путешествия по Туве [Адрианов 1886]. Он отмечал особое отношение местного населения к этим памятникам [Там же, с. 382]. Начало специальному изучению каменных изваяний Тувы было положено М. П. Грязновым и Е. Р. Шнейдером [Грязнов, Шнейдер 1929]. В XX в. изучением изваяний Тувы также занималась Л. А. Евтюхова. В обобщающей работе по изваяниям Центральной Азии ею были проанализировано сорок четыре тувинских изваяния [Евтюхова 1952]. Существенный вклад в изучение изваяний Тувы внес Л. Р. Кызласов, выделивший особую группу изваяний уйгурского периода [Кызласов 1964; 1969; 1979].

Поисками каменных изваяний в середине 1950-х гг. занимались две экспедиции – Саяно-Тувинская и ТКЭАН. Итогом стало обнаружение пятидесяти восьми изваяний, которые были систематизированы и атрибутированы А. Д. Грачом в первой специальной работе по каменным изваяниям Тувы [Грач, 1961].

Примечательно, что самое большое количество изваяний (24 объекта из 58), описанных А.Д. Грачом, находилось в Монгун-Тайгинском кожууне.

Однако, обнаруженные нами в ходе полевых археологических работ изваяния, показывают, что не все каменные статуи были исследованы автором и включены в его монографию. В долинах рек Каргы, Мугур и Моген-Бурен в 2024 г. нами было выявлено семь каменных изваяний, не описанных в монографии А. Д. Грача, а также не включенных в Государственный список памятников культуры истории Тувы.

Наши экспедиционные исследования проводились по долинам рек Каргы, Мугур и Моген-Бурен, в окрестностях оз. Хиндиктиг-Хол, а также рядом с с. Мугур-Аксы. Эти территории чрезвычайно богаты археологическими памятниками, относящимися к различным историческим эпохам,

начиная от эпохи бронзы (курганы монгун-тайгинской культуры), заканчивая средневековыми погребально-поминальными памятниками.

Каменные изваяния в долине р. Каргы

В долине р. Каргы сосредоточено самое большое количество каменных изваяний. В местечке Коп-Кожээ находятся разнообразные археологические памятники – херексуры с кольцевыми оградами и радиальными выкладками, стелы и курганные могильники.

В данном местечке, расположенном на левом берегу р. Каргы, А. Д. Грач выявил девять изваяний. Нами зафиксированы все описанные исследователем фигуры. На правом берегу р. Каргы находилось шесть памятников. Однако нами было обнаружено всего два изваяния. Два из шести описанных изваяний, находившихся на правом берегу р. Каргы ныне находятся в Государственном Эрмитаже, местонахождение остальных двух на сегодняшний день неизвестно.

Вверх по течению, на правом берегу р. Каргы, приблизительно в 31 – 34 км к западу от с. Мугур-Аксы нами обнаружены два каменных изваяния.

Рис. 1. Каменное изваяние в долине р. Каргы

Изваяние № 1

На расстоянии 0,5 м к востоку от поминальной оградки обнаружено изваяние, размером 1,5 х 1,5 м, которое изготовлено из светло-серого камня.

Фигура обращена лицом на восток. Верхняя часть головы имеет прямоугольную форму, возможно, на ней изображён головной убор. На лице углублёнными линиями показаны глаза, брови, совмещенные с носом, переданы волнистые усы и треугольный подбородок. Фигура мужчины сильно покосилась назад. Линиями намечены руки. Кисти и пальцы рук отсутствуют. На фигуре изображён наборный пояс с прямоугольными бляхами, правая рука покоится на поясе. Левая рука приподнята до уровня подбородка. Размеры изваяния следующие: высота от дневной поверхности – 0,6 м, ширина плеч – 0,4 м, высота лица – 0,25 м, толщина – 0,35 м. Детали одежды не показаны. От изваяния в восточном направлении отходят 55 балбалов (рис. 1). Лицо изваяния покрыто птичьим помётом. Сохранность памятника оценивается как средняя.

Рис. 2. Каменное изваяние в долине р. Каргы

Изваяние №2

Изваяние № 2 установлено вне поминальной оградки, изготовлено из серого крупнозернистого камня с чёрными вкраплениями. Фигура обращена на восток. Верх головы скруглен. На лице переданы большие глаза, брови, совмещенные с носом, изображены горизонтальные усы с загнутыми верх кончиками. Подбородок с заострённым концом. Валиком выделены уши с серьгами, типичными для древнетюркского времени (круглая серьга с каплевидной напайкой). В правой полусогнутой руке находится сосуд, имею-

щий округлое тулово. Левая рука согнута в локте. Изваяние имеет следующие размеры: высота от дневной поверхности – 0,9 м, ширина плеч – 0,45 м, высота лица – 0,45 м, толщина – 0,2 м (рис. 2). Полагаем, что изваяние было перенесено из первоначального месторасположения. Лицо изваяния покрыто птичьим помётом и веществом фиолетового цвета. Сохранность памятника, по нашему мнению, средняя.

Каменные изваяния в долине р. Мугур

В книге А. Д. Грача о древнетюркских каменных изваяниях Тувы есть информация по двум каменным изваяниям, расположенным в долине р. Мугур [Грач 1961, с. 29-30]. Нами выявлены три фигуры, не включённые в число памятников в монографии исследователя.

Каменные изваяния № 3, 4 были обнаружены в 300 м к юго-западу от изваяния № 21, описанного в книге. Они находятся в лежащем положении, головы направлены в разные стороны, одно изваяние головой обращено на восток, другое на запад. Они вытесаны из одинакового светло-серого камня. Судя по равномерности цвета камня, изваяния в течение долгого времени находились полностью на поверхности земли. В 3 м к востоку от изваяний расположены два поминальных сооружения размерами по 2 х 2 м. Вероятно, изваяния были установлены у поминальных сооружений и были перенесены из первоначального месторасположения.

Рис. 3. Каменное изваяние в долине р. Мугур

Изваяние № 3

У данного изваяния верх головы скруглен. Из-за плохой сохранности изображение глаз и бровей не удалось зафиксировать. Исходя из намеченных линий, можно предположить, что надбровье было совмещено с носом. Изваяние имеет горизонтальные усы, рот показан валиком. Выделены шея и плечи. В правой руке на уровне груди изображён сосуд, имеющий округлое тулово, левая рука покоится на поясе с прямоугольными бляхами. Изваяние имеет следующие размеры: длина - 0,9 м, ширина плеч – 0,25 м, толщина – 0,21 м, высота лица - 0,25 м. (рис. 3). Под изваянием и вокруг него находится наброска камней, в том числе и поставленные вертикально. Памятник имеет плохую сохранность.

Изваяние № 4

Верх головы изваяния скруглён. По центру лица идет трещина, расколовшая голову на 2 части. На левой стороне изображён глаз, надбровье совмещено с носом, рот показан валиком. В правом ухе показана серьга, выделены плечи, туловище изваяния почти полностью покрыто лишайником. В правой руке на уровне груди изображён сосуд, левая рука покоится на поясе. Размеры изваяния в длину 0,8 м, в ширину – 0,25 м, ширина плеч – 0,25 м, толщина – 0,21 м, высота лица – 0,2 м. (рис. 4). Сохранность памятника неудовлетворительная.

Рис. 4. Каменное изваяние в долине р. Мугур

Изваяние № 5

Данное изваяние изготовлено из зеленоватого камня с белыми прожилками. Фигура обращена на север-северо-запад и наклонена вперед лицевой частью. Верх головы поврежден. Правая часть лица также имеет повреж-

дения – отколот кусок в области брови, глаза. На левой стороне прослеживается круглый глаз и нос, изображено ухо. Выделены плечи. В правой руке показан сосуд, левая рука покоится, видимо, на поясе. С передней стороны он не зафиксирован, но с тыльной показаны прямоугольные бляхи. Высота от дневной поверхности – 0,65 м, ширина плеч – 0,35 м, высота лица – 0,25 м (рис. 5). Возле фигуры находятся каменные плиты. Сохранность памятника оцениваем как неудовлетворительную.

Рис. 5. Каменное изваяние в долине р. Мугур

Каменные изваяния в долине р. Моген-Бурен

В долине р. Моген-Бурен А. Д. Грачом зафиксировано 3 каменных изваяния. Кроме этих изваяний нами были выявлены не описанные ранее еще 2 статуи. Изваяния обнаружены примерно в 18-21 км к северо-западу от с. Моген-Бурен, на второй надпойменной террасе р. Моген-Бурен.

Изваяние 6

Данный памятник изготовлен из темно-серого камня. Установлен на восточной стороне поминальной оградки размером 1,8х1,5 м. Верхняя часть головы фигуры отбита. Под носом изображены усы с загнутыми верх кончиками. Подбородок с заостренным концом. Выделены плечи. В правой руке

показан сосуд, имеющий округлое тулово, левая рука покоится на гладком поясе и держит кинжал (?). На верхней части груди обозначены края одежды. Размеры фигуры: высота от дневной поверхности – 0,8 м, ширина плеч – 0,5 м, толщина – 0,3 м, высота лица – 0,38 м (рис. 6). Сохранность памятника неудовлетворительная. Изваяние является наиболее художественно выполненным по сравнению с другими.

Рис. 6. Каменное изваяние в долине р. Моген-Бурен

Изваяние 7

Изваяние изготовлено из серого камня, лежит у восточной стороны оградки. Размеры оградки – 2 х 2 м. Изваяние сильно повреждено и покрыто лишайником. На плоском лице фигуры зафиксированы длинный нос, миндалевидные глаза. В правом ухе изображена серьга. Размеры фигуры: длина – 2 м, ширина плеч – 0,3 м, высота лица – 0,3 м. От изваяния в восточном направлении отходит ряд камней (рис. 7). Сохранность памятника неудовлетворительная.

Рис. 7. Каменное изваяние в долине р. Моген-Бурен

Заключение

В результате полевых археологических работ Центра археологических исследований ТИГПИ корпус средневековых источников по Туве пополнился семью каменными изваяниями, расположенными в долинах рек Каргы, Мугур и Моген-Бурен в Монгун-Тайгинском кожууне. Каменные изваяния, исследованные нами, отражают высокий уровень камнерезного искусства у древнего населения данного региона. Все изученные изваяния своеобразны, отличаются друг от друга как манерой исполнения, так и разнообразием материала, на котором были изготовлены.

Нами были рассмотрены вопросы об атрибуции изваяний, которые, судя по иконографии, реалиям и установке возле поминальных оградок относятся к VII-VIII вв., а изваяния, а расположенные вне поминальных оградок, датируются нами VIII-IX вв. Это хронологическое подразделение увязывается с общей периодизацией древнетюркских памятников Тувы.

Стоит отметить, что из 24 каменных изваяний Монгун-Тайги, исследованных А. Д. Грачом в настоящее время осталось *in situ* 17. Изваяния № 3, № 5 (нумерация согласно монографии) из долины р. Каргы были вывезены исследователем в середине 50-х гг. XX в. и ныне находятся в Государственном Эрмитаже. Судьба остальных каменных памятников, нахо-

дившихся в Монгун-Тайгинском кожууне на сегодняшний день неизвестна. В дальнейшем предстоит работа по определению места современного расположения каменных изваяний, описанных в монографии А. Д. Грача и отсутствующих *in situ* на момент наших исследований.

В настоящее время актуальной задачей изучения и охраны каменных изваяний Тувы является уточнение их местоположения с помощью фиксации GPS-координат и создание карты с помощью компьютерных программ. Другая задача – проследить судьбу перемещенных с места первоначального нахождения изваяний, в том числе, вывезенных за пределы Тувы. Решение этих задач позволит уточнить состав корпуса памятников и их местонахождение, что имеет важное значение, как для последующего исследования, так и для охраны изваяний на территории Тувы.

Литература:

1. Адрианов 1886 – Адрианов, А. В. Путешествие на Алтай и Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником А. В. Адриановым. Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук, 1886. 276 с.
2. Грач 1961 – Грач, А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. Москва: издательство восточной литературы, 1961. 95 с.
3. Грязнов, Шнейдер 1921 – Грязнов, М. П., Шнейдер, Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей. // Материалы по этнографии. Л.: 1929. Том IV, вып. 2. С. 63–93.
4. Евтюхова 1952 – Евтюхова, Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 24. С. 72–120.
5. Кызласов 1981 – Кызласов, Л. Р. Культура древних уйгур (VIII-IX вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Серия: Археология СССР. М., 1981. С. 52–54.
6. Кызласов 1964 – Кызласов, Л. Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. 1964 а. № 2. С. 27 – 35.
7. Кызласов 1964 – Кызласов, Л. Р. История Тувы в средние века. М.: издательство Московского университета, 1969. 211 с.
8. Кызласов 1979 – Кызласов, Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: издательство Московского университета, 1979. 207 с.

References:

1. Adrianov, A. V. (1886) “Puteshestvie na Altaj i Sayany, sovershennoe v 1881 g. po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva chle-

- nom-sotrudnikom A.V. Adrianovym” [A Trip to Altai and Sayan Mountains Made in 1881 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society by A.V. Adrianov, a member of the staff], Saint-Peterburg, tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 276 p. (In Russ.).
2. Grach, A. D. (1961) “Drevnetyurkskie izvayaniya Tuvy” [Ancient Turkic Sculptures of Tuva], Moscow, izdatel'stvo vostochnoj literatury, 95 p. (In Russ.).
3. Gryaznov, M. P., Shnejder, E. R. (1929) “Drevnie izvayaniya Minusinskih stepej” [Ancient Sculptures of the Minusinsk Steppes], *Materialy po etnografii*, Leningrad, vol. IV, issue. 2, p. 63–93. (In Russ.).
4. Evtyuhova, L. A. (1952) “Kamennye izvayaniya Yuzhnoj Sibiri i Mongolii” [Stone Sculptures of Southern Siberia and Mongolia], *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, no. 24, p. 72–120. (In Russ.).
5. Kyzlasov, L. R. (1981) “Kul'tura drevnih ujgur (VIII-IX vv.)” [Culture of the Ancient Uighurs (VIII-IX centuries)], *Stepi Evrazii v epohu Srednevekov'ya. Seriya: Arheologiya SSSR*, Moscow, p. 52–54. (In Russ.).
6. Kyzlasov, L. R. (1964) “O naznachenii drevnetyurkskih kamennyh izvayanij, izobrazhayushchih lyudej” [About the Purpose of Ancient Turkic Stone Sculptures Depicting People], *Sovetskaja arheologiya*, no. 2, p. 27 – 35. (In Russ.).
7. Kyzlasov, L. R. (1969) “Istoriya Tuvy v srednie veka” [The History of Tuva in the Middle Ages], Moscow, izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 211 p. (In Russ.).
8. Kyzlasov, L. R. (1979) “Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.)” [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. Moscow, izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 207 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

Лариса Д. Чадамба, кандидат исторических наук, руководитель Центра археологических исследований, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, 4.

E-mail: chadamba2001@mail.ru

РИНЦ Author ID: 967754

Аяна И. Куулар, научный сотрудник Центра археологических исследований, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, 4, E-mail: amphitrida@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 966496

Information about the authors:

Larisa D. Chadamba, Cand. of Sci. (History), Head of the Archaeological Research Center, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia

E-mail: chadamba2001@mail.ru

ORCID: 0009-0003-9952-9907

Ayana I. Kuular, Researcher at the Archaeological Research Center, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia

E-mail: amphitrida@mail.ru

© Чадамба Л. Д., Куулар А. И., 2025

Научная статья
УДК 902

ОБЗОР ПОЛЕВЫХ ИЗЫСКАНИЙ ЦЕНТРА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 2022-2025 ГГ.

Мерген А. Монгуш

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, главный специалист Центра археологических исследований, г. Кызыл, Россия, monmen1989@mail.ru;

Аннотация. В статье представлены результаты полевых работ, проведённых Центром археологических исследований Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований при Правительстве Республики Тыва (далее – ТИГПИ) в период с 2022 г. по 2025 г. Одна из основных задач центра — изучение археологических объектов на территории Республики Тыва, постановка их на государственный учёт и пополнение электронной базы данных новыми сведениями о памятниках истории и культуры.

В ходе изысканий были обследованы территории Каа-Хемского, Кызылского, Тандинского, Улуг-Хемского и Чеди-Хольского районов, где проводились археологические разведки и раскопки, позволившие выявить ценные памятники археологии различных эпох.

Автором сделан вывод о том, что планомерные полевые исследования, проведённые Центром в указанный выше период, подтвердили высокий научный потенциал Республики Тыва с точки зрения поиска и исследования ранее неизученных археологических памятников. Отметим, что рассматриваемый период были заложены основы для дальнейшего мониторинга, сохранения и музеефикации археологического наследия Тувы. Деятельность Центра позволила не только систематизировать некоторые сведения об уже известных памятниках, но и обнаружить ранее неизученные объекты.

Ключевые слова: археология Тувы, Каа-Хемский, Кызылский, Тандинский, Улуг-Хемский и Чеди-Хольский районы, государственный учёт, скифское время, средневековье

Для цитирования: Монгуш М. А. «Обзор полевых изысканий Центра археологических исследований в 2022-2025 гг.» // Азиатские

исследования: история и современность. 2025. № 3 (15). С. 24–33. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-24-33

AN OVERVIEW OF THE FIELD SURVEYS OF THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH CENTER IN 2022-2025

Mergen A. Mongush

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Chief Specialist of the Center for Archaeological Research, Kyzyl, Russia, monmen1989@mail.ru.

Abstract. The article presents the results of field work conducted by the Archaeological Research Center of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Research under the Government of the Republic of Tuva (TIHASER) in the period 2022-2025. One of the main tasks of the Center is to study archaeological sites in the territory of the Republic of Tuva, register them and replenish the database with new information about historical and cultural monuments. During the survey, the territories of the Kaakhem, Kyzylsky, Tandinsky, Ulug-Khemsky and Chedi-Kholsky districts were investigated, that made it possible to identify valuable archaeological sites of various eras.

The author concludes that the systematic field research conducted by the Center during the above-mentioned period has confirmed the high scientific potential of the Republic for searching and investigating previously unexplored archaeological sites. It should be noted that the foundations have been laid for further monitoring, preservation and museification of the archaeological heritage of Tuva. The Center's activities allowed not only to systematize some information about already known monuments, but also to discover previously unexplored objects.

Keywords: Archaeology of Tuva, Kaa-Khem, Kyzyl, Tandinsky, Ulug-Khemsky and Chedi-Kholsky districts, state registration, Scythian period, Middle Ages

For citation: Mongush, M. A. (2025) “An Overview of the Field Surveys of the Archaeological Research Center in 2022-2025” // Asian Studies: History and Modernity, no 3 (15), p. 24–33. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-24-33

Введение

Формирование коллектива Центра археологических исследований ТИГПИ в конце 2022 г. стало закономерным результатом многолетнего научного сотрудничества специалистов Л. Д. Чадамба, А. И. Куулар, К. М. Монгуша и М. А. Монгуша. Созданию Центра предшествовала серия археологических исследований, проведённых в течение десяти лет в разных районах республики. Одной из успешных работ Центра стала реализация проекта

«Волонтёры в крае семи озёр» в Чеди-Хольском районе, в котором участвовали волонтёры, а также студенты исторического факультета Тувинского государственного университета. Эти работы не только продемонстрировали эффективность совместной деятельности, но и обозначили необходимость создания постоянно действующей исследовательской структуры.

Уже в первый год своего образования в 2023 г. Центр возобновил экспедиционные работы в Чеди-Хольском районе, тем самым продолжив и развив научные традиции полевых исследований, начатые в ТНИИЯЛИ¹.

Полевые изыскания в 2022 г.

В ходе исследований в 2022 г. было изучено два памятника – курганные могильники Чаа-Суг-1 и Ак-Тал-3, расположенные на территории Чеди-Хольского района. На курганном могильнике Чаа-Суг-1 (рис. 1) был раскопан курган №3 с детским погребением (рис. 2), который по орнаментированному фрагменту керамики и другим характерным признакам конструкции объекта был отнесён к рубежу эпохи бронзы и раннего железного века.

На памятнике Ак-Тал-3 было исследовано древнетюркское поминальное сооружение, датировка которого установлена на основании анализа архитектурных особенностей конструкции и инвентаря в виде железного наконечника стрелы (рис. 3) [Чадамба, Куулар 2022, с. 55–62]. Помимо исследования погребально-поминальных комплексов, экспедицией было выявлено местонахождение петроглифов, названное Чайлаг-Хем-2. На данном памятнике сосредоточены плоскости с многофигурными композициями с участием всадников, лучников, горных козлов, оленей и других персонажей. Изображения животных в этом месте переданы в своеобразной манере, не встречающейся в других местах расположения археологических памятников Тувы [Чадамба 2023, с. 31–36].

Полевые изыскания в 2023 г.

В 2023 г. археологическим отрядом под руководством автора были продолжены разведочные работы в Чеди-Хольском районе. В первую очередь были уточнены границы территории, составлен план древнетюркской ограды с каменным изваянием, впервые обследованной ещё в 1969 г. Л. Р. Кызласовым [Кызласов 1969, с. 23, рис. 1].

Были выявлены и новые разнотипные археологические объекты, представляющие значительную научную ценность, изучение которых может способствовать расширению источников по древней и средневековой истории Тувы. В число таких памятников вошли:

¹ Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

1. Курганный могильник Сузугу-1, состоящий из 5 округлых в плане курганов. Предварительный анализ конструктивных особенностей курганов позволил нам определить хронологический диапазон памятника широкими рамками с I тысячелетия до н.э. по I тысячелетие н.э., исходя из датировки аналогичных археологических памятников, которые были исследованы в 1960-х гг. (раскопки Л. Р. Кызыласова могильника Кара-Даш и исследования И. Вайнштейна погребально-поминальных комплексов в урочище Кара-Чога С) и в 2022 г. (раскопки ОАН Чаа-Суг-1 и Ак-Тал-3);

2. Поселение Узун-Хову-1, расположенное в урочище Кес-Арыг, которое также датируется в широких рамках I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. Следует сказать, что такая датировка данного памятника обусловлена культурно - хронологической невыразительностью полученного материала (керамика, кости). Нужно подчеркнуть, что это – первый поставленный на охрану поселенческий комплекс в Чеди-Хольском районе;

3-4. Два местонахождения наскальных изображений в местности Баш-Даг и на горе Кызыл-Даг, содержащие ценные разновременные петроглифические комплексы. Некоторые петроглифы этих местонахождений отличаются своими наборами образов и стилем от изображений, найденных ранее в Туве. Уникальными являются сцена с бегущими куланами, композиция с участием трёх лошадей, выполненные в варчинском стиле, когда жеребёнок пьёт молоко у кобылицы. Также интересна плоскость на местонахождении Кызыл-Даг, на которой изображены лошади с подогнутыми под брюхо ногами. Манера исполнения животных также уникальна, и ранее не встречалась в Туве.

Выявление данной группы памятников позволило существенно расширить источниковую базу для изучения древней и средневековой истории Тувы, а также наметить перспективные направления для дальнейших археологических исследований в районе [Чадамба и др., 2023, с. 37–47].

В Улуг-Хемском районе близ села Арыг-Бажы нами было вновь выявлено городище Оймак, исследованное в 1957-1958 гг. экспедицией МГУ под руководством Л. Р. Кызласова [Монгуш, Монгуш 2024, с. 35-43]. До 2023 г. местонахождение и судьба памятника оставались были неизвестными по причине частичной публикации. К. М. Монгушем при участии автора в 2023 г. был организован выезд на место предполагаемого расположения городища, в результате которого удалось точно локализовать памятник, а также обнаружить на его территории ранее неизвестный объект – оросительный канал, который не был отмечен Л. Р. Кызласовым. Полученные результаты по городищу Оймак позволяет сформировать важные задачи на перспективу: постановка памятника на государственный учёт в качестве объекта археологического наследия, разработка охранных мероприятий для предотвращения

разрушения, а также планирование комплексных исследований с применением современных методов. Эти мероприятия будут способствовать сохранению и всестороннему изучению данного уникального археологического комплекса [Монгуш, Монгуш 2024, с. 35–43].

Полевые изыскания в 2024 г.

В 2024 г. работы велись в четырёх районах Республики Тыва.

В Тандинском и Чаа-Хольском кожуунах был осуществлён мониторинг текущего состояния ряда археологических объектов: поселений монгольского времени Дён-Терек, Могой, Кочетово и разновременного могильника у горы Бош-Даг. Памятники исследовались в середине XX века [Монгуш 2024, с. 21–33].

В Каа-Хемском районе было выявлено ранее неизвестное укреплённое поселение, названное нами Бурен-Хем, культурно-хронологическую атрибуцию которого ещё предстоит установить в ходе локальных земляных работ в полевом сезоне 2026 г.

Анализ материалов полевого сезона демонстрирует хронологическую принадлежность исследуемых объектов к эпохе бронзы, раннему железному веку и средневековью. Их изучение показало необходимость проведения консервационных мероприятий и включения вновь выявленных памятников в реестр объектов культурного наследия и музеефикации.

В Чеди-Хольском районе были продолжены раскопки на объекте 15 могильника Чаа-Суг-1. Исследованное погребение, содержавшее останки взрослого мужчины в каменном ящике, оказалось безынвентарным (рис. 4). На основании анализа погребального обряда (*каменная подушка, жертвенная пища, поза индивида*) и конструктивных особенностей сооружения памятник был отнесён к финальному этапу скифского периода. Полученные данные дополняют существующие представления о погребальной практике скифского времени в регионе, демонстрируя разнообразие погребальной традиции и подтверждая существование безынвентарных захоронений в этот хронологический период. Выявление данного объекта расширяет источниковую базу для реконструкции социальной структуры древнего общества и изучения эволюции погребальной обрядности в Туве. Полученные результаты подчёркивают необходимость продолжения комплексного исследования могильника Чаа-Суг-1.

Полевые изыскания в 2025 г.

В 2025 г. археологическим отрядом Центра под руководством К. М. Монгуша были возобновлены исследования на городище Оймак, в ходе которых были проведены шурфовки с целью выявления границ памятника и

постановки его на учёт. Одновременно удалось точно локализовать месторасположение грунтового могильника Чурумал, изученного Л. Р. Кызласовым в 1958 г. [Кызласов 1969, с. 157—160], что является важным этапом его дальнейшего изучения.

Полевые исследования 2025 г. на указанных памятниках позволили определить перспективы их комплексного изучения. Как нам представляется - это внесёт существенный вклад в понимание этнокультурных процессов, а именно, получить принципиально новые данные о материальной культуре, хронологии и особенностях погребальной практики народов, населявших Туву в древнемонгольский период.

В рамках совместных исследований с Государственным Эрмитажем под руководством научного сотрудника Н. А. Жоговой нами был произведён осмотр нескольких стоянок периодов неолита и палеометалла.

На «дюнной» стоянке Ангачи I (*совр. Онгача I*) в Кызылском районе (кожууне) проведены рекогносцировочные работы и собраны многочисленные артефакты, включая материалы неолитического времени - кремнёвые отщепы, сколы, чешуйки, скребки, нуклеусы, наконечники стрел, и средневекового периода - деталь конского снаряжения – железный распределитель ремня. Памятник неоднократно посещали исследователи, начиная с 1920-х гг. [Кызласов 1979, с. 11-14; Жогова, Бусова, Семенов, 2023 с. 36, 39].

В Улуг-Хемском районе были обследованы поселения в горах Аргалыкты, зафиксированные Ю. И. Трифоновым в 1965-1967 гг. [Трифонов, 1967, с. 129]. Локализованы места трёх стоянок вблизи могильников Аргалыкты I, VII и IX, собран подъёмный материал, представленный в основном фрагментированной керамикой I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., свидетельствующей о длительном освоении данной территории.

Заключение

В период с 2022 г. по 2025 г. нашим коллективом были осуществлены раскопки на двух могильниках Чаа-Суг-1 и Ак-Тал-3 в Чеди-Хольском районе, здесь же выявлены могильник Сузугу-1 и поселение Узун-Хову-1, местонахождения петроглифов Чайлаг-Хем-2, Кызыл-Даг и Баш-Даг. Эти объекты свидетельствуют о значительном историко-культурном потенциале территории. Полученные материалы позволяют сделать вывод о длительном и непрерывном освоении данной местности в различные археологические эпохи, а также подчёркивают необходимость продолжения комплексных исследований для сохранения и интерпретации уникального культурного наследия Тувы.

В Улуг-Хемском и Тандинском районах были проведены исследования монгольских городских поселений Дён-Терек, Кочетово, Могой и Оймак,

в ходе которых удалось уточнить их планиграфию, границы и культурно-хронологическую принадлежность. В результате полевых работ удалось зафиксировать элементы фортификации, остатки жилой и хозяйственной застройки, а также собрать представительную коллекцию артефактов, характеризующих материальную культуру населения в монгольский период. Полученные данные углубляют понимание процессов развития монгольских «городов» в средневековой Туве.

Особое внимание уделялось документации петроглифов в верхнем течении реки Элегест и на горе Кызыл-Даг.

Важным итогом этих работ стала точная локализация и документация таких объектов, как городище Оймак, грунтовый могильник Чурумал. В процессе работ применялись современные методы фиксации, обеспечивающие высокую достоверность полученных данных. В дальнейшем планируется продолжить систематические исследования памятников, уделяя особое внимание постановке их на государственную охрану, углублённому изучению поселенческих комплексов и проведению спасательных раскопок на объектах, которые подвергаются разрушению.

Литература:

1. Жогова, Бусова, Семенов 2023 — Жогова, Н. А., Бусова, В. С., Семенов, А. В. История исследований и современный этап изучения стоянок эпохи бронзы — раннего железного века Тувы // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 35–40. DOI: 10.14258/msapea.2023.3.07.
2. Кызласов 1979 — Кызласов, Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). — М., Издательство Московского университета, 1979, 207 с., 156 ил.
3. Кызласов 1969 — Кызласов, Л. Р. История Тувы в средние века. — М., Издательство Московского университета, 1969, с. 207.
4. Монгуш, Монгуш 2024 — Монгуш, К. М., Монгуш, М. А. «Городище Оймак на Улуг-Хеме (Тува): результаты рекогносцировки 2023 года» // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2024. Выпуск 19 / С. 35–43. DOI 10.24412/2411-7838-2024-19-35-43.
5. Монгуш 2024 — Монгуш, К. М. «Краткие итоги археологических разведок 2024 г. в центральных и восточных районах Тувы» // Азиатские исследования: история и современность. 2024. № 1–2 (9–10). С. 21–33. DOI: 10.24412/2782-6139-2024-9-10-21-33.
6. Монгуш 2023 — Монгуш, К. М. Курганы раннего этапа Уюкско-саглынской культуры могильника у горы Бош-Даг в Туве (материалы раскопок М. Х. Маннай-оола 1964 г.) // Тропой тысячелетий. Памяти М. А.

Дэвлет. М.: ИА РАН, 2023. Труды САИПИ. Вып. XIII. С. 191–204. DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.

7. Трифонов 1967 — Трифонов, Ю. И. Раскопки у подножия хребта Аргалыкты и в районе Кара - Тала // АО за 1966 г. М., 1967. С. 129–131.

8. Чадамба, Куулар 2022 — Чадамба, Л. Д., Куулар, А. И. «Археологические раскопки в Чеди-Хольском кожууне Республики Тыва» // Азиатские исследования: история и современность. 2022. №3. С.55–62. DOI: 9.24412/2782-6139-2022-3-55-62.

9. Чадамба 2024 — Чадамба, Л. Д. Петроглифы края «семи озер» (новые открытия) // Сборник «Ермолаевские чтения», материалы VII научно-практической конференции, посвященной 90-летию М.А. Дэвлет и М.Х. Маннай-оола, 95-летию А. Д. Грача в рамках Года педагога и наставника. Кызыл, 2024, с. 31–36.

10. Чадамба, Монгуш, Монгуш 2023 — Чадамба, Л. Д., Монгуш, М. А., Монгуш К. М. «Предварительные результаты археологической разведки в Чеди-Хольском кожууне Республики Тыва в 2023 г.» // Азиатские исследования: история и современность. № 2–3 (6–7). 2023. С. 37-47. DOI: 24412/2782-6139-2023-6-7-37-47.

References:

1. Zhogova, N. A., Busova, V. S., Semenov, A. V. (2023) “Istorija issledovanij i sovremennyy jetap izuchenija stojanok jepohi bronzy — rannego zheleznogo veka Tuvy” [The History of Research and the Current Stage of Studying the Sites of the Bronze Age — Early Iron Age of Tuva], *Sovremennye reshenija aktual'nyh problem evrazijskoj arheologii*, vol. 3, Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2023, p. 35–40. DOI:10.14258/msapea.2023.3.07 (In Russ.).

2. Kyzlasov, L. R. (1979) “Drevnjaja Tuva (ot paleolita do IX v.)” [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1979, p. 207, 156 il. (In Russ.).

3. Kyzlasov, L. R. (1969) “Istorija Tuvy v srednie veka” [The History of Tuva in the Middle Ages], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1969, p. 207. (In Russ.).

4. Mongush, K. M., Mongush, M. A. (2024) “Gorodishhe Ojmak na Ulug-Heme (Tuva): rezul'taty rekognocirovki 2023 goda” [Oymak Settlement on Ulug-Khem (Tuva): Results of the 2023 Reconnaissance], *Uchenye zapiski muzeja-zapovednika «Tomskaja Pisanica»*, 2024, vol. 19, p. 35–43. DOI 10.24412/2411-7838-2024-19-35-43. (In Russ.).

5. Mongush, K. M. (2024) “Kratkie itogi arheologicheskikh razvedok 2024 g. v central'nyh i vostochnyh rajonah Tuvy” [Summary of Archaeological Exploration in 2024 in the Central and Eastern Regions of Tuva], *Aziatskie issledovanija:*

istorija i sovremennost', 2024, no. 1–2 (9–10), p. 21–33. DOI: 10.24412/2782-6139-2024-9-10-21-33 (In Russ.).

6. Mongush, K. M. (2023) “Kurgany rannego jetapa Ujuksko-saglynskoj kul'tury mogil'nika u gory Bosh-Dag v Tuve (materialy raskopok M. H. Mannaj-oola 1964 g.)” [Burial Mounds of the Early Stage of the Uyuk-Saglynsky Culture of the Burial Ground near the Bosh-Dag Mountain in Tuva (materials from the excavations of M. H. Mannai-oola 1964)], Tropoju tysjacheletij. Pamjati M. A. Djevlet. M.: IA RAN, 2023. Trudy SAIPI, vol. XIII, p. 191–204. DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2. (In Russ.).

7. Trifonov, Ju. I. (1967) “Raskopki u podnozhija hrebta Argalykty i v rajone Kara - Tala” [Excavations at the Foot of the Argalykty Ridge and in the Kara -Tala Area], AO za 1966 g., Moscow, 1967, p. 129-131. (In Russ.).

8. Chadamba, L. D., Kuular, A. I. (2022) “Arheologicheskie raskopki v Chedi-Hol'skom kozhuune Respubliki Tyva” [Archaeological Excavations in the Chedi-Khol Kozhuun of the Republic of Tuva], Aziatskie issledovanija: istorija i sovremennost', 2022, no 3., p.55–62. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-55-62 (In Russ.).

9. Chadamba, L. D. (2024) “Petroglify kraja «semi ozer» (novye otkrytija)” [Petroglyphs of the «Seven Lakes» Region], Sbornik «Ermolaevskie chtenija», materialy VII nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj 90-letiju M.A. Djevlet i M. H. Mannaj-oola, 95-letiju A. D. Gracha v ramkah Goda pedagoga i nastavnika, Kyzyl, 2024, p. 31–36. (In Russ.).

10. Chadamba, L. D., Mongush, M. A., Mongush, K. M. (2023) “Predvaritel'nye rezul'taty arheologicheskoy razvedki v Chedi-Hol'skom kozhuune Respubliki Tyva v 2023 g.” [Preliminary Results of Archaeological Exploration in the Chedi-Khol Kozhuun of the Republic of Tuva in 2023], Aziatskie issledovanija: istorija i sovremennost', no. 2–3 (6–7), 2023, p. 37–47. DOI: 24412/2782-6139-2023-6-7-37-47 (In Russ.).

Информация об авторе:

Мерген А. Монгуш, главный специалист Центра археологических исследований, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, 4.

E-mail: monmen1989@mail.ru

РИИЦ Author ID: 1091357

Information about the author:

Mergen A. Monguch, Chief Spelialist of the Center for Archaeological Research, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research

under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia

E-mail: monmen1989@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3667-6910

©Монгуш М. А., 2025

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 93/94

ЗНАЧЕНИЕ КИТАЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ТУВЫ

Ирина В. Чанкова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, кандидат философских наук, Абакан, Республика Хакассия, Россия, chanari@mail.ru

Аннотация. В статье дан краткий обзор некоторых китайских источников династийных историй, содержащих ранние упоминания народов / территории Тувы, начиная с периода династии Тан. Кроме династийных историй, затронули документы второго порядка. Переводы этих китайских источников уже есть в научном обороте на русском языке, но не всегда в полном объеме. Сделан вывод относительно содержания китайских источников, которые рекомендуется учесть при работе с ними.

Ключевые слова: китайские письменные источники, история Тувы, династийные истории, императорские указы, дипломатическая переписка

Для цитирования: Чанкова И. В. «Значение китайских письменных источников для исследования истории Тувы» // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 3 (15). С. 34–38. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-34-38

THE IMPORTANCE OF CHINESE WRITTEN SOURCES FOR THE STUDY OF THE HISTORY OF TUVA

Irina V. Chankova

Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Cand. of Sci (Philosophy), Academic Secretary, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, chanari@mail.ru

Absract. The article provides a brief overview of some Chinese sources containing early mentions of the peoples / territories of Tuva, starting from the

period of the Tang Dynasty. Summary of dynastic stories, names in Chinese. In addition to the dynastic histories, the documents of the second order were affected. Translations of these Chinese sources are already available in scientific circulation in Russian, but not always in full. The conclusion is made regarding the content of Chinese sources, which are recommended to be taken into account when working with them.

Keywords: chinese written sources, history of Tuva, dynastic histories, imperial decrees, diplomatic correspondence

For citation: Chankova, I. V. (2025) "The Significance of Chinese Written Sources for the study of Tuvan Geography" // Asian Studies: History and Modernity, no 3 (15), p. 34–38. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-34-38

Введение

Китайские письменные источники имеют уникальное значение для исследования истории Тувы (Тывы). В данной статье распределены некоторые источники по содержанию, которые косвенно или прямо затрагивают историю Тувы. Наша задача в данной статье осветить именно китайские источники династийных историй (прим. авт.: официальная хроника правящих династий), а также взят обширнейший свод документов «Цин Шилу», включающий императорские указы, доклады чиновников, дипломатическую переписку, изданную в г. Пекине 1938 г. по материалам периода 1630 - 1792 гг.

Династийные истории

К ранним упоминаниям и идентификации народов / территорий относятся династийные истории (Тан, Ляо, Юань, Цин). Они содержат первые письменные упоминания о племенах и народах, населявших территорию современной Тувы (дубо, тубо и др). Например, в «Таншу» (История Тан唐书) описываются отношения империи Тан с племенами тубо, включавшем территории современной Тувы, также китайские источники содержат географические описания, где зафиксированы названия рек, гор, местности, помогающая реконструировать этногеографическую картину Саяно-Алтая. «Таншу» (唐书) освещает и политические отношения с кочевыми народами, включая те, кто жил на территории современной Тувы, например, через систему «цзими» (гибкое управление), где упоминаются назначения китайских чиновников, дарование титулов вождям, обмен посольствами.

Китайские источники династии Тан, Ляо являются важнейшими для изучения периода Енисейских кыргызов (IX-X вв.), в орбиту которых входила и Тува. В «Юаньши» (История Юань元史) в период Монгольской империи и Юань содержатся сведения об административном устройстве империи, включая территорию Тувы, входившие в различные улусы и административные единицы. В эпоху Цин (Маньчжурской) империи (XVII - XX вв.) можем выде-

лить важный пласт источников: «Дай Цин Личао Шилу» («Правдивые записи всех царствований Великой династии Цин» 大清历朝实录), (сокр.вар. «Цин Шилу»). Это обширнейший свод документов, включающий императорские указы, доклады чиновников, дипломатическую переписку. Содержит массу информации об установлении маньчжурского контроля над Урянхайским краем (Тувой), административном управлении (через амбын-нойонов), сборе ясака (налога), военных походах, отношениях с Россией. «Лифаньюань» (理藩院) - это документы под названием «Палата по делам вассальных территорий», специально посвященные управлению «внешними» территориями, включая Туву. Содержат детальные отчеты о переписи населения, налогах, судебных делах, конфликтах на границах, торговле. Географические описания и карты Урянхайского края подробно описаны в трудах Хэ Цютао, Ци Юньши. Информация об экономике и торговле, который включал описание торговых путей, включая участки Великого Шелкового пути, проходившего через Туву, данные о характере ясака (пушнина, скот), что говорит о хозяйственной деятельности населения, сведения и меновой торговле тувинцев с китайскими и монгольскими купцами.

Договоры

Ключевым источником в более современный период для изучения сложных взаимоотношений в Центральной Азии: Тува-Монголия-Россия важны документы XVIII-XIX вв. (Кяхтинский договор и др). Дан краткий обзор значимости китайских письменных источников для исследования истории Тувы, но в то же время, необходим их критический анализ. К ключевым проблемам можем отнести следующие ограничения при работе с китайскими источниками: взгляд «извне» и «сверху». Информация подается с имперской позиции. Внутренняя жизнь, мотивация народов часто не освещаются или искажаются. Во-вторых, можем отметить стереотипизацию и предвзятость, например, описания могут содержать клише, характерные для китайской историографии по отношению к кочевникам. В-третьих, трудности идентификации, транскрипция этнонимов и топонимов на китайский язык часто неточна и может меняться в разные эпохи. В-четвертых, фрагментарность для ранних периодов, сведения очень часто отрывочны и разрозненны. В-пятых, необходимость критического анализа и перекрестной проверки: данные китайских источников необходимо сопоставлять с археологическими данными Тувы, данными соседних культур – древнетюркские рунические надписи, монгольские, тибетские, позже русскими источниками, фольклором и этнографией тувинцев.

Заключение

Несмотря на определенную предвзятость и ограниченность некоторых данных, китайские письменные источники являются незаменимыми для реконструкции истории Тувы, особенно в периоды ее тесных политических и экономических связей с китайской империей периода Тан, Цин. Они представляют хронологическую канву, уникальные данные о политическом статусе, административном управлении, экономических отношениях и внешнеполитическом контексте, в котором существовали предки тувинцев. Без их тщательного изучения и критического осмысления в комплексе с другими источниками целостная картина древней и средневековой истории Тувы была бы невозможна.

Таким образом, исходя из содержания китайских письменных источников, мы восполняем детали исторических событий не только народов Тувы (Тывы), но и Сибири в целом. Следует отметить, что требуется введение китайских источников не только первого порядка, но и второго, третьего и т.д., которые еще не введены в научный оборот на русском языке.

Литература:

1. Бичурин 1950 – Бичурин, Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. Т. I. 381 с.
2. Кюннер 1961 – Кюннер, Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Издательство Восточной литературы, 1961. 392 с.
3. Лапин 2011 – Лапин, П. А. Палата по делам вассальных территорий (Лифаньюань) в системе российско-китайских отношений : середина XVII - середина XIX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Лапин Павел Андреевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова].- Москва, 2011. 468 с.

References:

1. Bichurin, N. Ja. (1950) “Sobraniesvedenij o narodah, obitavshih v SrednejAzii v drevnievremena” [Collection of Information about the Peoples lived in Central Asia in Ancient Times.], Moscow, Leningrad. izdatel'stvoAkademiinauk SSSR, vol. I, 381 p. (In Russ.).
2. Kjuner, N. V. (1961) “Kitajskieizvestija o narodahJuzhnojSibiri, Central'nojAziiDal'negoVostoka” [Chinese News about the Peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East], Moscow, izdatel'stvoVostochnojliteratury, 392 p. (In Russ.).

3. Lapin, P. A. (2011) "Palatapodelamvassal'nyhterritorij (Lifan'juan') v sistemerossijsko-kitajskihotnoshenij: sredina XVII - sredina XIX vv" [The Chamber of Vassal Territories (Lifanyuan) in the System of Russian-Chinese Relations: mid-17th - mid-19th Centuries], dissertacija ... kandidataistoricheskikh nauk : 07.00.03 / Lapin Pavel Andreevich; Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, Moscow, 468 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Ирина В. Чанкова, кандидат философских наук, ученый секретарь, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, кандидат философских наук, Абакан, Республика Хакасия, Россия; 655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23.

E-mail: chanari@mail.ru

РИНЦ Author ID: 638133

Information about the autor:

Irina V. Chankova, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Republic of Khakassia, Russia; 23 Shchetinkina str., Abakan, 655017, the Republic of Khakassia, Russia.

E-mail: chanari@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4076-3056

©Чанкова И. В., 2025

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК: 81' 811.512.156

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЛЕКЕМЫ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА, ОБРАЗОВАННЫЕ СПОСОБОМ АФФИКСАЦИИ

Эллада. К. Анна́й

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания, Кызыл, Россия, eannaj@mail.ru

Аннотация. В грамматике тувинского языка уменьшительно-ласкательные аффиксы в сравнении с другими тюркскими языками считаются малоупотребимыми. Однако в последнее время употребление этих аффиксов стало шире, особенно в разговорной речи. Об этом свидетельствуют и результаты исследований по данной теме А. Ч. Кунаа, Ш. Ч. Сат, М. В. Бавуу-Сюрюн М. В., Ч. С. Цыбеновой и других авторов.

В тюркологии существуют разные мнения по поводу их функции, в своём исследовании уменьшительно-ласкательные аффиксы мы склонны считать формообразовательными, следуя традиции грамматики тувинского языка, поскольку они не образуют новые слова, а лишь добавляют экспрессивное значение за счет коннотативной семы субъективной оценки и эмотивности. Если рассматривать лексическое значение слов с уменьшительно-ласкательными аффиксами и их функции в разговорной речи, то можно сказать, что данные аффиксы являются формальными средствами выражения экспрессии. Слова с данными аффиксами в тувинском языке выражают эмоции человека, тем самым, демонстрируя отношение к человеку: плохое или хорошее, насмешку или же ласковое отношение.

В статье рассматривается употребление экспрессивных слов с уменьшительно-ласкательными аффиксами тувинского языка: =най/=бай, =кай/=кей, =чак/=жак, =кын/=кин, =ук/=үк и суффикса =ка, заимствованного из русского языка.

В результате работы можно говорить о том, что язык расширяет функцию некоторых аффиксов для выражения эмоций в языке, появилась новая

функция – номинация по отношению к человеку аффикса =чак/=жак. Новое явление – употребление суффикса русского языка =ка для выражения диминутивного отношения к человеку, которое является примером интерференции в тувинском языке.

Ключевые слова: тувинский язык, грамматика, тюркские языки Сибири, экспрессия, эмоция, уменьшительно-ласкательные аффиксы, диминутивы, лексическое значение, разговорная речь

Для цитирования: Аннай Э. К. «Экспрессивные лексемы тувинского языка, образованные способом аффиксации» // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 3 (15). С. 39–56. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-39-56

EXPRESSIVE LEXEMES OF THE TUVAN LANGUAGE FORMED BY AFFIXATION METHOD

Ellada. K. Annai

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci., Researcher, the Department of Linguistics, Kyzyl, Russia, eannaj@mail.ru

Abstract: The grammar of the Tuvan language does not commonly uses diminutive affixes, in comparison to other Turkic languages. However, in recent years these affixes have become more common, particularly in colloquial speech, as shown in studies by A. Ch. Kunaa, Sh. Ch. Sat, M. V. Bavuu-Syuryun, Ch. S. Tsybenova et al.

In Turkology, opinions vary regarding the functions of diminutive affixes; in our study, according to principles of Tuvan grammar, we view them as inflectional affixes because they don't form new words but add expressive semantics by means of subjective and emotive connotations. As for their semantics and functions in colloquial speech, it may be said that such affixes serve as formal markers of expressiveness. In Tuvan, words with diminutive affixes are used to express one's emotions or attitude towards someone, either good or bad, ironic or affectionate.

In the following article, we analyze the usage of expressive words with the following diminutive affixes: =най/=бай, =кай/=кей, =чак/=жак, =кын/=кин, =ук/=үк, as well as the affix =ка borrowed from Russian.

We conclude that the functions of certain affixes expand for the purpose of emotional expression; for example, the affix =чак/=жак now possesses an ability to refer to people. The usage of the Russian affix =ка, also a diminutive affix used to refer to people, is also a new phenomenon, as well as an example of interference in the Tuvan language.

Keywords: Tuvan, grammatical structure, Siberian Turkic languages, communication, emotional expression, diminutive form, lexical significance, informal discourse

For citation: Annai, E. K. (2025) “Expressive Lexemes of the Tuvan Language Formed by the Affixation Method” // Asian Studies: History and Modernity, no 3 (15), p. 39–56. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-39-56

Введение

Вопросы словообразования в тюркских языках изучены неравномерно и не в полной мере, несмотря на важность этого вопроса для грамматики и лексикологии. Аффикация как способ образования экспрессивных лексем ранее специально не рассматривался.

Целью данной статьи является рассмотреть уменьшительно-ласкательные аффиксы в качестве средств образования экспрессивных лексем тувинского языка.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- 1) рассмотреть степень изученности вопроса в тюркологии и в тувинском языкознании;
- 2) выявить количество уменьшительно-ласкательных аффиксов тувинского языка;
- 3) определить семантику и структуру экспрессивных лексем, образованных путем аффикации в тувинском языке;
- 4) проследить описание слов с уменьшительно-ласкательными аффиксами в словарях тувинского языка;
- 5) изучить функциональность данных лексем в художественной литературе и в разговорной речи.

При изучении экспрессивных лексем использованы методы: сплошной выборки, компонентного анализа, включенного наблюдения и описательного метода.

Материалом данной статьи послужили записи речи информантов, примеры из произведений художественной литературы тувинских писателей: Иргита Бадыраа, Степана Сарыг-оола, Чап Чулдума и Зои Байсаловой.

Изучение вопроса

Относительно места уменьшительно-ласкательных аффиксов в системе языка в тюркологии и в тувинском языкознании есть следующие точки зрения:

- 1) Считают словообразовательными, но статус их не определен [Дмитриев 1948; Севортян 1966; Кононов 1971; Баскаков 1986];

2) Относят к формообразующим, промежуточной между словоизменением и словообразованием [Икрамова 1967; Щербак 1977; Мамонова 1983; Покровская 1990].

3) И. М. Тараканова, рассматривая подобные аффиксы хакасского языка, называет их диминутивными. Она относит их к фактам словообразования, имеющим специфику в плане их речевого употребления [Тараканова (Чебочакова) 2011, с. 11].

Вопросами словообразования в тувинском языке занимались А. Ч. Кунаа в своём исследовании «Некоторые аспекты словообразования в тувинском языке» [Кунаа 1988], М. В. Бавуу-Сюрюн в работе «Словообразование в тувинском языке в настоящее время» [Бавуу-Сюрюн 2000; 2001]. Ч. С. Цыбенова в статье «Средства выражения эмотивности в тувинском языке (на примере диминутивов)» справедливо отмечает, что «с точки зрения семантики, уменьшительно-ласкательные формы представляют собой способы выражения субъективной оценки и придают основе те или иные смысловые оттенки, сохраняя при этом её лексическое значение. Так, в тувинском языке семантическое значение «меньше нормы по размеру» дополняется другими смысловыми оттенками, чаще всего «ласкательности» и «почтительности»» [Цыбенова 2020, с. 815].

В грамматическом очерке тувинского языка «Тувинско-русского словаря» Ш. Ч. Сат выделяет отдельную группу уменьшительных и уменьшительно-ласкательных аффиксов в качестве словообразовательных. К уменьшительным аффиксам относит =чак/=жак, =чыгаиш/=жыгаиш со всеми фонетическими вариантами и =ак/=ек (*хеймерек* ‘самый младший сын (дочь)'), к уменьшительно-ласкательным относит =кай/=кей, =кы/=ки, =ай/=ей [Сат 1955, с. 638-639].

Авторы грамматики тувинского языка Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбах к уменьшительно-ласкательным аффиксам относят: =чак/=чык, =жак/=жек (*кулунчак* ‘жеребенок’, *дилгижек* ‘лисичка’); =чыгаиш/=жыгаиш (*хемчигеиш* ‘реченька’, *оолчугаиш* ‘мальчик’); =ак/=ек (*оолак* ‘мальчишка’, *койгунак* ‘зайчишка’); =бай/=ней (*тенекней* ‘дурачок’); =каш (*кушкаш* ‘птичка, пичужка’) и отмечают наличие отдельных аффиксов с ласкательным значением лишь при обращении =кай/=кей, =ыкай/=икей (*эжикей* ‘дружочек’); =кы/=ки *авакым* ‘[моя] мамочка’; =ай/=ей (*авамай* ‘[моя] мамуся’) [ГТЯ 1961, с. 147-149].

Добавляясь к основе слова, они выражают «различные оттенки отношения – уменьшительности, уменьшительно-ласкательности, умиления, любовно-ласкательного отношения, уважения, почтения, и наоборот, уничижительности, насмешливости, язвительности, колкости, иронии; значения обособления, и выделения предметов (или лица) из общего ряда одинако-

вых предметов (или лиц), значения разделительности, сведения предметов в отдельные группы; значения сомнения, предположения, приблизительности; наконец оттенков подчеркивания, усилительности» [Икрамова 1967, с. 3].

В своём исследовании уменьшительно-ласкательные аффиксы мы склоны считать формообразовательными, следуя традиции грамматики тувинского языка [ГТЯ 1961, с. 107], поскольку они не образуют новые слова, а лишь добавляют экспрессивное значение за счёт коннотативной семы *субъективной оценки и эмотивности*.

Экспрессивность в тувинском языке

Экспрессией называют совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи [ЛЭС 1990, с. 591].

При определении семантической сущности экспрессивности мы следуем за авторами, которые её компонентами считают *эмотивность* (эмоции говорящего лица), *эмотивную оценку* (субъективное мнение, оценка предмета речи), *образность* (воплощённый в значении слова психический образ) и *интенсивность* (отражённое в сознании и закреплённое в значении представление о высокой степени проявления действия, явления, признака предмета, лица) [Лукьянова 2015, с. 108–109; Лиханов 1994, с. 19–26].

Экспрессивное значение у лексем может быть как с отрицательным, так и с положительным значением в зависимости от контекста и значения лексем в основе. Как справедливо отмечает Ч. С. Цыбенова, «деминутивы с отрицательным эмоциональным фоном, передающие уменьшительно-уничижительное или уничижительное значения, обязательно подтверждаются контекстным окружением. По нашим наблюдениям, такие значения, прежде всего, характерны для производных ЛСГ «человек» [Цыбенова 2020, с. 817], что подтверждается также материалом нашего исследования.

Помимо этого, одна и та же лексема в зависимости от контекста может употребляться как в положительном, так и в отрицательном значении. Это свойство лексем в тувинском языке мы относим к амбивалентному свойству лексем. Т. В. Матвеева способность употребляться в противоположных значениях в русском языке называет «эмоциональной энантиосемией» [Матвеева 2013, с. 81].

Рассмотрим экспрессивные лексемы тувинского языка, образованные с помощью уменьшительно-ласкательных аффиксов =най/=бай, =кай/=кей, =чак/=жак, =кын/=кин, =ук/=үк, также один заимствованный из русского языка суффикс =ка. Зачастую с помощью них в тувинском языке образуются существительные с качественно-оценочным значением лица.

Аффикс, формирующий существительные со значением лица в тувинском языке =най / =бай

Данный аффикс входит в состав аффиксов, которые образуют имена существительные, однако авторы грамматики тувинского языка считают его редко встречающимся [Исхаков, Пальмбах 1961, с. 173]. Присоединяясь к прилагательному или к глаголу, он придает лексеме экспрессивное значение.

Лексемы с положительным значением

Чассыгбай

В «Тувинско-русском словаре» (далее – ТРС) данная лексема не представлена. Однако в разговорной речи её употребляют по отношению к ребятишкам, чаще – к дочерям, когда ласкают или хвалят. Также есть случаи употребления этой лексемы между супругами в качестве ласкательного слова: ‘нежная (нежность), милашка’.

(1) **Чассыгбайымны!** – деп авазы бичии уруун чассытпышаан өпейлээн (Инф.1)

чассыгбай=ым=ны	де=п	ава=зы	бичии
нежная=1Sg=ACC	сказать=CV ₁	мама=POSS/3Sg	маленький
уру=у=н	чассыт=пышаан	өпейлэ=эн	
дочь=POSS/3Sg=ACC	ласкать=PP-PrP	баюкать=PP	

«**Малышка (нежная) моя!**» – говоря, мать убаюкивала свою доченьку.

Тенекпей

1) дурачок, глупыш; 2) озорник, шалун [TRC 1968, с. 411].

(2) «Бисти кагба, оглум, кайнаар-даа кады чоруур бис» деп чагын-даа турдулар. А мен кончуг **тенекпей**... (Инф.2)

бис=ти	каг=ба	огл=ум	кайнаар-даа	кады	чору=ур
мы=ACC	класть=NEG	сын=1Sg	никуда-PTCL	вместе	идти=PrP
бис	де=п	чагы=п-даа	тур=ду=лар		
мы	сказать=CV ₁	наставлять=CV ₁ -PTCL	стоять=PAST ₁ =PL		
а	мен	кончуг	тенекпей		
CONJ	я	совсем	дурачок		

‘Они (родители) наставляли меня «не оставляй нас нигде, сынок, бери нас с собой везде». А я такой **дурачок**...’

Лексемы с отрицательным значением

Азаттай

1) разиня, ротозей, ротозейка, 2) разгильдяй [TPC 1968, с. 26]. Лексема образована от *аазат* = ‘открывать, разевать рот’.

(3) Эй, *аазатпай!* Аамайсы берген аскың ажып алган олурдуңда хой ырай берди (Инф.1)

эй аазатпай	аамайс=ы	бер=ген	аск=ың	ажы=п
эй ротозей	быть рассеянным =POSS/3Sg	давать=PP	рот=POSS/2Sg	открывать=CV ₁
ал=ган	олур=ду=ң=да	хой	ыра=й	бер=ди
братъ=PP	сидеть=PAST ₁ =2Sg=LOC	хой	отдаляться=CV ₁	давать=PAST ₁

‘Эй, **ротозей!** Пока ты сидел, рассеянно открыв рот, отара отдалилась.’

Чуттугбай

Неряха, грязнуха, грязнуля [TPC 1968, с. 548]. Лексема образована от чуттуг ‘скверный, грязный, неопрятный, неряшливый’.

(4) Дуу аалдың *чуттугбайы* бо арыг орунга олурган-дыр дүрген чуг! (Инф.2)

дуу	аал=дың	чуттугбай=ы	бо	арыг	орун=га
тот	дом=GEN	неряха= POSS/3Sg	это	чистый кровать=DAT	
олур=ган-дыр	дүрген	чуг=Ø			
сидеть= PP-PTCL	быстро	мыть=IMP			

‘На этой постели сидел **неряха** из того дома, быстро постирай, давай!’

Чалгаапай

Лодырь, лентяй [TPC 1968, с. 513]. Лексема образована от чалгаа ‘лень’.

(5) Хир-чамыңга туттуруп чиртий берген, *чалгаапай-дыр сен* (Инф.2)

хир-чам=ы=нга	тут=тур=уп	чи=рт=ий
грязь-слякоть=POSS/1Sg=DAT	держать=CAUS=CV ₁	есть=CAUS=CV ₁
бер=ген	чалгаапай-дыр	сен
давать=PP	лентяй-PTCL	ты

‘Да ты же **лентяй**, которого одолела грязь!’

Олутпай

Ленивый, сидящий без дела; олутпай кизи – лентяй, бездельник [TPC 1968, с. 318].

(6) Эйт, *олутпай*, мынчаар олурар болзуңза чүнү-даа өөренип албас сен! (Инф.1)

Эйт	олутпай	мынчаар	олур=ар	бол=зун=за
Эйт	лежебока	так	сидеть=PrP	быть=COND=2Sg=COND
чүнү-даа	өөрен=ип	ал=бас	сен	

что-PTCL учиться=CV₁ братъ=NEG ты

‘Эй, **лежебока**, если будешь так сидеть ничему так и не научишься!’

Лексемы, употребляющиеся и в положительном, и отрицательном значении

Чараишпай

В ТРС данная лексема отсутствует. В разговорной речи мы отмечаем два значения у данной лексемы: с положительной оценкой ‘красавица’ и в отрицательной оценке ‘красотка’. С положительной оценкой употребляется по отношению к девушке в уменьшительно-ласкательном значении.

(7) *Каяа-даа бол чоруп чорааш чараишпайым сени сактый бээр-дир мен – деп таныжынга Артыш чугаалаан* (Инф.1)

каяа-даа бо=л	чор=уп	чараишпай=ым	сени	сакты=й
	чора=аш			

где бы ни было	идти=CV ₁	идти=CV ₃	красавица =1Sg тебя	скучать=CV ₂
----------------	----------------------	----------------------	------------------------	-------------------------

бэ=эр-дир	мен	де=п	таныж=ын=га	Артыш чугаала=ан
давать	я	сказать=CV ₁	подруга	Артыш сказать=PP
=PrP-PTCL			=POSS/3Sg=DAT	

‘Где бы я не был, непременно начинаю скучать по тебе, моя **красавица**» – признался своей девушке Артыш.’

С отрицательной оценкой употребляется в разговорной речи по отношению к девушкам с иронией к её красивой внешности или же с осуждением к её кичливому поведению.

(8) *Дыка көөргеттинмес болза эки, чараишпай!* (Инф.1)

дыка	көөргет=тин=мес	бол=за	эки	чараишпай
очень	бахвалиться=CAUS=NEG	быть=COND	хорошо	красотка

‘Лучше, не бахвалиться бы (тебе), **красотка**!’

Аффикс, формирующий существительные со значением лица в тувинском языке =кай/ =кей

Кежээкей

Как отдельная лексема это слово в тувинско-русском словаре отсутствует. В грамматике тувинского языка =кай/=кей относиться к аффиксам с ласкательным значением [ГТЯ 1961, с. 149]. Например, кежээ ‘трудолюбивый’+ =кей – ‘трудяга’. Часто употребляется для образования имён собственных: салбак + =кай и т.д. Э. В. Севортян считает, что данный аффикс является кыпчакским уменьшительно-ласкательным аффиксом [Севортян 1966, с. 181].

(9) *Че, кежээкей, ам дораан хамык-ла аштаан-суксаан албатылар сөктүп-ле келир, чемивис чылыдыптаалы* (СС, ЧЧ, 283)

Че	кежээкей	ам	дораан хамык-ла	ашта=ан-сукса=ан
давай	трудяшка	сейчас	сразу все-PTCL	голодать=PP-жа- ждать=PP
албаты=лар	сөктү=п-ле	кел=ир чем=ивис	чылыды =пта=алы	
подданный=PL	нахлынуть =CV ₁ -PTCL	приходить =PrP еда=3PL	разогреть PFV=IMp	

‘Давай, трудяшка, сейчас придет орава голодных рабочих, быстро разогреем еду.’

Менээкей

В ТРС отмечается с пометой уменьш.-ласк. дурачок, глупыш [ТРС 1968, с. 293]. Лексема образована от менээ ‘придурковатый, слабоумный’ + =кей (уменьшительно-ласкательный аффикс).

(10) Чо-ок, **менээкейни** сени! Чылбыга маңгыс сывырыпкан-дыр ийин! (СС, ЧЧ, 124)

чо-ок	МЕНЭЭКЕЙ=НИ	сени	Чылбыга	маңгыс
нет	глупыш=ACC	тебя	Чылбыга	чудовище
сывыр=ып=кан-дыр	ийин			
проглатывать=CV ₁ =PP-PTCL	PTCL			

‘Не-ет, эх, ты **глупыш!** Это ведь баба-яга проглотила великана! (в сказке)’

Аффикс, формирующий существительные со значением лица в тувинском языке =чак/ =чык

Данный аффикс с двенадцатью фонетическими вариантами (после глухих согласных и сонорных л, м, н, ң: =чак/ =чек, =чык/ =чик, =чук/ =чук, после гласных и сонорных р, й, г: =жак/ =жек, =жык/ =жик, =жук/ =жүк) входит в состав уменьшительно-ласкательных аффиксов и образует уменьшительно-ласкательные имена преимущественно животных. Например, *кулунчак* ‘жеребеночек’, *дилгижек* ‘лисичка’, неживых предметов и природных объектов: *дытчык* ‘лиственничка’, *хемчик* ‘речка’, ‘речушка’, *бугажык* ‘бычок’, *тейжик* ‘холмик’, *хууңчук* ‘ведерко’, *хөлчук* ‘озерко’ [ГТЯ 1961, с. 147-149]. Есть случаи употребления этого диминутивного аффикса в некоторых именах собственных: *Долаанажык* ‘Долааночка’, *Чеченажык* ‘Чеченочка’, *Саянажык* ‘Саяночка’ и др.

В современном разговорном тувинском языке наблюдается употребление данного аффикса также в качестве уменьшительно-ласкательного аффикса со значением лица лишь в двух лексемах: *кызыжак* ‘девочка, девчушка, девчурка’ и *кернижек* ‘невестушка’. На данном этапе исследования мы не обнаружили других лексем.

Кызыжак ‘девчушка’

В Толковом словаре тувинского языка данная лексема отмечается как ‘девочка, девчушка, девчурка’ [ТСТЯ 2011, с. 270], в ТРС отсутствует.

(11) *Өөнүң ээзи кел чыдарга бичии кызыжак-биле сыйбыңайнчып орарындан чованы ол-дур деп бодум хуумда даап бодап каан мен* (ЗБ, С., с. 47).

өөн=үң	ээ=зи	кел=Ø	чыд=ар=га	бичии	кызыжак-биле
дом=GEN	хозяин=POSS/3Sg	приходить	лежать =PrP=DAT	маленький	девчушка -INSTR
сыйбың =айнч=ып	орар=ын=дан	човаа=н=ы	ол-дур		
заигрывать =RFL=CV ₁	сидеть=POSS/ 3Sg=ABL	стесняться =PP=POSS/3Sg	это-PTCL		
де=п	бодум	хуу=м=да	да=ап	бод=ап ка=ан	мен
сказать=CV ₁	ясамдоля=1Sg=LOC		предполагать думать оставаться=PP я		

‘Я предположила, что ему стало стыдно из-за того, что он (супруг её) заигрывал с молодой **девчушкой**’.

Кернижек ‘невестушка’

Данная лексема отсутствует в существующих словарях тувинского языка, но есть случаи употребления в современном разговорном тувинском языке. *Кернижек* ‘невестушка’ от лексемы *келин/керин* ‘сноха, невестка’ [ТРС 1968, с. 237] встречается в разговорной речи. Информанты утверждают, что так раньше не говорили, но в последнее время это заметно в речи некоторых людей.

(12) *Мээң кернижегим дыка эки кыс болганынга өөрүүр-дүр мен* (Инф.1)

мээң	кернижег=им	дыка	эки	кыс
моя	невестушка =POSS/1Sg	очень	хорошая	девочка
болган=ын=га	өөрү=үр-дүр	мен		
быть=POSS/3Sg=DAT	радоваться=PrP-PTCL	я		

‘Я рада тому, что моя **невестка** оказалась очень хорошей девушкой’

Аффикс, формирующий существительные со значением лица в тувинском языке =кын/=кин

Өлешкин

Данная лексема не указывается в ТРС, но на русский язык переводится как ‘негодяй’ < өл ‘умирать’ + =еш (прибавляется к глагольным основам и образует производные существительные [ГТЯ 1961, с. 157]) + =кин. Есть аналог аффикса =ышкын // =ишкин, который, по мнению авторов грамма-

тики тувинского языка, восходит к аффиксу =и//=ыи [Там же], но в нашем случае уместно считать, что данная лексема произошла от двух аффиксов: =еи и =кин.

Это ругательно-бранное слово, используемое и к мужчинам, и к женщинам, когда приравнивают к негодному, инертному и бездейственному человеку. Данная лексема встречается в художественной литературе посвященной описанию жизни до образования ТНР, однако употребляется в разговорной речи и современной литературе.

(13) ...Шак бо өөдежок **өлешкинни** канчаар чүвөл, акым? – деп айтырган. (ЧЧ, Т, 76)

шак	бо	өөдежок	өлешкин=ни	канчаар
вот	этот	вялый	негодяй=АСС	как

чүв=ел	акы=м	де=п	айтыр=ган
--------	-------	------	-----------

что=это	брат=1Sg	сказать=CV ₁	спрашивать=PP
---------	----------	-------------------------	---------------

‘...что делать с этим никудышным **негодяем**, брат?’

Ырбыскын

1) хрупкий, неокрепший; *ырбыскын киж*и – хрупкий человек; 2) маленький, малюсенький, ничтожный (например, о детёныше животных) [ТРС 1996, с. 599]. Аналогом в русском языке может быть слово хилляк. Лексема образована от *ырбагар* ‘слабый, хрупкий’ + =кын (аффикс, придающий отрицательную, оценочную семантику). Данная лексема встречается в основном в художественной литературе.

(14) Көөрге мындыг аш куу **ырбыскын**. Аскын дыңнаңар чүү дидир! (СС, ЧЧ, 326)

кө=өр=ге	мындыг	аш	куу	ырбыскын
смотреть=PrP=DAT	такой	голодный	серый	хилляк

аск=ы=н	дыңна=ңар	чүү	ди=дир
---------	-----------	-----	--------

рот=POSS/3Sg=ACC	слушать=IMP	что	говорить=PAST ₁
------------------	-------------	-----	----------------------------

‘Смотришь на него вроде бледный **хилляк**.’

Аффиксы, формирующие существительные со значением лица в тувинском языке =ук/ =үк

Данный аффикс прибавляется к основам, которые оканчиваются на согласные, и в своем звуковом составе имеют губные гласные: =к (=ык/=ик, =ук/=үк) Словообразование имен существительных при помощи аффиксов.

Сойлук

В тувинско-русском словаре дают следующий перевод: *сойлук* ‘собака’ (ругательство) [ТРС 1968, с. 380], мы считаем, что в данном случае дано

переносное значение данной лексемы. Мы предполагаем, что отрицательное значение произошло следующим образом: < *сой-* ‘сдирать шкуру (животного)’ < *сой*=ул возвратный залог ‘сдирайся сам’ + =ук (аффикс, образующий имена от глаголов), на русский язык можно перевести как *сволочь*. Часто применяется к мужчинам.

(16) *Черле бичимден уйгужу сойлук болбазык мен бе – деп, Ардаамай каттырып олурган* (ИБ, АК, 208)

черле	бичи=м=ден	уйгужу	сойлук	бол=баз=ык
всегда	маленький=1Sg=ABL	засоня	сволочь быть=NEG=PTCL	
мен бе	де=п	Ардаамай	кат=тыр=ып	олур=ган
я ли	сказать=CV ₁	Ардаамай	смеяться=DUB=CV ₁	сидеть=PP
‘Я ведь всегда с детства, сволочь , спать люблю, – говоря, Ардаамай улыбался’				

Өлүмдүк

Авторы тувинско-русского словаря дают как синоним лексемы *өлбөзөк* – слабенький, чуть живой [TPC 1968, с. 335], *слабак* < *өлүм* ‘смерть’ + =дүк (аффикс, образующий имена от глаголов). Используют по отношению к бессильному, безвольному, бесхарактерному человеку. Соответствие имеется в алт. – *қлұмтик* ‘безжизненность, слабость, бессилие’.

(17) *Эй, өлүмдүк, чүнү чинзерленип тур сен?* (Инф.1)

Эй	өлүмдүк	чү=нү	чинзерлен=ип	тур	сен
Эй	слабак	что=ACC	рыскать=CV ₁	стоять	ты
‘Эй, слабак , что ты рыскаешь (рыщешь)?’					

Аффикс, формирующий существительные со значением лица в тувинском языке =ка

В современном разговорном тувинском языке стало заметно употребление таких слов со значением лица, как *чаптаашка* ‘милашка’ (от *чаптанчыг* ‘умильный, забавный’ [TPC 1968, с. 517]), *кернишишка* ‘невестушка’ (от *келин/керин* ‘сноха, невестка’ [TPC 1968, с. 237]), *оглуушка* ‘сыночка’ (от *оглу* ‘[его, её, их] сын’ [TPC 1968, с. 313]), иногда и в собственных именах: *Алтейка*, *Демирка*, *Наурка* и др., где показатель =ка является суффиксом русского языка, выражающим значение фамильярно-интимной близости отношений (ср. *Витка*, *Пашка*, *Димка* и мн. др.).

В русском языке суффикс =ка относят к суффиксам субъективной оценки, так как он привносит эмоционально-модальный оттенок, видоизменяя структуру слова, и предназначен для выражения личного отношения субъекта [Медведева 2013, с. 488]. Примечательно также то, что данный

суффикс может выражать разные эмоционально-модальные оттенки: как морально-уничижительный (*Пашка, Витька, Толька, Димка*), так и дружественный при обращении к детям, молодёжи в среде сверстников (*Светка, Анька, Ванька*).

Перенимая данный суффикс русского языка, тувинцы употребляют его значение, передающее дружественный, умилительный оттенок для выражения близкого отношения к человеку.

(18) *И мы тут с Даяшкой, совсем крошкой [11.01.2017. Facebook. Дина Оюн]. Даяшка от тув. имени Даяна.*

(19) *Алтейка и Найырка ждут вас в гости к себе домой [Нелли]. Алтейка от имени Алтея, Найырка от тув. имени Найыр.*

Аффикс =чыгаш/=жыгаш

Аффикс *=чыгаш/=жыгаш* служит в основном для передачи уменьшительно-ласкательного значения у неживых объектов: *хемчигеш* ‘реченька’, *тоолчугаш* ‘сказочка’, *отчугаш* ‘огонёк’, *арыкчыгаш* ‘родничок’, *хадыңчыгаш* ‘березочка’ и мн. др. слова. Однако также встречается по отношению к лицу: *оолчугаш* ‘мальчишка’, *кысчыгаш* ‘девчушка’ и др.

Заключение

Считается, что у тувинцев проявление излишней эмоциональности не приветствуется, употребление слов с уменьшительно-ласкательной семантикой не характерно тувинской речи, также уменьшительно-ласкательные аффиксы малоупотребимы. Однако в данной статье мы убедились, что в последнее время появляются примеры частого употребления этих аффиксов в разговорной речи. По нашему мнению слова, образованные с помощью рассмотренных аффиксов относятся к пласту экспрессивных лексем в тувинском языке, поскольку они выражают эмоциональное отношение говорящих.

Большинство рассмотренных аффиксов в тувинском языке выступают как маркеры ласкательности с положительной семантикой, однако встречаются примеры и отрицательной семантики, например, как у аффикса *=най/=бай*. Положительная или отрицательная семантика в экспрессивной лексеме зависит от значения основы слова и контекста речевой ситуации.

Новым явлением стало и то, что для проявления эмоции в речи встречается употребление новых функций у некоторых аффиксов, например, аффикс *=чак/=жак*, стал применяться для образования лексем со значением лица: *кызыжак* ‘девочка, девчушка, девчурка’ и *кернижак* ‘невестушка’, так как раньше он употреблялся только для образования уменьшительно-ласкательного значения у животных, неодушевленных предметов и объектов.

Также в разговорном тувинском языке для уменьшительно-ласкательного обращения в именах собственных всё чаще стал участвовать суффикс русского языка =ка при наличии уменьшительно-ласкательных аффиксов самого тувинского языка. Это является ярким примером интерференции на словообразовательном уровне, которое появляется в нынешних условиях тувинско-русского двуязычия в Республике Тыва.

Информанты:

Инф.1 – Бегзи Чинчи Седеновна, 1974 г.р. (с. Ак-Туруг)

Инф.2 – Доржу Ольга Доржуевна, 1969 г.р. (с. Суг-Аксы)

Источники:

ИБ, АК – Иргит Бадыраа «Арзылан кудерек». Кызыл, 1996. 280 с.

СС, ЧЧ – Степан Сарыг-оол «Чогаалдар чыындызы». Кызыл, 1989. 464 с.

ЗБ, С – Зоя Байсалова. Сурас. Кызыл, 1997. 160 с.

ЧЧ, Т – Чап Чулдум «Тевек». Кызыл, 1996. 175 с.

Список условных сокращений:

ABL – исходный падеж; **ACC** – винительный падеж; **CAUS** – понудительный залог; **COND** – форма условного наклонения; **CONJ** – союз; **CV₁** – форма соединительного деепричастия на =п; **CV₃** – форма деепричастия прошедшего времени на =гаш; **DAT** – дательный падеж; **GEN** – родительный падеж; **IMP** – повелительное наклонение; **LOC** – местный падеж; **NOM** – основной падеж; **NEG** – отрицательная форма; **OPT** – согласительное (желательное) наклонение; **PAST₁** – форма прошедшего времени на =ды; **PAST₂** – форма прошедшего времени на =ган; **PAST₃** – форма прошедшего времени на =п-тыр; **POSS** – посессивный аффикс; **POSSV** – форма обладания; **PTCL** – частица; **PP** – форма причастия прошедшего времени на =ган; **PrP** – форма причастия будущего времени на =ар; **REC** – совместно-взаимный залог; **RFL** – возвратный залог; **Sg** – единственное число.

Литература:

1. Баскаков 1986 – Баскаков, А. В. О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках // Советская тюркология. № 2. Баку: АН СССР; АН Азербайджанской ССР, 1986. 111 с.
2. Бавуу-Сюрюн 2000 – Бавуу-Сюрюн, М. В. Некоторые замечания к тувинским словообразовательным моделям, заимствованным из монгольского языка // УЗ Ховдинского университета. Ховдо, 2000. С. 112–120.
3. Бавуу-Сюрюн 2001 – Бавуу-Сюрюн, М. В. Закономерности присоединения общетюркского =лык к заимствованным из русского языка основам (на

- материале тувинского языка) // Актуальные проблемы сохранения и развития языков, культур и истории народов Саяно-Алтая. Абакан, 2001. С. 14–16.
4. Виноградов 1947 – Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947. 783 с.
5. ГТЯ 1961 – Исаков, Ф. Г. Грамматика тувинского языка / Ф. Г. Исаков, А. А. Пальмбах. М., 1961. 472 с.
6. Дмитриев 1948 – Дмитриев, Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948. 276 с.
7. Икрамова 1967 – Икрамова, Р. Модальные формы имен существительных в современном узбекском языке [Текст]: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук / АН УзССР. Ин-т яз. и литературы им. А. С. Пушкина. - Ташкент : Фан, 1967. 36 с.
8. Кононов 1971 – Кононов, А. Н. Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков) // Вопросы тюркологии. Баку, 1971. С. 94–101.
9. Лукьянова 2015 – Лукьянова, Н. А. Толково-исторический «Словарь русского языка XI–XVII вв.» как источник изучения экспрессивной лексики / Н. А. Лукьянова // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 107–120.
10. Лиханов 1994 – Лиханов, В. И. Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке. Новосибирск: ВО Наука, 1994. 130 с.
11. Маманова 1983 – Маманова, Г. И. Основные типы аффиксов субъективной оценки имен существительных в казахском языке // Советская тюркология. № 6. 1983. – 112 с.
12. Матвеева 2013 – Матвеева, Т. В. Экспрессивность русского слова. Семантика. Тематика. Средства выражения. Лексикография / Т. В. Матвеева. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 173 с.
13. Медведева 2013 – Медведева, К. М. Семантика эмоционально-экспрессивных суффиксов качественных форм русских антропонимов // Молодой ученый. Ежемесячный научный журнал №7 (54). Москва: ООО «Издательство Молодой ученый». 2013. С. 487–490.
14. Покровская 1990 – Покровская, Л. А. Формообразование и его отношение к словообразованию и словоизменению в тюркских языках // Советская тюркология. 1990. № 1. С. 12–16.
15. Сат 1955 – Сат, Ш. Ч. Тувинско-русский словарь: Около 20000 слов: С прил. граммот. очерка тувин. яз / Под ред. А. А. Пальмбаха; Тувин. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. Москва: ГИС, 1955. 724 с.

16. Севортян 1966 – Севортян, Е. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966. 437 с.
17. Тараканова 2011 – Тараканова (Чебочакова), И. М. Диминутивы в хакасском языке. Абакан: Изд-во ООО «Сервисный пункт», 2011. 116 с.
18. ТРС 1968 – Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. – М.: Сов. энцикло-педия, 1968. 646 с.
19. ТСТЯ 2011 – Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. – Новоси-бирск: Наука, 2011. Т. II. К–С. 798 с.
20. Щербак 1977 – Щербак, А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977. 191 с.
21. Цыбенова 2020 – Цыбенова, Ч. С. Средства выражения эмотивности в тувинском языке (на примере деминутивов) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30. № 5. С. 813-819. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-813-819 EDN: XEMJQE

References:

1. Baskakov, A. V. (1986) “O granitsakh slovoobrazovaniya i slovoizmeneniya v tyurkskikh yazykakh” [On the boundaries of word formation and word inflection in Turkic languages]// Sovetskaya tyurkologiya. no. 2. Baku: AN SSSR; AN Azerbaydzhanskoy SSR, 1986. 111 p. (in Russ.)
2. Bavuu-Syuryun, M. V. (2000) “Nekotorye zamechaniya k tuvinskim slovoobrazovatel’nym modelyam, zaimstvovannym iz mongol’skogo yazyka” [Some comments on Tuvinian word formation models borrowed from the Mongolian language]// UZ Khovdinskogo universiteta. – Khovdo, 2000. Pp. 112–120 (in Russ.)
3. Bavuu-Syuryun, M. V. (2001) “Zakonomernosti prisoedineniya obshchetyurkskogo =lyk k zaimstvovannym iz russkogo yazyka osnovam (na materiale tuvinskogo yazyka)” [Patterns of the addition of the common Turkic =lyk to the bases borrowed from the Russian language (based on the Tuvan language)] // Aktual’nye problemy sokhraneniya i razvitiya yazykov, kul’tur i istorii narodov Sayano-Altaya. – Abakan, 2001. Pp. 14–16 (in Russ.)
4. Vinogradov, V. V. (1948) “Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove” [Russian language. Grammatical study of the word] М.-Л., 1947. 783 p. (in Russ.)
5. GTYa 1961 – Ishakov, F. G. (1961) Grammatika tuvinskogo yazyka [Grammar of the Tuvan language] / F. G. Ishakov, A. A. Palmbah. М., 1961. 472 p. (in Russ.)
6. Dmitriev, N. K. (1948) “Grammatika bashkirskogo yazyka” [Grammar of the Bashkir language] М.-Л., 1948. 276 p. (in Russ.)
7. Ikramova, R. (1967) “Modal’nye formy imen sushchestvitel’nykh v sovremen-nom uzbekskom yazyke” [Tekst] [Modal forms of nouns in the modern Uzbek

- language]: Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk / AN UzSSR. In-t yaz. i literatury im. A. S. Pushkina. - Tashkent : Fan, 1967. 36 p. (in Russ.)
8. Kononov, A. N. (1971) "Umen'shitel'nye formy imen i slovoobrazovanie (na materiale tyurkskikh yazykov)" [Diminutive forms of names and word formation (based on Turkic languages)] // Voprosy tyurkologii. Baku, 1971. Pp. 94-101 (in Russ.)
9. Luk'yanova, N. A. (2015) "Tolkovo-istoricheskiy «Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.» kak istochnik izucheniya ekspressivnoy leksiki" [Explanatory and Historical Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries as a Source of Expressive Vocabulary]/ N. A. Luk'yanova // Krugi vremen. V pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoy. – M.: In-drik, 2015. – T. 2: Issledovaniya. Posvyashcheniya i vospominaniya. Pp. 107–120 (in Russ.)
10. Sat, Sh. Ch. (1955) "Tuvinsko-russkiy slovar'" [Tuvan-Russian dictionary]: Okolo 20000 slov: S pril. grammat. ocherka tuvin. yaz / Pod red. A. A. Pal'mbakha; Tuv. nauch.-issled. in-t yazyka, literatury i istorii. – Moskva: GIS, 1955. 724 p. (in Russ.)
11. Likhanov, V. I. (1994) "Emotsional'no-otsenochnye i ekspressivnye slova v yakutskom yazyke" [Emotional, evaluative, and expressive words in the Yakut language] Novosibirsk: VO Nauka, 1994. 130 p. (in Russ.)
12. Mamanova, G. I. (1983) "Osnovnye tipy affiksov sub"ektivnoy otsenki imen sushchestvitel'nykh v kazakhskom yazyke" [The main types of subjective evaluation affixes for nouns in the Kazakh language]// Sovetskaya tyurkologiya. № 6. 1983. 112 p. (in Russ.)
13. Matveeva, T. V. (2013) "Ekspressivnost' russkogo slova. Semantika. Tematika. Sredstva vyrazheniya. Leksikografiya" [Expressiveness of the Russian word. Semantics. Themes. Means of expression. Lexicography]/ T. V. Matveeva. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 173 p. (in Russ.)
14. Medvedeva, K. M. (2013) "Semantika emotsional'no-ekspressivnykh suffiksov kvalitativnykh form russkikh antroponimov" [Semantics of Emotional and Expressive Suffixes of Qualitative Forms of Russian Anthroponyms]// Molodoy uchenyy. Ezheemesyachnyy nauchnyy zhurnal №7 (54). Moskva: OOO «Izdatel'stvo Molodoy uchenyy», 2013. Pp. 487-490 (in Russ.)
15. Pokrovskaya, L. A. (1990) "Formoobrazovanie i ego otnoshenie k slovoobrazovaniyu i slovoizmeneniyu v tyurkskikh yazykakh" [Form formation and its relation to word formation and inflection in Turkic languages]// Sovetskaya tyurkologiya. 1990. № 1. Pp. 12-16 (in Russ.)
16. Sevortyan, E. V. (1966) "Affiksy imennogo slovoobrazovaniya v azerbaydzhanskom yazyke. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya" [Affixes of Nominal Word

Formation in the Azerbaijani Language. Experience of Comparative Research] M., 1966. 437 p. (in Russ.)

17. Tarakanova (Chebochakova), I. M. (2011) “Diminutivy v khakasskom yazyke” [Diminutives in the Khakass language]. Abakan: Izd- vo OOO «Servisnyy punkt», 2011. 116 p. (in Russ.)

18. TRS (1968) “Tuvinsko-russkiy slovar” [Tuvan-Russian dictionary] / pod red. E. R. Tenisheva. – M.: Sov. entsiklo-pediya, 1968. – 646 p.

19. TSTYa (2011) “Tolkovyy slovar’ tuvinskogo yazyka” [Explanatory dictionary of the Tuvan language] / pod red. D. A. Mongusha. – Novosi-birsk: Nauka, 2011. – T. II. K–S. – 798 p.

20. Shcherbak, A. M. (1977) “Ocherki po sravnitel’noy morfologii tyurkskikh yazykov (Imya)” [Essays on the Comparative Morphology of Turkic Languages (Name)]. – L., 1977. 191 p. (in Russ.)

21. Tsybenova, Ch. S. (2020) “Sredstva vyrazheniya emotivnosti v tuvinskom yazyke (na primere deminutivov)” [Means of Expressing Emotivity in the Tuvan Language (Using Diminutives as an Example)]// Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya. 2020. T. 30. no. 5. Pp. 813-819 (in Russ.) DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-813-819 EDN: XEMJQE

Информация об авторе:

Анна́й Элла́да Кан-ооловна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, 4.

E-mail: eannaj@mail.ru

РИИЦ Author ID: 698264

Information about the author:

Ellada K. Annai – Cand.of Sci (Philology), Researcher at the Department of Linguistics, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia

E-mail: eannaj@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7892-0454

© Анна́й Э. К., 2025

Научная статья
УДК 398

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ТРИКСТЕРА В СКАЗОЧНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ТУВИНЦЕВ: АРЕАЛ БЫТОВАНИЯ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Зоя Б. Самдан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, заведующая сектором литературоведения, Кызыл, Республика Тыва, Россия, samdan-zb@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автор исследует проблему об общих истоках и особенностях развития сказочно-мифологической традиции тувинского этноса на примере образа трикстера. Предлагаемая статья была апробирована автором на научно-практической конференции “Зарубежные тувинцы: проблемы изучения истории, языка, фольклора и культуры”, которая была проведена Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ) в 2024 г. в г. Кызыле. Консолидирующая цель данной конференции позволила с помощью сравнительно-исторического метода исследования выявить общие истоки происхождения южно-сибирских и цэнгэльских тувинцев на основе их сказочно-мифологической традиции.

На основе тувинских мифов и сказок, опубликованных в советское, постсоветское время, тувинских мифов и сказок, а также собранных в разное время в Туве и Монголии экспедиционных материалов, автор анализирует ареал бытования, локальные особенности и трансформацию образа трикстера в сказочно-мифологической традиции тувинцев.

В результате исследования автор приходит к выводу, что образ трикстера в устной традиции южно-сибирских и цэнгэльских тувинцев развивался в системе единой центрально-азиатской фольклорной общности тюрко-монгольских народов: имеет древние мифологические корни, широкий ареал бытования и локальные особенности.

Ключевые слова: тувинцы, мифы, сказки, образ трикстера, ареал бытования, локальные особенности, трансформация

Для цитирования: Самдан З. Б. «Трансформация образа трикстера в сказочно-мифологической традиции тувинцев: ареал бытования и локальные

особенности» // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 3 (15). С. 57–71. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-57-71

TRANSFORMATION OF THE TRICKSTER'S IMAGE IN FABULOUS MYTHOLOGICAL TRADITIONS OF THE TUVANS: AN AREA OF EXISTANCE AND LOCAL FEATURES

Zoya B. Samdan

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Candidate of Philological Sciences, Head of the Literary Studies Sector, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, samdan-zb@yandex.ru

Abstract. The author explores the problem of the common origins and features of the development of the fairy-tale and mythological tradition of the Tuvan ethnic group using the trickster image as an example. The proposed article was tested by the author at the scientific and practical conference “Foreign Tuvans: Problems of Studying History, Language, Folklore and Culture”, which was held by the Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (TIHASER) in 2024 in Kyzyl. The consolidating purpose of this conference made it possible, using the comparative historical research method, to identify the common origins of the origin of the South Siberian and Tsengel Tuvans on the basis of their fabulous and mythological tradition. Based on texts published in Soviet and post-Soviet times, Tuvan myths and fairy tales, as well as expedition materials collected at various times in Tuva and Mongolia, the author analyzes the range of existence, local features and transformation of the trickster image in the fairy-tale and mythological tradition.

As a result of the research, the author comes to the conclusion that the image of the trixer in the oral tradition of the South Siberian and Tsengel Tuvans developed in the system of a single Central Asian folklore community of the Turkic-Mongolian peoples: it has ancient mythological roots, a wide range of existence and local features.

Keywords: Tuvans, myths, fairy tales, trickster image, habitat, local features, transformation

For citation: Samdan, Z.B. (2025) “Transformation of the Trickster's Image in Fabulous Mythological Traditions of the Tuvans: an Area of Existence and Local Features” // Asian studies: History and Modernity, no. 3 (15), p. 57–71. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-57-71

Введение

Обращение коренных народов, живущих в составе больших многонациональных государств к своим истокам в настоящее время, в век глобализации, связано с жизненно важными и актуальными для них проблемами этно-культурного самосохранения. Решение этих проблем станет возможным, как полагают ученые, на основе тех знаний, которые выдержали испытание временем. Народы Центральной Азии, в том числе и тувинцы, вышли из кочевой цивилизации и удивительно бережно сохранили древние тенгрианско-шаманистско-буддийские верования, имеют потенциальные возможности определить культурно-религиозные истоки своей истории и на этой основе возродить свои духовные ценности.

Исторически сложилось так, что в настоящее время тувинцы проживают в 3-х государствах – России, Монголии и Китае. Испокон веков предки тувинцев кочевали на обширных просторах Центральной Азии, в предгорьях горных систем Танну-Ола и Алтая, их потомки остались жить на своих исконных территориях по сей день. Однако волею судеб и по объективным историческим факторам, сложившимися в XVIII-XIX вв., были разделены границами 3-х государств. Основная, более многочисленная, национально-образующая часть тувинского этноса проживает на территории Южной Сибири Российской Федерации в Республики Тыва (в науке их еще называют южно-сибирскими тувинцами), естественным образом составляет материнскую традицию их духовной культуры, в том числе сказочно-мифологическую.

Исследование проблем этнической общности тувинцев приобретало особую актуальность в связи с началом демократических перемен, происходящих за последние три десятилетия. За это время активизировались научные экспедиции учёных-гуманитариев Тувы к этническим тувинцам, проживающим в Монголии и Китае. В результате этих экспедиций была собрана определённая источниковедческая база, на основе которых была начата публикация научных статей, монографий, учебной литературы. Имеющиеся материалы дают возможность обратиться к более обобщающим, теоретическим вопросам исследования единых исторических корней и определения устойчивых фольклорных традиций тувинского этноса.

Большинство аутентичных текстов тувинских мифов и сказок зафиксировано в Туве, частично – во время экспедиций ТИГПИ и других научных учреждений к тувинцам Монголии и Китая. По большей части – у этнических тувинцев, проживающих в сумоне Цэнгэл Баян-Улэгейского аймака Монголии, где относительно устойчиво сохранились исконная лексика тувинского языка, а также непрерывная преемственность фольклорных традиций и обычаев.

В трудах наших предшественников – тувинских фольклористов А. К. Калзана, Д. С. Куулара, О. К. Дарымы и других по южно-сибирским тувинцам, а также немецкой фольклористки Э. Таубе по цэнгэльским тувинцам (она называет их алтайскими тувинцами) – сказочно-мифологическая традиция народа по сравнению с другими жанрами фольклора исследована относительно полно и последовательно [Калзан, 1964; Куулар, 1976; Таубе, 1994, Самдан, 1994].

Опираясь на эти источники, а также на вновь собранные экспедиционные материалы, мы в данной работе впервые предприняли попытку раскрыть истоки, ареал бытования и локальные особенности сказочно-мифологической традиции тувинцев на примере образа трикстера.

Необходимость обращения к образу трикстера была продиктована практическими проблемами тувинской фольклористики и этнопедагогики, возникшими в современных условиях. В связи со сложившейся за последние годы тревожной ситуацией, вызванной с ослаблением позиций тувинского языка в РТ, интерес тувинского читателя к текстам тувинских сказок возобновился в соответствии с вызовами современной действительности. С одной стороны, такое пристальное внимание к родному фольклору – позитивный сигнал, подтверждающий интерес к текстам тувинской сказки как к классическим образцам тувинского языка с богатой лексикой, как источнику сюжетов для создания мультимедийных проектов (аудио-, видеофильмов) средствами современных технологий. С другой стороны, возникла тревожная тенденция ошибочного восприятия современными читателями подлинного смысла древних сказочных сюжетов и образов. Родители и педагоги стали задавать нам, исследователям сказки, некоторые весьма противоречивые вопросы, связанные с восприятием и интерпретацией сказки современными читателями. Так, например, они спрашивают: *“Почему в сюжете тувинских сказок много персонажей, олицетворяющих образы хитрецов, обманщиков, дураков, которые совершают несуразные, вероломные, порой жестокие действия? Как объяснять детям проделки этих персонажей? Как правильно использовать эти сказки в воспитании детей?”*.

Ответить на эти сложные вопросы можно, лишь обратившись к теоретическим трудам отечественных и зарубежных ученых по фольклористике и культурологии. Это труды М. М. Бахтина [Бахтин, 1965; 1972], В. Я. Проппа [Пропп, 1976; 1986], Д. С. Лихачева и др. [Лихачев, и др., 1984], Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 1976; 1994], К. Г. Юнга [Юнг, 1996], К. Леви-Стросса [Леви-Стросс, 1983], П. Радина [Радин, 2023] и др. В своих трудах эти ученые основательно исследовали феномен мифологического мышления древних людей, ярко выраженный в образе трикстера.

Кто такой трикстер?

Согласно определению исследователя поэтики древних текстов, российского литературоведа Н. Д. Тамарченко, трикстер характеризуется следующим образом: *«Трикстер (англ. trickster – обманщик, ловкач) – один из двух универсальных типов персонажа в мифе, фольклоре и литературе; двойник – антипод (в архаике – близнец) так называемого «культурного героя»... Трикстер, в противоположность своему антагонисту, наделён комплексом негероических, зачастую прямо комических свойств: деструктивной инициативой, ленью, хитростью, глупостью, способностью обманывать и становиться жертвой обмана, гротескной телесностью (что может проявляться в обжорстве, пьянстве и гиперсексуальности) и парадоксальностью суждений, склонностью к насмешке и пародированию, включая и самоосмеяние (шутовство)»* [Тамарченко 2008, с. 271].

Этот персонаж и темы о нем необычайно популярны у людей со времен зарождения цивилизации. В наиболее ранней и архаической форме трикстер предстаёт как творец и разрушитель, дающий и отвергающий, обманщик и жертва обмана.

Миф о трикстере, как полагают ученые, проявляет себя в мифологии как простейших, так и более сложно организованных племен аборигенов. Миф о трикстере был распространён у древних греков, у китайцев, японцев, а также у семитских народов.

В мифологии и фольклоре разных народов фигура трикстера воплощена в масках народного театра (Арлекин, Петрушка), в типах плута, шута и дурака народной сказки, «бытовой» и кумулятивной.

Смех, юмор и ирония пронизывают все поступки этого персонажа. Основной смысл комического характера трикстера как плута, шута, дурака ученые объясняют как скрытую мудрость. Д. С. Лихачев, например, пишет: *«Функция смеха – обнажать, обнаруживать правду...», «Дурость – это обнажение ума от всех условностей, от всех форм, привычек», «Дурак – прежде всего человек, видящий и говорящий «голую правду»* [Лихачев, 1984, с. 15-16].

Американский антрополог, фольклорист Пол Радин на основе исследований мифов американских индейцев определяет трикстера как персонажа мифа, который представляет собой древнейшее выражение человеческой мысли. Объясняя поведение и поступки этого удивительного персонажа, он выдвигает гипотезу об архаическом зеркале разума, в котором отражается борьба человека с самим собой [Радин, 2023].

Такое архаическое зеркало разума как проблема несет преимущественно психологический характер. Надо рассматривать фигуру трикстера как попытку человека ответить на мучающие его внутренние вопросы и решить внешние проблемы.

Как видно из исследований, образ трикстера в более поздней интерпретации, как отголосок древних мифов, чрезвычайно популярен в народных сказках. Самым популярным персонажем русских сказок является Иван-дурак. У народов Востока сказочный персонаж также широко распространён: всем известен цикл индийских сказок о хитроумном Бирбале, фигура Насреддина у среднеазиатских народов, популярны персонажи монголоязычных народов Балан-Сэнгэ, Будамшу и другие.

В повествовательных жанрах тувинского фольклора достаточно широко распространён образ трикстера (*овуузуннуг маадырның омур-хевир*) как отдалённый отголосок мифа в форме универсального типа сказочного персонажа.

Наиболее близким к мифологическим истокам, на наш взгляд, является тувинская новеллистическая сказка “Чечен-Маанай, Тенек-Дулун” (Умный Маанай и Глупый Дулун) (зап. О.К. Дарымы у сказителя О. Манная), в которой повествуется о 2-х братьях, один из которых дает полезные поручения младшему, а тот выполняет их пародаксально глупо и в конце концов погибает [Чечен-Маанай, Тенек-Дулун, 1994, с. 324-332].

Ареал бытования образа трикстера и сюжетов о нём в тувинской сказочно-мифологической традиции ранее был весьма широк. Об этом свидетельствуют тексты, зафиксированные у тувинцев, проживающих вокруг Тандинского и Алтайского нагорья еще в XIX – нач. XX вв. дореволюционными путешественниками, участниками экспедиций Русского географического общества Г. Н. Потаниным, В. В. Радловым, Н. Ф. Катановым и др. [Потанин, 1881-1884. Вып. IV, с. 552; Радлов, 1866-1907, IX, с. 101; Катанов, 1903, с. 972].

В сборниках сказок, опубликованных фольклористами Тувы еще в советский период, сюжеты с персонажем трикстера довольно широко отражены в волшебных, новеллистических, бытовых сказках и сказках о животных. Это такие сказки, как волшебные – “Аргалыкты, Күжүлүктү” (“Хитрец и Силая”) [“Аргалыкты, Күжүлүктү” // Тыва тоолдар, 1957, с. 151-158], “Дөң-Хөөжүк” [Дөң-Хөөжүк // Аксагалдай ашак, 1992, с. 55-57]; новеллистическая сказка “Чечен-Маанай, Тенек-Дулун” [“Умный Чечен и Глупый Дулун” // Тувинские народные сказки, 1994, с. 324-332]; сказки о животных – “Сорока и Лисенок” // [“Сорока и Лисенок” // Тувинские народные сказки, 1954, с. 24-29; “Оскюс-оол и черные вороны” [“Оскюс-оол и черные вороны” // Тувинские народные сказки, 1964, с. 81-85], «Суд над волком» [«Суд над волком” // Тувинские народные сказки // Тувинские народные сказки, 1964, с. 115-118] и др.

Образ трикстера относительно устойчиво сохранился также в сказках тувинцев, проживающих в с. Цэнгэл Монголии. Тексты и исследования

Э. Таубе и Г. Золбаяра [Золбаяр, 1993] о сказках цэнгэльских тувинцев даёт возможность провести сравнительный анализ этих сказок с материнской традицией южно-сибирских тувинцев.

Наибольшую устойчивость и распространенность в цэнгэльской сказочной традиции имеет образ Лисенка (Дилгижек-оола). В сборнике Э. Таубе “Сказки и предания алтайских тувинцев” опубликовано три варианта сказки “Дилгижек-оол”: “Лисенок”, “Лукавый лисенок”, “Хитрый лисенок” [Таубе, 1994]. В комментариях к сборнику она приводит типологический анализ этих текстов со сказками южно-сибирских тувинцев и других народов Центральной Азии. Особо ценное заключение Э. Таубе о древних истоках сказочно-мифологической традиции тувинцев, на наш взгляд, содержится в следующих её комментариях к сказке “Лисёнок”: *“... В алтайско-тувинских сказках обнаруживаются элементы, по-видимому уходящие корнями в эпоху охотничьей культуры, мы видим это на примере сказок о лисенке... Может быть и мотив убийства путем оттеснения к краю пропасти отражает широко практиковавшиеся в древности методы охоты, когда дичь загоняли на край пропасти? Не было ли первоначальной целью рассказывания историй о койотах у индейцев-скиди Северной Америки (Пропп, с. 359), способствовать переходу ловкости животного, героя сказки, на рассказчика или его слушателей, ведь такое рассказывание сказок на охотничьих стоянках обязательно вплоть до сегодняшнего дня?... чем больше приводится примеров хитрости и изворотливости лисы, тем более этих качеств может перейти на человека, а для того, что он собирается предпринять, это необходимо”* [Таубе, 1994, с. 347].

Во время экспедиции в с. Цэнгэл в 1988 и 2002 г.г. мы записали сказку “Дилгижек-оол” (“Мальчик-Лисенок”) от учителя Чинака оглу Гагаа [Научный архив ТИГПИ, ФФ, т. 300, Д. 2150], а в 2007 г. от его жены Дойтон Долгар, дочери Сансармы и внука Балжаа, а также повторную запись этой сказки от информанта Дамбий оглу Байыра [Научный архив ТИГПИ, ФФ, т. 310, Д. 2210].

Мотив убийства путем оттеснения к краю пропасти в сюжете сказки “Лисенок”, записанный Э. Таубе в 1969 г. в Цэнгэле, сохранился почти в неизменном виде в сюжете сказки “Мальчик-Лисенок”, зафиксированном нами в 2007 г. там же. Незначительно видоизменились некоторые художественные средства, например, в описании меха или хребта Медведя, обманутого Лисенком: *“— Дедушка, дедушка, огонь выжигает дыры в моем **бело-рыжем** меху, а ведь он должен украшать юношей! Пожалуйста, подвиньтесь чуть-чуть! ... мой **рыжий** мех, а ведь он должен украшать девушек...”* [Лисенок // Таубе, 1994, с. 270-271] *~ “Ах, дедушка, **красный мой хребет**, нужный для девушек, **черный мой хребет** нужный для юношей, огонь обжигает,*

немного подвиньтесь, пожалуйста [Мальчик-Лисенок // Подношение в серебряной чаше, 2018, с. 56-57].

Вышеприведённые версии сюжетов о трикстере у южно-сибирских и цэнгэльских тувинцев свидетельствуют о широком ареале их бытования, подтверждающем устойчивость этого образа в сказочно-мифологической традиции тувинцев.

Сравнительный анализ версий сказки о Лисёнке, зафиксированных в разных районах Тувы и сумоне Цэнгэл, дает возможность выявить общие и локальные особенности бытования сказочных сюжетов о трикстере. Основная сюжетная канва этих версий во многом совпадает: Лисенок обладает такими типичными проявлениями характера трикстера как хитрость, склонность к обману, ловкость, жестокость. Локальные особенности образа трикстера в основном касаются некоторых мотивов в сюжете сказки, изобразительно-художественных средств описания, диалектных особенностей языка (*ашак ~ ашкыяк, кадайы ~ хоочуну, Чылбыга – Чилбиге, чоруур ~ чоруукай* и т.д. и т.п.).

Как видим, сюжет о Лисёнке у цэнгэльских тувинцев относительно устойчив и сохранился до сегодняшнего дня. Об этом свидетельствует также наличие повторных записей от нескольких информантов разного поколения, произведенные в 1960-70-е гг. Э. Таубе, в 1990-е г. Г. Золбяром, а также в 1988, 2002 и 2007 гг. участниками научной экспедиции ТИГПИ. Это объясняется тем, что быт, традиции цэнгэльских тувинцев продолжают формироваться в условиях доминирования традиционного животноводства. Цэнгэльцы живут на относительно изолированной от влияния современной цивилизации территории, имеют устойчивые способы хозяйствования (охота, скотоводство) и прочно устоявшиеся духовные традиции.

Сказки о трикстере помимо того, что выполняли религиозные и развлекательные функции, они имеют, прежде всего, непреходящее воспитательное значение во все времена. Они воспитывают в детях умение различать добро и зло: с одной стороны прививают навыки смекалки, находчивости, игривости, с другой – чувства неприятия и отвращения к обману, хитрости, жестокости. Эти сюжеты в современных условиях являются богатым источником для художественной интерпретации в сатирических жанрах современной тувинской литературы (напр., литературные переложения тувинских сказок в произведении писателя Б.Б. Чудука “Овуузуннуг Оюн-Билик” ~ “Хитроумный Оюн-Билик”), а также в других видах искусства (в кукольном театре, цирке, пантомиме, карнавальных масках и т.д.).

В исследовании образа трикстера мы предприняли только первые шаги, требуется дальнейшее его углубленное изучение. Учитывая неоднозначный интерес современных читателей к образу трикстера, необходимо

издать тексты об этом персонаже в отдельном сборнике сказок с научными комментариями.

Заключение

В результате анализа образа трикстера в сказочно-мифологической традиции тувинцев можно сделать следующие выводы.

Сказочно-мифологическая традиция тувинцев развивалась с древнейших времен и сохранилась до настоящего времени в сказочной прозе южно-сибирских и цэнгэльских тувинцев, что свидетельствует об общих истоках происхождения тувинского этноса в системе центрально-азиатской фольклорной общности тюрко-монгольских народов.

Образ трикстера сохранился как отголосок древнего мифа, отраженный в разных жанрах сказки, в особенности в сказках о животных.

Древний архетипический тип мифологического персонажа, отличающийся синкретичностью, трансформировался в сказочный образ.

Ареал бытования образа трикстера относительно широко был распространен у южно-сибирских тувинцев, частично сохранился у цэнгэльских тувинцев.

Об устойчивости сказок о трикстере свидетельствуют повторные записи разных версий одного сюжета от представителей разных поколений информантов в разное время;

Локальные особенности в изображении образа трикстера у южно-сибирских и у цэнгэльских тувинцев наблюдаются в различии некоторых мотивов в сюжете, художественных средств и диалектных отличий в языке;

Устойчивость образа трикстера в сказочно-мифологической традиции тувинцев свидетельствует о востребованности этого образа, который имеет непреходящее воспитательное значение во все времена.

Литература:

1. Бахтин 1965 – Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанс. М., 1965. 527 с.
2. Бахтин 1973 – Бахтин, М. М. Искусство слова и народная смеховая культура (Рабле и Гоголь) // Контекст: Литературно-теоретические исследования. – 1972. М., 1973. С. 248–259.
3. Калзан 1961 – Калзан, А. К. О послереволюционном тувинском фольклоре // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1961. Вып. IX. С. 253–259.
4. Калзан 1964 – Калзан, А.К. О фольклоре Монгун-Тайги // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1964. Вып. XI. С. 305–310.
5. Куулар 1976 – Куулар, Д. С. Сказки // Очерки тувинского фольклора. Кызыл, 1976. С. 44–65 (на тув. яз.).

6. Леви-Стросс 1983 – Леви-Стросс, К. Структурная антропология. М., 1983. 556 с.
7. Лихачев 1984 – Лихачев, Д. С. и др. Смех в древней Руси. / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырков. М., 1984. 297 с.
8. Мелетинский 1976 – Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. 136 с.
9. Мелетинский 1976 – Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. 407 с.
10. Пропп, В.Я. Ритуальный смех в фольклоре // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 174–204.
11. Пропп 1986 – Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. 370 с.
12. Радин 2023 – Радин, П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев [с комментариями К. Кереньи и К.Г. Юнга] / Пол Радин: пер. с англ. В.В. Кирющенко. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательская группа «Альма-Матер»; Издательство «Альма-Матер». 2023. 250 с. (Методы антропологии).
13. Самдан 1994 – Самдан, З. Б. Мир тувинской сказки // Тувинские народные сказки / сост. З.Б. Самдан. Новосибирск: Наука, 1994. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). С. 10–34.
14. Самдан 2020 – Самдан, З. Б. Трансформация сказочных жанров в фольклоре цэнгэльских тувинцев в условиях современного бытования // Цэнгэльские тувинцы: фольклор и литература: коллектив. моногр. / У.А. Донгак [и др.]; науч. ред. Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан; отв. за вып. У.А. Донгак. Новосибирск: Наука, 2020. С. 70–82.
15. Тамарченко 2008 – Тамарченко, Н. Д. Трикстер // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М.: Издательство Кулагиной; Lntroda, 2008. С. 271–275.
16. Таубе 1994 – Таубе, Э. Предисловие и Комментарии // Сказки и предания алтайских тувинцев. Собраны Эрикой Таубе. Авторизованный перевод с немецкого Б.Е. Чистовой. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 382 с. («Сказки и мифы народов Востока»). – с. 5-50; с. 346-347.
17. Юнг 1996 – Юнг, К. Г. Психология образа трикстера // Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996. 384 с.

Источники:

1. Аргалыкты биле Күжүлүктү (Хитрец и Силач) // Тыва тоолдар (Тувинские сказки). Выпуск IV / сост. А. Калзан, Д. Куулар. – Кызыл, 1957. – С. 151-158.
2. Дөң-Хөөжүк // Аксагалдай ашак. Тыва хуулгаазын тоолдар (Старик Аксагалдай. Тувинские волшебные сказки). Т. I / сост. З.Б. Самдан. – Кызыл, 1992. – С. 55-57.

3. Золбаяр Г. Алдын дагша: Улустун аас чогаалы [Золотая чаша: Фольклор цэнгэльский тувинцев]. – Кызыл, 1993. – 96 ар.
4. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903. – С. 972.
5. Лисенок // Сказки и предания алтайских тувинцев... / сост. Э. Таубе. – М.: 1994, С. 270.
6. Лукавый лисенок // Там же. – С. 268-269.
7. Мальчик-Лисенок // Подношение в серебряной чаше: сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия) / авторы-сост., переводчики З.Б. Самдан и др. – Новосибирск: Наука, 2018. – С. 53-58.
8. Мөңгүн дагша: Сеңгел тываларының аас чогаалы болгаш чечен чогаалы – [Серебряная чаша: Фольклор и литература цэнгэльских тувинцев] / сост. У.А. Донгак и др. – Улаанбаатор – Кызыл, 2013. – 264 ар.
9. Научный архив ТИГПИ, ФФ, т. 300, Д. 2150.
10. Научный архив ТИГПИ, ФФ, т. 310, Д. 2210.
11. Оскюс-оол и черные вороны // Тувинские народные сказки. Выпуск III / сост. А.К. Калзан. – Кызыл, 1964. – С. 81-85.
12. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 1-4. – СПб., 1883. Вып. IV. – С. 552, № 168.
13. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи Ч. 1-10. – СПб., 1866-1907; IX, с. 101, № 897.
14. Сорока и Лисенок // Тувинские народные сказки / Сост. И.А. Плоткина. – Кызыл, 1954. – с. 24-29.
15. Старая сорока // Тувинские народные сказки. Выпуск третий / Сост. А.К. Калзан. – Кызыл, 1964. – С. 109-114.
16. Суд над волком // Тувинские народные сказки. Выпуск третий / Сост. А.К. Калзан. – Кызыл, 1964. – С. 115-118.
17. Таубе Эрика. Сказки и предания алтайских тувинцев. Собраны Эрикой Таубе. Авторизованный перевод с немецкого Б.Е. Чистовой. – М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1994. – 382 с. – (“Сказки и мифы народов Востока”).
18. Хитрый лисенок // Сказки и предания алтайских тувинцев / сост. Э. Таубе. – М.: 1994. – С. 266-268.
19. Чечен-Маанай, Тенек-Дулун – Умный Маннай и Глупый Дулун // Тувинские народные сказки / сост. З.Б. Самдан. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 324-332.

References:

1. Bahtin, M. M. (1965) "Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura sred-nevekov'ya i Rennessans" [The Work of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance], Moscow, p. 527. (In Russ.).
2. Bahtin, M. M. (1973) "Iskusstvo slova i narodnaya smekhovaya kul'tura (Rable i Gogol)" [The Art of Speech and Folk Laughter Culture (Rabelais and Gogol)] Moscow, Kontekst: Literaturno-teoreticheskie issledovaniya. – 1972, p. 248-259. (In Russ.).
3. Kalzan, A. K. (1961) "O poslerevolucionnom tuvinskom fol'klore" [About the Post-revolutionary Tuvan Folklore], Kyzyl, *Uchen. zap. TNIIYALI*, no. IX. p. 253–259. (In Russ.).
4. Kalzan, A. K. (1964) "O fol'klore Mongun-Tajgi" [About the Folklore of Mongun Taiga], Kyzyl, *Uchen. zap. TNIIYALI*, vyp. XI. p. 305–310. (In Russ.).
5. Kuular D. S. (1976) "Skazki" [Fairy tales], Kyzyl, *Ocherki tuvinskogo fol'klo-ra*, p. 44–65. (In Tuv.).
6. Levi-Stross, K. (1983) "Strukturnaya antropologiya" [Structural Anthropology], Moscow, p. 556. (In Russ.).
7. Lihachev, D. S. (1984) i dr. "Smekh v drevnej Rusi" [Laughter in Ancient Russia], D. S. Lihachev, A. M. Panchenko, N. V. Ponyrko, Moscow, p. 297. (In Russ.).
8. Meletinskij, E.M. (1994) "O literaturnyh arhetipah" [About literary Archetypes], Moscow, 136 p. (In Russ.).
9. Meletinskij, E.M. (1976) "Poetika mifa" [The Poetics of Myth], Moscow, p. 407 p. (In Russ.).
10. Propp, V.YA. (1976) "Ritual'nyj smekh v fol'klore" [Ritual Laughter in Folklore], Moscow, Propp V.YA. *Fol'klor i dejstvitel'nost'*, p.174-204. (In Russ.).
11. Propp, V. YA. (1986) "Istoricheskie korni volshebnoj skazki" [The Historical Roots of the Fairy Tale], Leningrad, p. 370. (In Russ.).
12. Radin, P. (2023) "Triksster. Issledovanie mifov severoamerikanskikh indejcev (s kommentariyami K. Keren'i i K.G. Yunga)" [The Trickster. A Study of the Myths of the North American Indians (With Comments by K. Kerenyi and K.G. Jung)], Pol Radin: per. s angl. V.V. Kiryushchenko, Moscow, izd. no. 2, ispr. i dop.: Izdatel'skaya gruppa "Al'ma-Mater"; Izdatel'stvo "Al'ma-Mater", Metody antropologii, p. 250. (In Russ.).
13. Samdan, Z. B. (1994) "Mir tuvinskoj skazki" [The World of the Tuvan Fairy Tale], Tuvinskie narodnye skazki, sost. Z.B. Samdan, Novosibirsk, Nauka, Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka, p. 10–34. (In Russ.).
14. Samdan, Z. B. (2020) "Transformaciya skazochnyh zhanrov v fol'klore cengel'skih tuvincev v usloviyah sovremennogo bytovaniya" [Transformation of Fairy-tale Genres in Folklore of Tsengel Tuvans in the Conditions of Modern

Existence], Cengel'skie tuvincy: fol'klor i literatura: kollektiv, monogr. U.A. Dongak [i dr.]; nauch. red. G. Zolbayar, B. Bayarsajhan; otv. za vyp. U.A. Dongak. Novosibirsk, Nauka, p. 70–82. (In Russ.).

15. Tamarchenko, N. D. (2008) “Trickster” [The Trickster], Poetika: slov. aktual. terminov i ponyatij, gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko, Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoj, Lntada, p. 271–275. (In Russ.).

16. Taube, E. (1994) “Predislovie i Kommentarii” [Preface and Comments], Skazki i predaniya altajskikh tuvincev. Sobrany Erikoj Taube. Avtorizovannyj perevod s nemeckogo B.E. CHistovoj, Moscow, Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, p. 382, (“Skazki i mify narodov Vostoka”), p. 5-50, p. 346–347. (In Russ.).

17. Yung, K. G. (1996) “Psihologiya obraza trikstera” [The Psychology of the Trickster Image], Yung K.G., Dusha i mif: shest' arhetipov, Kiev, p. 384. (In Russ.).

Sources:

1. “*Argalykty bile Kyzhylykty (Hitrec i Silach)*” (1957) [Argalykty bile Kuzhuluktu (The Cunning Man and the Strong Man)], Kyzyl, Tyva tooldar (Tuvinskie skazki), vypusk IV, sost. A. Kalzan, D. Kuular, p. 151-158. (In Tuv.).
2. “*Доң-Һооһык*” (1957) [The Hillock], Kyzyl, Aksagaldaj ashak. Tyva huulgaazyn tooldar (Starik Aksagaldaj. Tuvinskie volshebnye skazki), T. I, sost. Z.B. Samdan, p. 55-57. (In Tuv.).
3. Zolbayar, G. (1993) “Aldyn dagsha: Ulustung aas chogaaly [Zolotaya chasha: Fol'klor cengel'skih tuvincev]” [Aldyn dagsha: folklore – The Golden Bowl: Folklore of the Tsengel Tuvans], Kyzyl, p. 96. (In Russ.).
4. Katanov, N.F. (1903) “Opyt issledovaniya uryanhajskogo yazyka s ukazaniem glavnejshih rodstvennyh otnoshenij ego k drugim yazykam tyurkskogo kornya” [The Experience of Studying the Uriankhai Language With an Indication of Its Main Kinship With Other Languages of the Turkic Root], Kazan', p. 972. (In Russ.).
5. “Lisenok” (1994) [The Fox Cub], Skazki i predaniya altajskikh tuvincev..., sost. E. Taube, Moscow, p. 270. In Russ.).
6. “Lukavyj lisenok” (1994) [The Sly Little Fox], Skazki i predaniya altajskikh tuvincev..., sost. E. Taube, Moscow, p. 268-269. (In Russ.).
7. “Mal'chik-Lisenok” (2018) [The Fox Cub Boy], Podnoshenie v serebryanoj chashe: Sbornik fol'klornyh i literaturnyh proizvedenij tuvincev Cengela (Mongoliya), avtory-sost., perevodchiki Z.B. Samdan i dr., Novosibirsk, Nauka, p. 53-58. (In Russ.).
8. “Мөңгүн dagsha: Сеңгел tyvalaryнун aas chogaaly bolgash chechen chogaaly

- Serebryanaya chasha: Fol'klor i literatura cengel'skih tuvincev” (2013) [Silver Bowl: Folklore and literature of the Tsengeli Tuvinians], sost. U.A. Dongak i dr., Ulaanbaator – Kyzyl, p. 264. (In Russ.).
9. “Nauchnyj arhiv TIGPI” [TIGPI Scientific Archive], FF, t. 300, D. 2150.
10. “Nauchnyj arhiv TIGPI” [TIGPI Scientific Archive], FF, t. 310, D. 2210.
11. “Oskeyus-ool i chernye vorony” (1964) [Oskeyus-ool and the Black Crows], Kyzyl, tuvinskie narodnye skazki. vyp. 3, sost. A.K. Kalzan, p. 81-85. (In Russ.).
12. Potanin G.N. (1881-1884) “Ocherki Severo-Zapadnoj Mongolii. Vyp. 1-4.” [Sketches of North-Western Mongolia. Issues 1-4.], Saint Petersburg, . vyp. 4, p. 552, no. 168. (In Russ.).
13. Radlov, V.V. (1866-1907) “Obrazcy narodnoj literatury tyurkskih plemen, zhivushchih v YUzhnoj Sibiri i Dzungarskoj stepi CH. 1-10.” [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe Parts 1-10.], Saint Petersburg, vyp. 9, p. 101, no. 897. (In Russ.).
14. “Soroka i Lisenok” (1954) [The Magpie and the Fox Cub], Tuvinskie narodnye skazki, sost. I.A. Plotkina, Kyzyl, p. 24-29. (In Russ.).
15. “Staraya soroka” (1964) [The Old Magpie], Tuvinskie narodnye skazki, vyp. 3, sost. A.K. Kalzan, Kyzyl, p. 109-114. (In Russ.).
16. “Sud nad volkom” (1964) [The Trial of the Wolf], Tuvinskie narodnye skazki, vyp. 3, sost. A.K. Kalzan, Kyzyl, p. 115-118. (In Russ.).
17. Taube, Erika. (1994) “Skazki i predaniya altajskih tuvincev. Sobrany Erikoj Taube. Avtorizovannyj perevod s nemeckogo B.E. CHistovoj” [Fairy Tales and Legends of Altai Tuvans. Collected by Erica Taube. Authorized Translation From German by B.E. Chistova], Moscow, Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, p. 382. (“Skazki i mify narodov Vostoka”) (In Russ.).
18. “Hitryj lisenok” (1994) [The Sly Little Fox], Skazki i predaniya altajskih tuvincev, sost. E. Taube, Moscow, p. 266-268. (In Russ.).
19. “Chechen-Maanaj, Tenek-Dulun – Umnyj Mannaj i Glupyj Dulun” (1994) [Smart Mannai And Stupid Dulon], Tuvinskie narodnye skazki, sost. Z.B. Samdan, Novosibirsk, Nauka, p. 324-332. (In Russ.).

Информация об авторе:

*Зоя Б. Самдан, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Республика Тыва, Россия Кызыл, Россия; Россия, Республика Тыва, 667000, ул. Кочетова, д. 4.
E-mail: samdan-sn@yandex.ru
РИИЦ Author ID: 792943*

Information about the author:

Zoya B. Samdan, Cand. of Sci. (Philology), Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia.

E-mail: samdan-sn@yandex.ru.

© Самдан З. Б. 2025

Научная статья
УДК 821.512.156

ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКАЯ ДРАМА ВИКТОРА КОК-ООЛА «САМБАЖЫК»: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ПРОТАГОНИСТА ДРАМЫ И МОТИВА ВОССТАНИЯ

Людмила С. Мижит

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Кызыл, Республика Тыва, Россия, lmizhit@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются предшествовавшие написанию пьесы «Самбажык» В. Кок-оола научные исследования о национально-освободительном движении тувинских аратов «Алдан-маадыр» («Шестьдесят богатырей») в XIX в. Автором предпринята попытка интерпретировать образ главного героя и мотив стихийного восстания, отображенные в историко-героической драме «Самбажык». Жажда возмездия является лейтмотивом драмы, который многократно акцентируется протагонистом и другими действующими лицами, становясь импульсом для развития сюжета. Приводятся искусно подобранные драматургом песни повстанцев и образцы народной речи в репликах персонажей. Изучение данной пьесы демонстрирует наличие следующих художественных доминант: трагический нарратив, чётко сформулированный мотив восстания, романтические оттенки в образе протагониста, выраженное антагонистическое противостояние и внедрение фольклорной речи в диалогические структуры. Однако, по нашему мнению, художественное воплощение главного героя в этой драме не обладает достаточной глубиной, чтобы в полной мере отразить героическую сущность предводителя восстания.

Ключевые слова: восстание «Алдан-Маадыр», Дулов, Кок-оол, тувинская драматургия, протагонист драмы, образ героя, мотив мести, лейтмотив

Для цитирования: Мижит Л. С. «Историко-героическая драма Виктора Кок-оола «Самбажык»: опыт интерпретации образа протагониста драмы и мотива восстания» // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 3 (15). С. 72–89. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-72-89

VICTOR KOK-OOŁ'S HISTORICAL AND HEROIC DRAMA "SAMBAZHYK": THE EXPERIENCE OF INTERPRETING THE IMAGE OF THE PROTAGONIST OF THE DRAMA AND THE MOTIVE OF THE UPRISING

Lyudmila S. Mizhit

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philology), Leading Researcher, Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, lmizhit@mail.ru

Abstract. The article examines scientific research on the national liberation movement of Tuvan Arats "Aldan-maadyr" ("Sixty Heroes") in the 19th century, which preceded the writing of the play "Sambazhyk" by V. Kok-ool. The author attempts to interpret the image of the main character and the motive of the spontaneous uprising reflected in the historical and heroic drama "Sambazhyk". The thirst for retribution is the leitmotif of the drama, which is repeatedly emphasized by the protagonist and other actors, becoming an impulse for the development of the plot. Rebel songs artfully selected by the playwright and samples of folk speech in the characters' lines are given. The study of this play demonstrates the presence of the following artistic dominants: a tragic narrative, a clearly formulated motive of rebellion, romantic shades in the image of the protagonist, a pronounced antagonistic confrontation and the introduction of folklore speech into dialogical structures. However, in our opinion, the artistic representation of the main character in this drama does not have sufficient depth to fully reflect the heroic essence of the leader of the uprising.

Keywords: Aldan-Maadyr uprising, Dulov, Kok-ool, Tuvan drama, protagonist of the drama, image of the hero, motive of revenge, leitmotif

For citation: Mizhit, L. S. (2025) "Victor Kok-ool's Historical and Heroic Drama "Sambazhyk": the Experience of Interpreting the Image of the Protagonist of the Drama and the Motive of the Uprising" // Asian Studies: History and Modernity, no. 3 (15), p. 72–89. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-72-89

Введение

Пьеса В. Кок-оола «Самбажык» занимает видное место среди драматических произведений тувинской литературы, посвященных историческим событиям. Сюжет драмы базируется на подлинной трагической истории народного восстания "Алдан-Маадыр" (букв.: шестьдесят героев), охватившего Туву в 1883-1885 гг.

В. Ш. Кок-оол (1906-1980) – один из основоположников национальной драматургии и театрального искусства, драматический актёр и режиссёр, композитор, член Союза писателей СССР, Заслуженный артист

РСФСР, Народный артист Тувинской АССР, автор первой тувинской драмы «Хайыраан бот» (1936) [Калзан 1961; Мижит 2013; Херел 2018].

В конце 1950-х гг. В. Ш. Кок-оол приступил к сбору исторического материала о стихийном движении тувинских аратов в XIX в. [Самбажык 2021, с. 285]. Он много ездил по местам тех событий, встречался с немногими оставшимися в живых свидетелями и потомками непосредственных участников восстания. В 1963 г. драматург представил историко-героическую драму «Самбажык», названную по имени предводителя восстания. На сцене тувинского театра поставлен спектакль в том же году (музыка А. Б. Чыргал-оола, режиссер – С. Л. Оюн). Роль Самбажыка исполнил заслуженный артист РСФСР Николай Олзей-оол. Народная история на сцене вызвала у зрителей неподдельный интерес.

Пьеса печаталась в сборниках В. Кок-оола в 1966, 1976 и 2003 гг. Перевод на русский язык осуществлен С. Козловой и Д. Кууларом, опубликован в альманахе «Улуг-Хем» (1971 г.). Первые литературоведческие исследования драмы проведены в «Очерках истории тувинской советской литературы» (авторы: А. К. Калзан, М. А. Хадаханэ, Д. С. Куулар) [Тыва совет литератураның... 1975, с.198-200], З. Б. Самдан в статье «Первая тувинская героическая драма (О пьесе «Самбажык» В. Кок-оола)» [Самдан 1977, с. 139-147], позднее – в диссертационной работе А. Х. Херел «Творчество В. Кок-оола и его роль в становлении и развитии тувинской драматургии» [Херел 2018, с.120-139].

Готовясь к созданию произведения по грандиозному событию XIX в., драматург, несомненно, изучал научные работы по исследованию этого трагического восстания тувинских аратов.

О восстании «Алдан-Маадыр»

В предшествовавшие написанию произведения годы вышла основательная работа известного историка В. И. Дулова в «Учёных записках» ТНИИЯЛИ (1953): «Из истории классовой борьбы и национально-освободительного движения в Туве (К истории выступления «60 дургун» в 1883-1885 гг.)», в которой подробно освещено одно из самых значительных движений тувинцев в XIX в. Автор вначале дает краткий обзор архивных материалов, исторических источников о восстании, воспоминаний аратов, которые он записывал совместно с О. С. Тановым и О. Б. Данзын-оолом. Дав удручающую картину феодального, патриархально-родового строя в Туве во второй половине XIX в., В. И. Дулов выводит основные предпосылки, истинные причины начала стихийного восстания аратов, названного «60 беглецов». Автором уточнены годы восстания, начало выступления, исследованы борьба тувинских аратов против феодалов, их состав, мобилизация

ополчения для их подавления, вооружённое сопротивление Алдан-Маадыр карательным войскам и кровавая расправа над ними [Дулов 1953, с.7-54]. Это первое всестороннее исследование данного исторического события на тувинской земле.

Впоследствии это выдающееся восстание было освещено в следующих научных трудах: «Истории Тувы» (1964), В. А. Моисеева (1983), Ю. Л. Аранчына (1985, 2013), М. Х. Маннай-оола (1986) [История Тувы 1964; Моисеев 1983; Аранчын 1985; Аранчын 2013; Маннай-оол 1986] и др. В научном архиве ТИГПИ хранятся воспоминания о реальных лицах, участвовавших в стихийном восстании, а также тексты их героических песен, записанных, в основном, у внуков очевидцев [НА ТИГПИ: д.2429 (а); д.2427; т.278, д.2066; д.877; д.2422; т.266, д.1098; т.281, д.2078 и т.д.].

Обобщение вышеуказанных исследований и материалов позволяет реконструировать эту значимую веху истории Тувы, нашедшую отражение в героической драме В. Ш. Кок-оола: Алдан-Маадыр – национальные герои, участники национально-освободительного движения тувинских аратов в 1883-1885 гг., в период полуторавекового (1758-1912) маньчжурского правления (Цинской империи) в Туве. Героическое восстание *кайгалов-удальцов*, предводителей аратов, вспыхнуло против несправедливости местных феодалов и маньчжурских колонизаторов, которые поборами и налогами, произволом и насилием довели народ до катастрофически нищенского положения и беспредельного унижения. Основное ядро стихийного восстания вначале составляло около 60 человек во главе с аратами Самбажык (Көк-Самбажык, по прозвищу Ээр-Хаай), Кожагар-Комбулдай, Оттукай, Садыаажык (прозвище Сарыылдыг) и Дажыма-хүндү (чиновник), а всего их было более 300 человек. Вооруженный военный лагерь располагался на горе Кара-Даг на левой стороне р. Хемчик. Власти в то время их называли «алдан дургун» - 60 беглецов. Восставшие совершали набеги на ставки правителей, угоняли стада тувинских богачей и русских купцов-скотовладельцев и раздавали беднякам. Смелость и отвага повстанцев, отказ от подчинения властям и провозглашение свободы вызывали у простого народа восхищение, их поддерживали и прятали от властей. Но сочувствовавших тоже преследовали и наказывали. Замысел восставших заключался в избавлении Тувы от поработителей и установлении народной власти. В ноябре 1884 г. восстание было подавлено карательным отрядом амбын-нойона по приказу китайских властей. Всех пленных свезли к устью р. Чыргака, подвергли нечеловеческим, изуверским пыткам «*тос эрээ*». В марте 1885 г. в монгольском городе Улясутае (по-тув. *Улаастай*), были казнены 47 участников восстания, отрезанные головы которых привезли в Туву и выставили на шестах у больших дорог и на перевалах Хондергей, Адар-Тош и у горы Кара-Даг. Подвиг несломленных духом

тувинских аратов получил в истории название «восстание 60-ти богатырей». Герои шли навстречу трагической гибели, утверждая свободу духа и справедливость для будущих поколений, являясь ярким примером выражения национального самосознания и гордости [Алдан-Маадыр 2021, с.82-83].

Историко-героическая драма «Самбажык»

Автор драмы «Самбажык» В. Кок-оол опирался на исторические материалы о реальных повстанцах из западных районов Тувы, феодалах и чиновниках того времени, собранные у информаторов – их родственников и детей, а также зафиксированных в научных исследованиях. В произведении представлено героическое (как эстетическая категория), создан реалистический образ восставших аратов против невыносимого гнёта, т.к. «напряжённо кризисные, экстремальные ситуации, властно призывающие людей к героически-жертвенным свершениям, возникают на протяжении всей многовековой истории народов и человечества. Поэтому героическое и в художественном творчестве непреходяще значимо» [Хализев 2009, с.112].

Начало драмы ознаменовано проникновенным монологом Оппукая, закованного в железные кандалы, а на плечах – «дөңгү» ярмо, которое душит его, не даёт ему вздохнуть ни днём, ни ночью: «... *Эрии-шаажыны эктимде эледир сөөртүп чор мен, эдим-ханымны элезин-довуракче соолдур төп чор мен.* (Пар демиринден хосталырын оралдажыр.) *Ээ-та! Эки серге кежи хөрүк болза, эзилдир, хайылдыр хөрүктөп каапса! Чок, сени мен кайын шыдаар мен. Сен дээрге бүгү Таңды-Тываның мойнунда-ла болгай сен... Адыр, адыр, ынчап-ла тур... Сени албаты чон эзилдир хөрүктээр үе келир ийин оң... Ону билип ал!»* («Пытки и казни (кандалы – Л.М.) таскаю на плечах, да так, что плечи мои изнасились, в песок и землю роняю плоть свою, кровь свою проливаю, да так, что весь я высыхаю. *(Пытается освободиться от оков.)* Эх! Вот бы кузнечный горн из хорошей козлиной кожи, раздуть бы его и расплавить тебя! Нет, где уж мне тебя одолеть... Ведь ты на шее всей Танну-Тувы... Погоди, погоди, пока... Придёт время, когда народ раздует кузнечный горн и расплавит тебя... Знай об этом!»²) [Кок-оол 1976, с. 57]. В тяжёлой экспозиции пьесы раскрываются трагические обстоятельства жизни простых людей в XIX в., а также глубокий смысл их мечты освободиться от эксплуататоров, как от кандалов – символа гнета и страданий.

Сбежавшего от жестоких пыток Оппукая ищут по приказу Белдер хунду (чиновника), с одной стороны, и его друзья во главе с Самбажыком, с другой, но не могут найти с весны до осени. Наконец, повстанцы, найдя погибшего

² Здесь и далее подстрочный перевод отрывков пьесы осуществлен Л. Мижит. Перевод С. Козловой и Д. Куулара (1971) не использован в связи с неточностями и вольностями.

Оппукая, клятвенно обещают отомстить за его невыносимые страдания. Так определяется мотив мести – движущая сила сюжета драмы.

В пьесе реалистически показана тяжелая, стойкая, но безнадежная жизнь восставших аратов на горе Кара-Даг:

*Алды бааштыг Кара-Дагны
Аал-ла кылып алыылыңар,
Алызында барып-барып,
Алдай кире берээлиңер!*

*Чеди бааштыг Кара-Дагже
Четтирбейн бараалыңар,
Челе-бекте өөрүвүстү
Чежип, салып алыылыңар!*

*(Кара-Даг с шестью вершинами
Давайте аалом-стойбищем сделаем,
А в конце концов, давайте,
Поскачем на Алтай!)*

*На Кара-Даг с семью вершинами
Убежим, чтоб не догнали,
И друзей, связанных и в кандалах,
Развяжем, освободим!)*

[Кок-оол 1976, с. 91]

Образ героической личности – предводителя восстания Самбажыка – в драме раскрывается как архетип эпического героя. Узнав о смерти измученного цепями арата, он говорит: «... эрес эр хая баарынга төрүттүнер, хая баарынга сөөк салыр...» («настоящий мужчина рождается у скалы и умирает у скалы») [Кок-оол 1976, с. 73]. «Автор, создавая черты характера центрального персонажа Самбажыка в образной фольклорной эстетике борца-бунтаря, типизирует его как национального народного героя» [Херел 2018, с.129].

На наш взгляд, героя-удальца тувинского восстания XIX в. Самбажыка (в реальной истории) можно считать пассионарием тувинского этноса по теории пассионарности Л. Н. Гумилева [Гумилев 1990, с.258-282]. По оценке созданного В. Кок-оолом художественного образа главного героя драмы авторами «Очерков истории тувинской советской литературы»: «Самбажык обладает качествами настоящего вождя, способен вести народ, дружелюбен к друзьям, не пожалеет своей жизни, в случае необходимости, ради товарищей» [Тыва совет литератураның... 1975, с.199].

С целью поднять боевой дух своих единомышленников, Самбажык произносит речь, наполненную искренними эмоциями и пафосом, отстаивая правоту и справедливость:

Самбажык. Чок, бүгүдө. Бистер дургуннар эвес бис. Бистер шынныг хоойлуну авыралдап турар улус бис. Кижиги кижиги-биле дөмей-ле болгай. Бир кижиги бир кижини бастып, дорамчылап, бирээзи тодуп, бирээзи аштап чораан херээ чүл? Шупту дөмей болур херек. Хей чүве, боларга мынчап баш билиндирип турган херек чок. Бистер туттурбас-даа бис... («Нет, все (собравшиеся, народ). Мы не беглецы. Мы защищаем справедливый закон. Ведь человек с человеком одинаков (Ведь все люди равны). Почему один подавляет и унижает другого, один насыщается, другой голодает? Все должны быть одинаковы (равны). Нет, нельзя допускать, чтобы они управляли нами. Мы не дадимся им в руки...») [Кок-оол 1976, с. 70].

Эти слова протагониста драмы передают основную цель стихийного восстания угнетенных аратов, мотив героического – мотив борьбы против социальной несправедливости. А на протяжении пьесы Самбажыком многократно повторяется еще одна веская причина восстания – месть (*өжээн, адаан-өжээн*). Месть за пострадавших друзей, за невыносимую жизнь аратов-бедняков...:

Самбажык. Ол харын коргунчуг-ла, ындыг-даа болза, адаан-өжээн деп чүве бар болдур ийин, бүгүдө, бодап көрүңерем, чеже хире эрлер эриш-ша-ажыдан өлдүлөр? Белде чевеглер сыңмастай берген, кымнарыл ол? Бистиң өөрүвүс, бистер ышкаш ядыы самдарлар-дыр! Оларның өжээнин ыяавыла негээр бис! (Да, это страшно, но все же есть понятие месть, подумайте все, сколько наших мужчин погибло от пыток? Склон горы полон могил, кто они? Наши друзья, бедные оборванцы, как и мы. Обязательно мы должны отомстить за них!) [Кок-оол 2003, с. 17].

Здесь мотив, по определению В. Е. Хализева, как «компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью)» [Хализев 2009, с. 267], раскрывает характер протагониста драмы, его мужество, решительность и бескомпромиссность, и задает боевой настрой следующим за ним простым аратам. Его слова – мотив мести – служат ведущим началом к действию – к борьбе.

В анализируемой драме слово «*өжээн*» (месть) является одним из частых в речи главного героя и за ним – в устах других персонажей, повторяется более десяти раз, что, на наш взгляд, необоснованно:

Самбажык. Адыр-адыр, болгаанып көрүңер! ... Оппукай ышкаш база читкилей бериңер! Силерниң өжээниңерни негээр мен... (Погодите-погодите, перестаньте! ... Тогда все исчезните, как Оппукай! А я буду мстить за вас...) [Кок-оол 2003, с. 17].

Чинчи. *Күжүр ачай, мээң хилинчээмни, мээң өжээнимни билген болзуңза!* (Отец мой, дорогой, если бы ты знал о моих страданиях, моей жажде мести!) [Кок-оол 2003, с. 29].

Урундай. *Чок! Чанмас бис, бистер өжээн негээр бис!* (Нет! Мы не вернемся домой, мы будем мстить!) [Кок-оол 2003, с. 30].

Шупту. *Амбын-ноянда адаанныг, Өөлет даргада өжээнниг бис!* (Все. Вражда у нас с Амбын-нойоном, месть – к чиновнику Оолет!) [Кок-оол 2003, с. 30].

Дажыма. *Өжээнни өжүрер эвес* (Месть не погасить) [Кок-оол 1976, с. 77].

Самбажык. ... *Ындыг өжээнни бүгүде Таңды Тывазынга тыпсыр бис!* (Такую месть мы воздадим всей Танну-Туве!) [Там же].

Самбажык. *Мээң чүрээмни адаан-өжээн долган-дыр!* (Мое сердце полно мести-вражды!) [Кок-оол 1976, с. 113].

И далее этот мотив локализован в речи персонажей на с. 29, 30, 51 (4 р.), 63, 68 [Кок-оол 2003].

Таким образом, мотив мести выступает главной сюжетогенной силой данного произведения, становится ведущим мотивом, руководящим началом восстания – лейтмотивом героической драмы.

Мотив мести имеет место и в других пьесах В. Кок-оола. Вспомним заключительные слова Седипа в финале трагедии «Хайыраан бот»: «*Назын кырыыр, өжээн кырывас!*» («Человек (букв.: возраст) стареет, месть не стареет!»). По определению И. В. Силантьева, «признак лейтмотива – его обязательная повторяемость в пределах текста одного и того же произведения; признак мотива – его обязательная повторяемость за пределами текста одного произведения. [Силантьев 2008, с. 131]. Так данный мотив становится одним из основных идей драматических произведений В. Ш. Кок-оола, как его художественное достояние, поскольку, по заключению В.Е. Хализева: «Мотивы могут выступать либо как аспект отдельных произведений и их циклов, в качестве звена их построения, либо как достояние всего творчества писателя и даже целых жанров, направлений, литературных эпох, всемирной литературы как таковой. В этой надындивидуальной стороне они составляют один из важнейших предметов исторической поэтики» [Хализев 2009, с. 257].

Главный концепт драмы – свобода – так определяется в представлении главного героя:

Самбажык. ... *Чогум амыр-шөлээн деп чүве болза, ал-боду-даа, аал-чур-ту-даа амыр-менди, аар-берге аажы-шаажы көрбес, албан-үндүт төлевес, азыраан малын өстүрүп, ажыл-хожулун кылып, азыранып чоруур карачуул ол-дур* (Настоящая свобода, это когда простой человек имеет возможность

жить так, чтобы и он сам, и его аал (семья) были благополучны, не видели тяжелых страданий и пыток, не платили дань, а просто растили свой скот, занимались своим делом и кормились своим трудом) [Кок-оол 2003, с. 20].

Особо привлекает внимание читателя (зрителя) поэтический слог предводителя восстания о свободе:

Самбажык. Көрүңерем, оолдар бүгүдө, эр кара эзирни! Кижги чүгө ындыг болбаан чүгө ирги? Магалыын, шөлээнин, эрезин, бедшин! Ээ-та чаваазы, мен база-ла ол эзир ышкаш, шак ынчаар ужузуп чораан болзумза! (Смотрите все, парни, какой орёл молодец! Почему же человек не таков? Как он прекрасен, волен, удал и высок! Эх, вот бы и мне так же парить, как этот орёл!) [Кок-оол 1976, с. 66].

Об этом романтическом воодушевлении и драматизации пишет З. Б. Самдан в своей статье: «Героические образы этого произведения подкупают своей окрыленностью, приподнятостью и оптимизмом. Творческий подход писателя к материалам истории помог ему в основном удачно соединить реальные факты с творческим вымыслом. Но всё-таки патетика, романтическая условность в пьесе местами довлеет над историко-реальным содержанием» [Самдан 2011, с.146].

Вот такими словами Самбажык встречает чиновника Койнаа хунду: *«Актыг-шынныг аалчыны ак өргээге, азыг-диштитиг араатанны арга чарыкка уткуп алыр бис»* («Справедливого гостя встретим в белой юрте, а хищного зверя – в лесистой стороне гор») [Кок-оол 1976, с. 75]. Его речь часто принимает форму и стиль героических сказаний: *«Кара-Дагны хаан кылгаш, Оргу-Шөлдү олбук кылгаш...»* («Сделав Кара-Даг нашим ханом, а Оргу-Шол – нашим престолом...») [там же].

А вот речь Кызыннай, примкнувшего к восставшим обманным путём, звучала неестественно пафосно и изобиловала поэтическими выражениями, что лишь подчёркивало его чрезмерное рвение:

Кызыннай. ... Чодурааны эгген ояар чыгыр-чыгыр эзеңилиг, аът кежсин сойган олчаан далдыр-дулдур төрөпчилиг чораан, ядыы-самдар ашак мен. Чээрби бир дарыйгым, чеден беш хааным, тозан тос кудуктум, тос дээрим, долаан бурганым эки эзир тевер, бак эзир дойлаар дээн, мынчангаиш-ла, эргим оолдарым, силерге соодал-хөдел болур ирги бе дээш, калгын келдим ийин (... Я старик, бедный оборванец, со скрипящими стремянами, свитыми из веток черёмухи, с чепраком из невыделанной конской кожи. Двадцать одна мои дарийги, семьдесят пять ханов моих, девяносто девять мои хутухта, девять небес моих, бог мой долаан говорят, что хороший орёл хватает добычу, плохой орёл объедками пирует, вот так и я, мои дорогие сынки, приплёлся, может, я вам в прислуги сгожусь.) [Кок-оол 1976, с. 93].

Как известно, образ протагониста драмы раскрывается, в основном, через его поступки и отношение к другим персонажам. В анализируемом ярком образе Самбажыка, на наш взгляд, есть некоторое противоречие, заключающееся в недостаточной бдительности и плохой интуиции героя, что нарушает логику характера предводителя восстания. Например, при появлении в лагере повстанцев «шпиона», того самого Кызыннай, друзья Самбажыка Узун-Белек, Садыяа, Дажыма в первые же минуты обращают внимание на лукавую речь постороннего человека и начинают подозревать:

Узун-Белек: *Сактырымга, Кызыл-Тайганы дагаан черге чушкуузунга чүлгүүш баглап алгаи, кудай дүвү чүлгүн чоруп турган...* (Мне кажется, на обряде освящения Кызыл-Тайги, этот самый, кто с мочалкой на затылке (имеется ввиду: знак отличия чиновника. – Л.М.) вытирал дно неба...) [Кок-оол 1976, с. 93].

Когда они хотели проучить Кызыннай, чтоб он признался, Самбажык останавливает их и очень вежливо общается со «старцем», который открыто ему льстит. Далее Садыяа замечает, что кто-то заранее оседлал коня Чугурук Кара-Хурена и подозревает, что это дело Кызыннай. Но тот опять хитростью своей не поддается, а Садыяа отбирает у него нож, которым он хотел зарезать Самбажыка... А когда речь идет о Бошкажыке, которого убил сам Кызыннай, он опять же выходит чистым из воды своими лживыми речами...

Через некоторое время Чинчи тоже, увидев Кызыннай, говорит: «... Кажется, я вас где-то видела, дедушка...». Но тот опять уворачивается и обманывает Чинчи, что поблизости есть девушки Мундургу и Даданай, и что он может ее проводить к ним. Чинчи сообщает об этом Самбажыку, но тот, даже поняв, что Кызыннай обманул ее, никаких действий не принимает:

Самбажык. *Угааны чанып чоруур ирей-дир ийин, Чинчи* (Да это дедушка, теряющий рассудок, Чинчи.) [Кок-оол 1976, с. 103].

Впрочем, даже без их подозрений явно были видны лицемерие, притворство и странности «шпиона», но Самбажык в упор не видел их. Тут налицо диссонанс в сложившемся харизматичном образе главного героя. Возможно, это выдуманное автором противоречие, если учесть мнение Д. Н. Катышевой о том, что «противоречие есть своего рода горячее, питающее мотор драмы – конфликт. Оно обуславливает движение, мотивирует поступки действующих лиц. Участие героев в разрешении противоречия, вырастающего в конфликт, является источником самодвижения характеров, драматического действия. ... В этом процессе персонажи связываются друг с другом благодаря активному стремлению привести противоречие к разрешению, либо к снятию, либо к ослаблению» [Катышева 2001, с. 17].

В конце концов, Самбажык признает свою ошибку («Эндээн-дир мен» («Обознался я»)), когда точно определяют, что тот старик и есть Кызыннай хунду [Кок-оол 1976, с. 109].

Эмоциональный накал и напряжение драмы усиливается благодаря материнской любви и самоотверженности, которыми наделена Семис-Кадай. Рискаю всем, она добралась до стана восставших аратов, чтобы предупредить их о надвигающейся угрозе:

Семис-Кадай: Күжүр оолдарым, күжүр дунмаларым! Моон доп-до-раан чорунар! ... Мен ону дыңнадыйн дээш, дүне-ле үнгеним бо. ... Оолдарым! ... Аваң ышкаш аваң-дыр мен, ак баштыг аваң... (Сыновья мои дорогие, братишки мои! Срочно уходите отсюда! ... Еще ночью я отправилась к вам, чтоб сообщить. ... Сыновья мои! Я такая же мать, как твоя, твоя белокурая мать...) [Кок-оол 1976, с. 113].

В драме убедительно представлены образы местных правителей Белдер хунду, Койнаа хунду и Сенгин чангы, прототипы которых хорошо известны, чья тирания и деспотизм вызвали глубокую неприязнь у бедняков.

Из антагонистов ярко вырисован образ вышеупомянутого Кызанная, который рискует своей жизнью ради обещанного крупного вознаграждения.

В диалогах героев прослеживаются типичные выражения тувинского фольклорного языка, а фразеологизмы, пословицы и поговорки, вплетённые в их речь, раскрывают глубину их убеждений и накал переживаний. Поэтический строй народной речи придаёт репликам персонажей драмы неповторимое звучание:

Урундай. *Чаъс-чайыктыг чайын меңги хар безин эсти бээр болгай ыңар. Даң адар – хун үнер. Дагаа чылы Улу чылы-биле солчур деп бир чугаа бар* (В летние ливни и грозы даже вечные снега (ледники) тают. Наступит рассвет – взойдет солнце. Взамен году Курицы придёт год Дракона – есть такая поговорка.)

Комбулдай. *Бистер солупкай бис аан, кырган. Шажын соңгаарлаан, төре бурунгаарлаан деп чугаа база-ла бар болгай* (Надеюсь, мы заменим, старик. Еще говорят, религия позади остается (забывается), строй (режим) впереди идет.)

Включение в драму песен и других поэтических фрагментов позволило автору создать романтическую атмосферу в героической драме. Например:

*Кепти ёзу төрезинден
Кээргел дилээн херээ-даа чок.
Кестик-бижек тудуп алгаи,
Кедилелди чедип аар бис!*

(От нынешнего порядка, строя
Милости и жалости не стоит ждать.
Взяв в руки ножи,
Добьемся мы свободы!)

[Кок-оол 2003, с. 54]

В драматической кульминации отчетливо проступает ожесточенное противостояние и озабоченность обеих сторон исходом предстоящей борьбы. Феодалы-чиновники, в первую очередь, охвачены страхом за свою жизнь и сохранность своего имущества. Повстанцы же, осознавая колоссальное неравенство сил, несут в себе иные настроения, включая горькое понимание безнадежности. Эта внутренняя драма, негибемый дух и непокорность героев раскрываются через песню:

*Тудар дээн-дир, хоруур дээн-дир,
Туруг, бертче халды берээл.
Туруг, бертке турган соонда,
Дургун дижиг тургайлар аан.*

*Адар дээн-дир, кырар дээн-дир,
Алдырбайн бараалыңар,
Алды баштыг Каа-Дагда
Аңнар дижиг тургайлар аан.*

(Хотят поймать, схватить нас,
Ускачем на неприступную скалу.
Как встанем на неприступной скале,
Пусть беглецами нас называют.

Хотят застрелить нас, перестрелять,
Не дадимся же им в руки,
Пусть зверями на Кара-Даге
Шестивершинном нас называют.)

[Кок-оол 1976, с. 70]

Эти трогательные песни дают возможность уловить коллективное мироощущение повстанцев. Диалоги, в которых араты выражают свои точки зрения на ситуацию в Туве, насыщены не меньшим драматизмом и убедительностью. Дух свободы, присущий аратам, проявляется не только в песнях, воспевающих борьбу, но и в их речи, изобилующей народной мудростью.

Реплики протагониста драмы также изобилуют фольклорными образными выражениями. Например: «*Эр кижиги эндевес болза, хаан-даа болур, эрик бузулбас болза, хая-даа болур*» («Если мужчина не ошибется, то и ханом

может стать, если берег не осыплется, то и скалой может стать») [Кок-оол 1976, с. 110]. Эта сказанная Самбажыком пословица характеризует лидерскую позицию героя, уверенного в своих целях и решениях. Но следует подчеркнуть, что образ главного героя недостаточно раскрыт в действиях, ведущих к кульминации и развязке сюжета. В драме не отражены набег повстанцев, угон стад богачей и раздача их беднякам, что является одним из ключевых моментов в реальной истории восстания.

Символ зари в финале драмы усиливает героический ореол, указывая, что борьба, начатая восставшими аратами, будет продолжена, а надежда на лучшее будущее – не напрасна:

Чинчи. Ол чүү шимээн боор?

Самбажык. Хүрештиң эгези-дир! Эки үе келир, дуңмам!

Чинчи. Ол үеде чурттаан болза аар!

Самбажык. Чурттаар сен, чурттаар бис, Чинчи! Көрдөн-көрдөн, кызыл хаяаның чаагайын!

(Чинчи. Что это за шум?)

Самбажык. Это начало борьбы! Хорошее время настанет, сестренка!

Чинчи. Жить бы в это время!

Самбажык. Будешь жить, будем жить, Чинчи! Смотри-смотри, как прекрасна заря!)

[Кок-оол 1976, с. 115].

К сожалению, развязка драмы расходится с историческими фактами: Самбажык остается жить, когда все его друзья-повстанцы погибают после жесточайших пыток и казни. И в финале он призывает к мести, держа в руках умирающую Чинчи:

Самбажык. Өжээнниң өшпөс хаяазы хып үндү!

(Самбажык. Вспыхнула неугасимая заря мести!)

[Кок-оол 1976, с. 115].

В целом, пьеса В. Кок-оола «Самбажык» правдиво отображает дореволюционную тувинскую действительность. Историческое содержание в драме позволило драматургу создать художественную картину, наполненную высоким пафосом героизма [Херел 2018, с. 139].

Анализ историко-героической драмы В. Ш. Кок-оола «Самбажык» выявляет следующие художественные черты: трагический характер сюжета, четко артикулированный мотив восстания, романтические черты в характере протагониста, выраженное социальное, антагонистическое противостояние и использование фольклорной речи в диалогах персонажей.

Заключение

Таким образом, произведение В. Ш. Кок-оола «Самбажык» (1963) подтверждает мастерство автора в создании напряженного драматического сюжета по следам реальных событий, отображении героического в литературе, формировании образа протагониста драмы и лейтмотива восстания. Произведение отличается ярко выраженным авторским стилем, который глубоко укоренен в национальной идентичности. Это проявляется в аутентичном воплощении народных образов, знаний и традиций, а также в поэтически окрашенной речи героев. Но, к сожалению, художественный образ главного героя в данной драме, на наш взгляд, недостаточно раскрывает героический дух реального прототипа Самбажыка.

Постановка пьесы В. Кок-оола «Самбажык» в Тувинском музыкально-драматическом театре была признана успешной и пользовалась популярностью вплоть до 1980-х годов.

В современной тувинской драматургии на героическую тему «Алдан-Маадыр» написана драма-баллада «Кара-Дагның казыргызы» («Вихрь Кара-Дага») Э. Мижита. Пьеса представляет собой взгляд на эти события с точки зрения современного человека и основывается на переключке истории и современности, переключке поколений. Историко-героическая драма классика тувинской драматургии В. Ш. Кок-оола «Самбажык» и драма-баллада Э. Мижита опубликованы в издании, приуроченном к 120-летию восстания (2003 г.).

Литература:

1. Алдан Маадыр 2021 – Алдан-маадыр / Урянхайско-тувинская энциклопедия. Том 1. Абакан: ООО «ИП Журналист». 2021. С.82-83.
2. Аранчын 1985 – Аранчын, Ю. Л. Алдан-Маадырларның тура халыышыны [Восстание 60 богатырей]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 1985. 107 с.
3. Аранчын 2011 – Аранчын, Ю. Л. Тыва улустун маадырлыг оруу [Героический путь тувинского народа]. Абакан: ООО «Журналист». 2011. 208 с.
4. Гумилев 1990 – Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли. 3-е изд., стер. Л., 1990. 527 с.
5. Дулов 1953 – Дулов, В. И. Из истории классовой борьбы и национально-освободительного движения в Туве (К истории выступления «60 дургун» в 1883-1885 гг.) // Ученые записки. ТНИИЯЛИ. Выпуск I. Кызыл. 1953. С.7-54.

6. История Тувы 1964 – История Тувы: В 2 т. / Тувин. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. Редколлегия: Л. П. Потапов (отв. ред.) и др. Т. I. М.: Наука. 410 с.
7. Калзан 1961 – Калзан, А. К. Становление тувинской драматургии: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. М.: 1961. 167 с. (рукопись).
8. Катышева 2001 – Катышева, Д. Н. Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр. С.-Пб.: СПбГУП. 2001/ 208 с.
9. Кок-оол 1976 – Кок-оол, В. Ш. Чогаалдар чыындызы: шии чогаалдары. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 1976. 184 с.
10. Кок-оол 2003 – Кок-оол, В. Ш., Мижит, Э. Б. Самбажык. Кара-Дагның казыргызы. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 2003. 152 с.
11. Маннай-оол 1986 – Маннай-оол, М. Х. Тува в эпоху феодализма. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1986. 193 с.
12. Мижит 2013 – Мижит, Э. Б. Зарождение тувинской драматургии // История тувинской литературы. Т.1. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921-1944) / [отв. ред. К.А. Бичелдей]; редкол.: Л. С. Мижит (рук. проекта) [и др.]. Новосибирск: Издательство СО РАН. 2013. С.127-150. EDN: VSRBGQ
13. Моисеев 1983 – Моисеев, В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. М: Наука. 1983. 152 с.
14. Самбажык 2021 – Самбажык / Урянхайско-тувинская энциклопедия. Том 2. Абакан: ООО «ИП Журналист». 2021. С.285.
15. Самдан 1977 – Самдан, З. Б. Первая тувинская героическая драма (О пьесе «Самбажык» В. Кок-оола) // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1977. С.139-147.
16. Силантьев 2008 – Силантьев, И. В. Мотив // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada. 2008. 358 с.
17. Тыва совет литератураның 1975 – Тыва совет литератураның төөгүзүнүн очерктери [Очерки истории тувинской советской литературы] / А. К. Калзан, М. А. Хадаханэ, Д. С. Куулар. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 1975. 332 с.
18. Хализев 2009 – Хализев, В. Е. Теория литературы. 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия». 2009. 432 с. ISBN: 978-5-7695-5814-6 EDN: QULFPR
19. Херел 2012 - Херел, А. Х. Исторические истоки первой героической драмы в литературе Тывы // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. №2 (19). С.99-103. EDN: PBRXAX

20. Херел 2018 – Херел, А.Х. Творчество В. Кок-оола и его роль в становлении и развитии тувинской драматургии: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. М.: 2018. 176 с.

Архивные материалы:

1. Научный архив ТИГПИ: д.2429 (а).
2. Научный архив ТИГПИ: д.2427.
3. Научный архив ТИГПИ: т.278, д.2066.
4. Научный архив ТИГПИ: д.877.
5. Научный архив ТИГПИ: д.2422; т.266, д.1098.
6. Научный архив ТИГПИ: т.281, д.2078.

References:

1. “Aldan-maadyr” (2021) [Sixty Heroes], Urjanhajsko-tuvinskaja jenciklopedija, t. 1, Abakan, ООО «IP Zhurnalist», p. 82–83.
2. Aranchyn, Ju. L. (1985) “Aldan-Maadyrlarnyң tura halyyshkyny” [The Uprising of 60 Heroes]. Kyzyl, Tyvanuң nom yndyrer cheri, 107 p.
3. Aranchyn, Ju. L. (2011) “Tyva ulustuң maadyrlyg oruu” [The Heroic Path of the Tuvan People], Abakan, ООО «Zhurnalist», 208 p.
4. Gumilev, L. N. (1990) “Jethnogenez i biosfera zemli” [Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth], 3-e izd., ster., Leningrad, 527 p.
5. Dulov, V. I. (1953) “Iz istorii klassovoj bor’by i nacional’no-osvoboditel’nogo dvizhenija v Tuve (K istorii vystuplenija «60 durgun» v 1883-1885 gg.)” [From the History of the Class Struggle and the National Liberation Movement in Tuva (On the History of the 60 Durguns in 1883-1885)], Uchenye zapiski, TNIIJaLI, vypusk I, Kyzyl, p. 7–54.
6. “Istorija Tuvy: v 2 t.” [History of Tuva: in 2 volumes], Tuvyn. nauch.-issled. in-t jazyka, literatury i istorii, redkollegija: L. P. Potapov (otv. red.) i dr., t. I, Moscow, “Nauka”, 410 p.
7. Kalzan, A. K. (1961) “Stanovlenie tuvinskoj dramaturgii” [The Formation of Tuvan Drama], diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.02, Moscow, 167 p. (rukopis’).
8. Katysheva, D. N. (2001) “Voprosy teorii dramy: dejstvie, kompozicija, zhanr” [Questions of the Theory of Drama: Action, Composition, Genre], Saint-Petersburg, SPbGUP, 208 p.
9. Kok-ool, V. Sh. (1976) “Chogaaldar chyindyzy: shii chogaaldary” [Collection of Works], Kyzyl, Tyvanuң nom yndyrer cheri, 184 p.
10. Kok-ool, V. Sh., Mizhit, Je. B. (2003) “Sambazhyk. Kara-Dagnyң kazyr-gyzy” [Sambazhyk: the Whirlwind of the Black Mountain], Kyzyl, Tyvanuң nom yndyrer cheri, 152 p.
11. Mannaj-ool, M. H. (1986) “Tuva v jepohu feodalizma” [Tuva in the Era of Feudalism], Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izd-vo, 193 p.

12. Mizhit, E. B. (2013) “Zarozhdenie tuvinskoj dramaturgii” [The Origin of Tuvan Drama], *Istorija tuvinskoj literatury*, t.1, Istoki. Literatura Tuvinskoj Narodnoj Respubliki (1921-1944), otv. red. K. A. Bicheldej, redkol.: L. S. Mizhit (ruk. proekta) [i dr.], Novosibirsk, izd-vo SO RAN, p.127–150.
13. Moiseev, V. A. (1983) “Cinskaja imperija i narody Sajano-Altaja” [The Qing Empire and the Peoples of Sayano-Altai], Moscow, “Nauka”, 152 p.
14. “Самбажык” 2021 [Sambazhyk], Urjanhajsko-tuvinskaja jenciklopedija, t. 2, Abakan, ООО «IP Zhurnalyst», p. 285.
15. Samdan, Z. B. (1977) “Pervaja tuvinskaja geroicheskaja drama (O p’ese «Sambazhyk» V. Kok-oola)” [The first Tuvan Heroic Drama (About the Play “Sambazhyk” by V. Kok-ool)], *Tuvinskij yazyk i literatura v posleoktyabr’skij period*, Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel’sтво, p.139-147.
16. Silant’ev, I. V. (2008) “Motiv” [Motive], *Pojetika: Slovar’ aktual’nyh terminov i ponjatij*, Gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko, Moscow, izd-vo Kulaginoj, “Intrada”, 358 p.
17. “Tyva sovet literaturanyң tөөgүzүnүң ocherkteri” (1975) [Essays on the History of Tuvan Soviet Literature], A. K. Kalzan, M. A. Hadahanje, D. S. Kuular, Kyzyl, Tyvanуң nom үндыrer cheri, 332 p.
18. Halizev, V. E. (2009) “Teorija literatury” [Theory of Literature], 5-e izd., ispr. i dop. Moscow, Izdatel’skij centr “Akademija”, 432 p.
19. Herel, A. H. (2012) “Istoricheskie istoki pervoj geroicheskoj dramy v literature Tyvy” [Historical Origins of the First Heroic Drama in Tuvan Literature], *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 2 (19), p. 99–103.
20. Herel, A. H. (2018) “Tvorchestvo V. Kok-oola i ego rol’ v stanovlenii i razvitii tuvinskoj dramaturgii” [The Creative Work of V. Kokol and His Role in the Formation and Development of Tuvan Drama], diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. Moscow, 176 p.

Информация об авторе:

Людмила С. Мижит, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4, lmizhit@mail.ru

РИНЦ Author ID: 793880

Information about the author:

Lyudmila S. Mizhit, Cand. Of Sci. (Philology), Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia, lmizhit@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1991-0517

@ Мижит Л. С., 2025

ЭТНОГРАФИЯ

Научная статья
УДК 39 (571.513)

ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОГО СЕДЛА (ИЗЕР) У ХАКАСОВ (XIX– НАЧ. XX ВВ.)

Маина. П. Чебодаева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Абакан, Россия, chebodaevamp@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается истоки и развитие традиционного седла у хакасов. Основой для исследования послужили музейные коллекции Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Хакасского национального краеведческого музея и Минусинского краеведческого музея. Автор анализирует научные публикации, выходившие по данной проблематике в российской науке в разные годы, рассматривает истоки происхождения седла, классификацию седел (мужские, женские, свадебные и детские), технологию декорирования.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство хакасов, седло (изер), этнические группы хакасов – качинцы, сагайцы, койбалы, кызыльцы

Для цитирования: Чебодаева М. П. «Истоки и развитие традиционного седла (изер) у хакасов (XIX– нач. XX вв.)» // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 3 (15). С. 89–101. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-89-101

THE ORIGINS AND DEVELOPMENT OF THE KHAKAS TRADITIONAL SADDLE (YSER) (XIX– EARLY XX CENTURY)

Maina. P. Chebodaeva

Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Cand of Sci. (Art History), Researcher, Abakan, Russia, chebodaevamp@mail.ru

Abstract: The article examines the origins and development of the traditional Khakas saddle. The research was based on the museum collections of the Russian

Museum of Ethnography (St. Petersburg) and the Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera), the Khakass National Museum of Local Lore and the Minusinsk Museum of Local Lore. The author analyzes scientific publications published on this issue in Russian science over the years, examines the origins of the saddle, the classification of saddles (men's, women's, wedding and children's), and the technology of decoration.

Keywords: decorative and applied art of the khakass, saddle (izer), ethnic groups of the khakass – kachins, Sagais, koybals, and kyzyls

For citation: Chebodaeva, M. P. (2025) “The Origins and Development of the Traditional Saddle (iser) the Khakas (XIX– early XX century)” // Asian studies: History and modernity. no. 3 (15), p. 89–101. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-89-101

Одной из важных областей декоративно-прикладного искусства хакасов в прошлом было украшение предметов конского снаряжения: седла, чепраков, тебеньков и сбруи. Традиция эта имеет древние корни и связана, в первую очередь, с той огромной и исключительной ролью, которую на протяжении многих тысячелетий играла верховая лошадь в жизни и мировоззрении кочевников Хакасско-Минусинской котловины.

«Конь - есть товарищ, который не опережает своего хозяина и не отстает от него; он есть друг своего хозяина богатыря в сказках», - так гласит старинная хакасская поговорка, и в ней таится глубокий смысл. Лошадь была верным другом и спутником кочевника - воина и скотовода на всех этапах его жизни: от раннего детства, когда он ребенком получал в дар первого жеребенка с полным седельным набором; и до самой кончины, когда любимый конь усопшего, снаряженный в парадную амуницию, выполнял прощальную роль человека с миром в поминально-обрядовом цикле в качестве его верного друга.

Материалы по конскому снаряжению у хакасов и их предков енисейских кыргызов изучались в 1950-2000-х годах археологами и этнографами. В эти годы в различных научных изданиях вышли публикации ученых, посвященные данной проблематике К. М. Патачакова (1958), А. К. Амброза (1974), Д. Г. Савинова (1977; 2005), С. И. Ванштейна (1991), Л. Р. Павлинской (1988; 1994), И. Д. Ткаченко (2005; 2006), Л. С. Марсадолова и Е. В. Степановой (2021) и др. [1]. Научные дискуссии о времени появлении седла с жесткой деревянной основой в Хакасско-Минусинской котловине в российской исторической науке велись с 1970-х годов.

В настоящее время есть основание полагать, что знакомство с конем и появление седла в Хакасско-Минусинской котловине произошло в таштыкскую археологическую культуру (III-IV века н. э.).

Первые седла с широкими арочными луками, по археологическим данным, имеющими иногда спрямленные очертания сторон, впервые появляются в восточных районах Восточной Азии и были известны по археологическим находкам и рисункам IV-VI веков в Корее и Японии.

Самая ранняя находка подобной формы седла из берестяной обкладки арочной луки седла в Южной Сибири была найдена в Уйбатском чаатасе археологом С. В. Киселевым в Хакасской автономной области. Форма седла фиксировала основу луки подпрямоугольных очертаний, сближающихся по форме с обкладками древнекитайских седел начала IV века из Аньяна.

Санкт-Петербургский археолог Д. Г. Савинов предположил, что изображение такого раннего типа седла с жесткой основой мы можем видеть на тепсейских планках, обнаруженных в 1968 году археологическим отрядом Эрмитажа под руководством М. П. Грязновым под горой Тепсей в Усть-Абаканском районе Хакасской автономной области.

На Тепсее всего было обнаружено 8 деревянных планок, длиной до 1 м, шириной 6-12 см, с рукояткой на одном конце, где рисунки на планках покрывали обе стороны планок и были едва заметны. На одной стороне деревянной планки обычно изображались сцены бегущих оленей, лосей, медведя, волка и других животных, а на другой стороне – батальные сцены – с композициями на темы исторических событий.

Всадники и воины изображены в динамике, они бегут, стреляют, мчатся на конях, падают – убитыми или ранеными. В целом же все сюжеты на тепсейских планках были посвящены батальным и охотничьим темам, где конные всадники и пешие воины изображены с луками и стрелами (иногда в боевых доспехах). Несомненно, что на деревянных планках неизвестные художники воссоздали эпические темы из истории таштыкских племен.

На рисунке первой тепсейской планки, которая сохранилась в виде трехгранной призмы с шириной граней 5-6 см, на одной из граней мы видим, что на бегущем влево коне неизвестный мастер детально изобразил конское седло. На седле видна выступающая передняя лука, которая поставлена вертикально и более высокая, а задняя лука седла изображена более низкой, поставлена наклонно, переданы детально также полки с округлыми вырезами по краям с выступающей лопастью посередине и расположенная ниже седла дополнительная лопасть, которая имеет округлые очертания.

Давая художественную оценку тепсейским планкам археолог М. П. Грязнов писал: *«Сохранившиеся на планках рисунки, несомненно, представляют собой лишь контуры бывших здесь полихромных изображений. Это древнейшие в Азии миниатюры (III-IV вв. н. э.), стилистически совершенно своеобразные. Они оставлены обществом, не имевшим еще ни государственности, ни письменности, в то время, как все известные нам древние*

миниатюры и стенные росписи на героические темы создавались в государствах с классовым обществом с развитой письменностью и литературой» [Грязнов 1979, с. 105].

Рис. 1. Изображение с деревянной обугленной планки. Тепсей III.

В VI в. н. э. в Хакасско-Минусинской котловине сложилось объединение тюркоязычных племен, которые письменные источники называют предки хакасов, именем «кыргызы». Енисейские кыргызы создали свое государство «Кыргызский каганат» с центром в Хакасско-Минусинской котловине, которое простиралось до Прибайкалья. Среди кыргызских древностей можно встретить вещи, которые были характерны еще для таштыкской эпохи. Преемственность можно наблюдать и в погребальном ритуале - в устройстве кыргызских могил и в обычае сжигания покойников.

Традиция использования седла у таштыкцев была продолжена в период Кыргызского каганата (VI-XIV вв). На сегодняшний день известно два сохранившихся фрагмента седел енисейских кыргызов и одно деревянное цельное. Фрагменты серебряного седла были обнаружены в раскопках с горы Часовенная под Красноярском (Государственный Эрмитаж) и передняя лука седла из кости из Копенского Чаа таса (Государственный исторический музей) и деревянное седло из Узун-Хая (Хакасский национальный краеведческий музей).

В 2005 г. в Санкт-Петербурге вышло научное издание ученых С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова «Степные империи древней Евразии», где

исследователи сделали важную квалификацию седел в эпоху раннего средневековья в Центральной Азии.

Они писали следующее: *«В эпоху раннего Средневековья параллельно развивались три типа седел, различающиеся по форме передних луков: 1) с низким округлыми луками; 2) с подтреугольными луками; 3) с широкими арочными луками. Наиболее традиционную форму представляют седла с низкими округлыми луками, которые появились в конце I тыс. до н. э. и просуществовали без значительных изменений вплоть до монгольского времени»* [Кляшторный и Савинов 2005, с. 189].

В другой публикации исследователя И. Д. Ткаченко «Основные этапы изменения конструкции седла у кочевников Евразии», автор изучая седла енисейских кыргызов (VI-VIII вв.), выявила серию находок металлических кантов луки седла с территории современной Хакасии. Она сделала классификацию и выделила три вида седел: полужесткое седло, укрепленное широкими, слабо изогнутыми деревянными луками, украшенное костяными орнаментированными накладками; жесткое седло с одинаковыми высоким, вероятно, арочными, вертикально поставленными луками; жесткое седло с высокой арочной передней и широкой, более пологой задней лукой. Данные виды седел по ее мнению продолжили бытовать и в VIII-XII веках в Кыргызском каганате.

В 1968 г. местными чабанами в гроте Узун-Хая в Аскизском районе было обнаружено деревянное седло обитое кожей, которое датировали Аскизской археологической культурой (X-XIV вв.).

В 1976 году археологом Л. Р. Кызласовым там были проведены раскопки захоронения мужчины и обнаружены предметы средневекового времени: остатки шелковой одежды, высокие кожаные сапоги, фрагмент шерстяного ковра на войлочной основе, тростниковая циновка, тесло с рукояткой, корнекопалка, нож и палаш в ножнах, лук, берестяной крытый камусом колчан, стрелы с древками, седло с деревянными стремянами, части узды и погребальные сани. В настоящее время предметы хранятся в Хакасском национальном краеведческом музее.

Экипировка коня была важнейшим показателем социального статуса всадника-кочевника и свидетельством его жизненного успеха в XIX - нач. XX веках в местах компактного проживания хакасов в Минусинском и Ачинском уездах Енисейской губернии. Она же указывала на его родоплеменную принадлежность, ибо каждая этническая группа хакасов (качинцы, сагайцы, кызыльцы и койбалы) имела свои отличительные черты в декоре конской упряжи. Детали верховой упряжи у хакаса-кочевника состояли из: седла (изер); кожаного чепрака-потника (кичім) и тебеньков; узды с оголо-

вьем (чуген); нагрудника (коксі паа); потфеи подхвостника (хосхын); подпружных ремней; стремен (ізене) и плети (хамчы).

В условиях кочевничества седла были в обиходе всего взрослого и детского населения. Различались седла (изер) мужские и женские, детские и свадебные. Женское седло имело низкую с сильным наклоном заднюю луку, сплюсненную, почти плоскую поверхность. Чепрак такого седла шили из цветного сукна украшали цветной аппликацией, раковинами каури или вышивкой. Особой нарядностью отличались седельные чепраки свадебной лошади невесты. Детские седла были меньших размеров и оформлялись скромно.

Вероятно, что, основываясь именно на этих наблюдениях из жизни степняков-кочевников, известный исследователь хакасской культуры начала XX века этнограф А. В. Адрианов писал: «Все минусинские и ачинские инородцы - конные. Все без исключения мужчины, женщины и дети ездят верхом. Поэтому седла - мужские и женские составляют необходимейшую принадлежность каждой семьи. И всегда эти седла, а с ними и их принадлежности, каковы нагрудник, подфeya (подхвостный ремень – М. П.), уздечка украшаются, и чем богаче, тем роскошнее. Передняя и задняя лука у седла, наборы на ремнях узды, нагрудника и подфeya обсаживаются (так у автора) железными пластинами с насечками из серебра разнообразных фигур или сплошным серебрением с гравировкой орнамента; у богатых инородцев об луки обсаживаются, кроме того, крупными кораллами, так что стоимость седла в отдельных случаях доводится до 100-150 и более рублей. И для изготовления седел и принадлежностей к ним среди инородцев нет во всем районе ни одного своего мастера. Всю эту работу выполняют 2-3 русских мастера, сумевших приспособиться к вкусам и требованиям инородцев и специализироваться на этом» [Адрианов 1911-1912, с. 107].

Важной частью снаряжения верхового коня является седельный набор, состоящий из деревянного каркаса, покрытого обычно кожей, потника с чепраком, подпруги стремян, нагрудных ремней и подфечи. Частично спрос на них удовлетворялся рынком: богатые хакасы баи могли приобретать седла с богатым убранством. В большинстве же случаев хакаские седла были местного значения – домашнего и кустарного – производства. Музейные собрания свидетельствуют, что в XIX-нач. XX века седельное дело у хакасов было довольно развито. В северных и центральных районах в Кызыльской и Абаканской степных думах были свои мастера по изготовлению седел. С упадком скотоводства и прекращением кочевничества почти перестал существовать и этот вид домашнего ремесла. И все же кое-где мастера-седельщики встречались и в начале XX века, некоторые из них пользовались широкой известностью за пределами своих улусов.

По устройству деревянного каркаса хакасские седла для верховой езды подразделяются на один тип - составной. Он был наиболее распространенный. Остов этого седла составляли передняя и задняя лука, соединенные двумя плоскими в виде лопастей досками – ленчиками. Между передней и задней луками по линии хребта лошади натягивались амортизирующие ремни. На ленчике делались прорезы для крепления стремян и подпруги. Подгонялись деревянные детали седла друг к другу довольно плотно и стягивались ремнями, нитями из сухожилий.

Больше различались седла по форме лук и деталями отделки. Особенно сильно варьировала передняя лука, которая делалась более высокой, устанавливалась круто, почти вертикально, в то время как задняя лука обычно была наклонной. Головка передней луки оформлялась в виде щитка овальной формы. Обе луки седла, особенно передняя, украшались металлическими накладками в технике серебряной насечкой с орнаментом розеток и др.

В 1894 году Минусинский уезд по заданию Российской Академии наук посетил студент Императорского Санкт-Петербургского университета П. Е. Островских, который впервые описал свадебное женское седло: «Чепрак, обыкновенно из красного сукна, украшен бусами, мелкими моржанами, различными пуговичками и вышит по краю такой же шелковой радужной каймой, как и шуба. Описание подробностей седла оставляю в стороне; непонятно, к чему служит широкий ремень с прикрепленным к нему железными пластинами, как и у всех остальных ременных принадлежностей седла, с серебряной по ним насечкой, ремень, огибающий луки седла и перекинутый через самое сиденье; причем на сиденье посередине он имеет большую круглую железную бляху, а также с серебряной насечкой... Такие свадебные наряды и седло имеются далеко не во всех семьях качинцев; еще того менее их среди инородцев Степной думы, так как минимальная стоимость их не менее 300 руб. Очень богатый костюм (за исключением серег) и сидельные принадлежности прислал в подарок музею Академии зимой 1894 г. качинец Е. П. Спирин» [Островских 1895, с. 318].

Впервые этнолокальные различия в упряжи народов Сибири XIX-начала XX века были изучены научным сотрудником Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Л. Р. Павлинской, которая сделала вывод, что различия проявляются в основном в характере металлического декора, на уровне конструкций в формах седельных луков.

Она писала: «Эти седла представляли собой массивную деревянную конструкцию. Они имели высокую, вертикальную переднюю луку и низкую, слегка отогнутую назад заднюю. Луки опирались нижними концами на две горизонтальные планки (полки) и были скреплены с ними кожаными

ремешками, что придавало седлу определенную эластичность. У скотоводов Сибири XX-начала XX в. существовали седла с овальными, подтреугольными и подпрямоугольными передними луками. Следует отметить, что у некоторых народов бытовали два, а иногда и все три типа седел. Так, у хакасов и якутов имели седла с овальными и подпрямоугольными луками» [Павлинская 1994, с. 57-59].

Заслугой этнографа Л. Р. Павлинской является, то, что она также сделала классификацию декора седел, разделила его на две группы. В первую вошли седла, луки которых с лицевой стороны целиком заполнены одной орнаментированной пластиной, повторяющей формы основы. Такие седла были характерны для якутов, алтайцев, хакасов, прибайкальских бурят и частично забайкальских бурят-хоринцев. Также эта группа была известна среди седел народов Средней Азии и Казахстана (киргизы и казахи).

Вторую группу, по мнению этнографа, составили седла, передняя лука которых украшена несколькими (в основном тремя) сложнопрофильными пластинами, а сама поверхность лук окрашена в красный цвет. Эти седла бытовали у тувинцев и некоторых групп забайкальских бурят, и получили название «монгольские».

Изучение устройства хакасских седел, их типология свидетельствуют, с одной стороны, об их глубокой традиционности, с другой – обнаруживают их близкое родство с седлами тюркских и монгольских народов, с которыми хакасы имели контакты в прежние времена. Прежде всего, хакасские седла имеют близкое сходство с седлами якутов.

Исследовательница конского снаряжения народов Саяно-Алтая И. Д. Ткаченко, писала по данному поводу: «В формировании традиционной культуры якутов определяющую роль сыграли тюркоязычные кочевники Центральной Азии. Общепризнана более близкая связь якутов и хакасов. Комплект якутского верхового седла имеет некоторые принципиальные отличия от комплектов других народов...Однако имеется большая трапецевидная покрывка на круп коня, привязываемая к седлу сзади. Существует несколько терминов для обозначения этой покрывки чаппарвк, чапрвк, чампарвк. Подобная же покрывка на круп коня бытует у хакасов и называется чапрах, собственно чепрак обозначается термином кичім» [Ткаченко 2005, с. 73].

Особый художественный интерес у хакасов представляют форма и декор седел, являющихся главной эстетической составляющей всего ансамбля убранства верхового коня. Деревянный остов седла, как правило, выдалбливался из цельного куска дерева твердой породы или делался составным. В составных седлах передняя и задняя луки укреплялись между

собой кожаными ремнями. Встречались седла, состоящие из двух деревянных планок.

По бокам мужского седла свисали кожаные чепраки, которые делались из кожи, где главным элементом декора являлись посеребренные металлические пластины и серебряные бляхи, самой различной конфигурации. Технические приемы их исполнения включали весь известный арсенал приемов хакасского мастера. Это набивную насечку (таушировку), чеканку и серебрение. Активную роль в украшении различных частей и деталей конской упряжи играли также тиснение и аппликация по коже (чепраки, тебеньки), резьба по дереву (остов седла, деревянные стремяна). В комплект полного убранства коня входили и предметы декоративного текстиля (седельные подушки, чепраки из сукна и переметные сумы).

Рис. 2. Седло хакасов. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Коллекция № 5062-139 (Фото взято с Государственного музейного каталога).

Этнограф Л. Р. Павлинская выделила у народов Сибири три этнолокальных варианта обработки железных пластин (зубилом, резцом и молотком). Она писала по данному поводу: «В Хакасии, Туве и у основной части забайкальских бурят насечение сеткой довольно сильно заглушается иными приемами, что свидетельствует о развитии здесь самостоятельных ремесленных традиций... У хакасов пластины насекались острым резцом в виде коротких штриховых линий... Штриховое насечение помимо хакасов известно только в художественном металле киргизов» [Павлинская 1994, с. 63].

Что касается техники обработки металлических накладных пластин для оформления снаряжения всадника и коня на конских седлах хакасы использовали набивную насечку (таушировку), чеканку и серебрение. Наиболее распространенным видом техники у хакасов была набивная насечка (таушировка). В данной технике мастер сочетал два материала – железо и серебро. С точки зрения технологи набивная насечка (таушировка) состояла из двух этапов: подготовки железной пластины и нанесение на подготовленную поверхность железа слоя серебра.

Описания набивной насечки (таушировки) у хакасов в этнографической литературе не сохранилось, но предполагается, что техника была аналогичной с бурятами и тувинцами, которые были подробно описаны исследователями С. И. Вайнштейном (тувинцы), И. И. Соктовой и А. В. Тумахани (буряты) в научных изданиях, 1970-1980-х годов.

Исследователь народного искусства Бурятии А. В. Тумахани писал: «Насечка у бурят производится по неровной поверхности металла, полученной путем насекания специальным молотком с зазубренной бородкой неглубоких, но частых бороздок неглубоких, но частых бороздок, наносимых крест-накрест. На шероховатую сетчатую поверхность пластины накладывается тоненькая серебряная проволока, которая точными ударами гладкого молотка вбивается в углубления бороздок. При этой операции серебряная проволока, войдя в углубления, соединяется с пластиной. Сложным делом при насечке является компоновка узоров из серебряной проволоки на поверхности пластины, требующая художественного вкуса и тонкого чувства гармонии» [Тумахани 1970, с. 61].

Несмотря на разнообразие используемых декоративных средств, каждому из которых были присущи собственная пластика и графическая передача орнаментов, украшение коня и конской сбруи представляло собой единый, законченный и хорошо продуманный художественный комплекс, рассчитанный на восприятие при ярком свете дня, на фоне зеленых степных трав и чистого синего неба. Серебро в отделке пластинок и блях, чередующееся с теплыми по тону частями кожи ремней и тисненными или суконными чепраков, контрастное сочетание объемных и плоских узоров - все это создавало не только сильный и выразительный художественный образ, но и производило внушительное эмоциональное впечатление на зрителя.

Таким образом, седло хакаса-кочевника, имеет давнее происхождение и свидетельствует о высоком искусстве и таланте народных мастеров, в области художественной обработки металла, кожи и резьбы по дереву, является ценным достоянием национальной художественной культуры. В настоящее время оно служит не только важным источником в ее изучение и пропаганде,

но и представляет собой благодатную почву для творческих исканий современных мастеров, проживающих в Республике Хакасия.

Литература:

1. Адрианов 1911-1912 – Адрианов, А. В. Об орнаменте у сибирских инородцев // Труды Всероссийского съезда художников в Петербурге. СПб, 1911-1912. Т. 1. С. 102-108.
2. Амброз 1973 – Амброз, А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV-VIII) // Советская археология, 1973, №4, с. 81-98. EDN: VIPBRR
3. Вайнштейн – Вайнштейн, С. И. Мир кочевников Центральной Азии. М: Наука. 1991. 294 с.
4. Грязнов – Грязнов, М. П. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука. 1980. 167 с.
5. Кляшторный, Савинов 2005 – Кляшторный, С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филологический факультет СПбГУ. 2005. 346 с. ISBN: 5-8465-0246-6 EDN: QPBNCH
6. Марсадолов, Степанова 2021 – Марсадолов, Л. С., Степанова Е. В. Седла монгольского времени из Часовенной горы под Красноярском // Творец культуры. СПб, 2021. С. 487-505. DOI: 10.31600/978-5-907298-22-4.487-506 EDN: UWQZSQ
7. Островских 1895 – Островских, П. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. СПб. 1895. С. 297-348.
8. Павлинская 1988 – Павлинская, Л. П. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сборник музея антропологии и этнографии. Л: Наука. 1988. № XLII. С. 71-85.
9. Павлинская 1994 – Павлинская, Л. Р. Художественный металл в снаряжении всадника и коня у народов Сибири XX-начала XX в. Становление и развитие ремесленной традиции // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб. 1994. С. 52-75. EDN: YWSJOP
10. Патачаков 1958 – Патачаков, К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII-XIX вв.). Абакан: Хаккнигоиздат. 1958. 104 с.
11. Савинов 1977 – Савинов, Г. Д. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тыс. н. э.) // Советская этнография. 1977. №1. 31-48. EDN: VPOWWF
12. Савинов 2005 – Савинов, Д. Г. Парадные седла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири. Кемерово. 2005. Вып. 23. С. 19-24. EDN: VXZYMJ

13. Тамахани 1970 – Тамахани, А. В. Бурятское народное искусство. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 1970. 111 с.
14. Ткаченко 2005 – Ткаченко, И. Д. О якутско-хакасских этнокультурных связях (на материале снаряжения верхового коня) / VI конгресс этнографов и антропологов. СПб. 2005. С. 73-74.
15. Ткаченко 2006 – Ткаченко, И. Д. Основные этапы изменения конструкции седла у кочевников Евразии // Вестник молодых ученых. 2006. №3. С. 96-100.

References:

1. Adrianov, A. V. (1911-1912) “Ob ornamente u sibirskix inorodcev” [On the Ornament of Siberian Natives], Trudy Vserossijskogo s`ezda xudozhnikov v Peterburge, Saint-Petersburg, vol. 1, p. 102–108. (In Russ.).
2. Ambroz, A. K. (1973) “Stremena i sedla rannego srednevekovya kak khronologicheskij pokazatel (IV-VIII)” [Stirrups and Saddles of the Early Middle Ages as a Chronological Indicator (IV-VIII)], Sovetskaya arxeologiya, no. 4, p. 81–98. (In Russ.).
3. Vajnshtejn, S. I. (1991) “Mir kochevnikov Centralnoj Azii” [The World of the Nomads of Central Asia], Moscow, Nauka, 294 p. (In Russ.).
4. Gryaznov, M. P. (1980) “Kompleks arxeologicheskix pamyatnikov u gory Tepsej na Enisee” [A complex of archaeological sites near Tepsei Mountain on the Yenisei], Novosibirsk, Nauka, 167 p. (In Russ.).
5. Klyashtornyj, S. G., Savinov, D. G. (2005) “Stepnye imperii drevnej Evrazii” [Steppe Empires of Ancient Eurasia], Saint-Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 346 p. (In Russ.).
6. Marsadolov, L. S., Stepanova E. V. (2021) “Sedla mongolskogo vremeni iz Chasovennoj gory pod Krasnoyarskom” [Saddles of the Mongolian Time from the Chapel Mountain near Krasnoyarsk], Tvorecz kul'tury, Saint-Petersburg, p. 487–505. (In Russ.).
7. Ostrovskix, P. E. (1895) “Etnograficheskie zametki o tyurkax Minusinskogo kraja” [Ethnographic Notes on the Turks of the Minusinsk Region], Zhivaya starina, Saint-Petersburg, p. 297–348. (In Russ.).
8. Pavlinskaya, L. P. (1988) “Nekotorye voprosy texniki i texnologii xudozhestvennoj obrabotki metallov” [Some Issues of Technique and Technology of Artistic Metalworking], Material'naya i duxovnaya kul'tura narodov Sibiri. Sbornik muzeya antropologii i e`tnografii, Leningrad, Nauka, no. XLII, p. 71–85. (In Russ.).
9. Pavlinskaya, L. R. (1994) “Xudozhestvennyj metall v snaryazhenii vsadnika i konya u narodov Sibiri XX-nachala XX v. Stanovlenie i razvitie remeslennoj tradicii” [Artistic Metal in Horseman and Horse Equipment among the Peoples

of Siberia in the Twentieth and Early Twentieth Centuries. Formation and Development of the Craft Tradition], Pamyatniki material'noj kul'tury' narodov Sibiri. SPb. 1994. S. 52–75. (In Russ.).

10. Patachakov, K. M. (1958) “Kultura i byt xakasov v svete istoricheskix svyazej s russkim narodom (XVIII-XIX vv.)” [Culture and Life of the Khakas in the Light of Historical Ties with the Russian People (XVIII-XIX Centuries).], Abakan, Hakknigoizdat, 104 p. (In Russ.).

11. Savinov, G. D. (1977) “Iz istorii ubranstva verxovogo konya u narodov Yuzhnoj Sibiri (II tys. n. e.)” [From the History of the Decoration of the Riding Horse Among the Peoples of Southern Siberia (II millennium AD)], Sovetskaya e'tnografiya, no. 1, p. 31–48. (In Russ.).

12. Savinov, D. G. (2005) “Paradnye sedla s geraldicheskimi izobrazheniyami zhivotnyh” [Ceremonial Saddles with Heraldic Images of Animals], Arxeologiya Yuzhnoj Sibiri, Kemerovo, issue 23, p. 19–24. (In Russ.).

13. Tamaxani, A. V. (1970) “Buryatskoe narodnoe iskusstvo” [Buryat Folk Art.], Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo, 111 p. (In Russ.).

14. Tkachenko, I. D. (2005) “O yakutsko-xakasskix etnokulturnyx svyazyax (na materiale snaryazheniya verxovogo konya)” [On Yakut-Khakass Ethnocultural Relations (Based on Riding Horse Equipment)], VI kongress e'tnografov i antropologov, Saint-Petersburg, p. 73–74. (In Russ.).

15. Tkachenko, I. D. (2006) “Osnovny'e e'tapy' izmeneniya konstrukcii sedla u kochevnikov Evrazii” [The Main Stages of Changing the Saddle Design among the Nomads of Eurasia], Vestnik molodyh uchenykh, no. 3, p. 96–100. (In Russ.).

Информация об авторе:

Маина. П. Чебодаева, кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Республика Хакасия, Россия; 665010, Россия, Абакан. Ул. Щетинкина, д. 23.

E-mail: chebodaevamp@mail.ru

РИИЦ Author ID: 471120

Information about the author:

Maina P. Chebodaeva, Cand. Of Sci. (Art Studies), Researcher, Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Republic of Khakassia, Russia; 23 Shchetinkina str., Abakan, 655017, the Republic of Khakassia, Russia.

E-mail: chebodaevamp@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6614-8345

© Чебодаева. М. П., 2025

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 930.253

ИСТОЧНИКИ ПО ЭТНОГРАФИИ ТУВИНЦЕВ В НАУЧНОМ АРХИВЕ ТНИИЯЛИ-ТИГИ-ТИГПИ

Чодураа К. Иргит

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве РТ, к.и.н., Кызыл, Республика Тыва, Россия, choirgit84@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению источников по этнографии тувинцев, хранящихся в научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Материалом исследования послужили рукописные документы, иллюстративные материалы, сведения устного народного творчества, вещественные артефакты фондов научного архива института. Применены как исторические методы актуализации, логического анализа и метод «крупного плана», так и источниковедческие – анализ, синтез, интерпретация – для получения совокупности данных об источниках и их типологизации. Научная новизна данного исследования заключается в представлении обзорного анализа источников в фондах архива института и определение их типологического разнообразия. Они могут быть привлечены для этнологических исследований. Автор приходит к выводу о том, что с момента создания института в 1945 г., главными его задачами стали сбор материалов, необходимых для научного изучения истории и культуры тувинцев, комплектование фондов источников, фиксирование воспоминаний информантов, живших в дореволюционной традиционной Туве. В результате изучения материалов фондов архива источники разделены на письменные, фольклорные (устные), вещественные, аудиозаписи и визуальные. Они содержат этнографические данные с разной степенью полноты. Среди письменных материалов имеются малоизвестные, которые необходимо досконально исследовать, а вещественные, визуальные источники требуют тщательного анализа и атрибуции для дальнейшего введения их в научный дискурс. Важно расширение и углубление источни-

коведческо-историографических исследований по этнографии тувинцев в будущем, хронологически охватив период вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: Научный архив ТИГПИ, источники, фонды, рукописи, тувиноведение, материалы экспедиций в Туву, тувиноведы, В.П. Дьяконова.

Для цитирования: Иргит Ч.К. «Источниковедческий потенциал научного ТНИИЯЛЯ-ТИГИ-ТИГПИ» // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 3 (15). С. 102–126. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-102-126

SOURCES ON TUVAN ETHNOGRAPHY IN THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF TNNIYALI-TIGI-TIGPI

Choduraa K. Irgit

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History), Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, choirgit84@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of sources on the ethnography of Tuvans, stored in the scientific archive of the Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research. The research material included handwritten documents, illustrative materials, information from oral folk art, and tangible artifacts from the Institute's scientific archive. Both historical methods of actualization, logical analysis and the "close-up" method are used, as well as source studies – analysis, synthesis, interpretation – to obtain a set of data on sources and their typologization. The scientific novelty of this study lies in the presentation of an overview analysis of the sources in the collections of the Institute's archive and the definition of their typological diversity, which can be used for ethnological research. The author comes to the conclusion that since the establishment of the Institute in 1945, its main tasks have been to collect materials necessary for the scientific study of the history and culture of Tuvans, to acquire collections of sources, and to record the memories of informants who lived in pre-revolutionary traditional Tuva. As a result of studying the materials of the archive's collections, the sources are divided into written, folklore (oral), material, audio recordings and visual. They contain ethnographic data with varying degrees of completeness. Among the written materials, there are little-known ones that need to be thoroughly investigated, while physical and visual sources require careful analysis and attribution in order to further introduce them into scientific discourse. It is important to expand and deepen the source studies and historiographical research on the ethnography of Tuvans in the future, chronologically covering the period up to the present.

Keywords: TIGPI Scientific Archive, sources, funds, manuscripts, Tuvan studies, materials of expeditions to Tuva, Tuvinologists, V.P. Dyakonova.

For citation: Irgit, Ch. K. (2025), “The source potential of the TIGPI Scientific Archive” // *Asian Studies: History and Modernity*. no. 3 (15), p. 102–126. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-102-126

Введение

В научных учреждениях России и зарубежья хранятся письменные и визуальные источники, материальные артефакты по этнографии тувинцев. Они активно начали собираться со второй половины XIX по начало XX вв. усилиями учёных и практиков государственных структур, университетских и музейных центров, представителями «ссылной» науки. Этому способствовало как институциональное оформление отечественной этнологии как самостоятельной науки в середине XIX в., так и усиление внимания Российского государства к Туве как пограничной территории, что заметно в активизации торгового, земледельческого и промышленного освоения её территории. В трудах исследователей рубежа XIX – XX вв. содержатся описательные сведения о традиционной культуре и быте тувинцев. Ценность опубликованных трудов и рукописных материалов отмеченного времени в том, что в них выражены их впечатления, видение о состоянии тувинской традиционной культуры именно в то время, когда они были собраны. Материалы отдельных авторов до сих пор ожидают своей публикации и научного описания. Так, дневник путешествия в Туву П. Е. Островских в 1897 г. предположительно хранится в Этнологическом музее Берлина. Там же хранятся переданные им тоджинская берестяная люлька, шаманский амулет, приобретённые им на р. Улуг-Хем и иные шаманские принадлежности. Неопубликованными остаются 160 страниц «Дневника об экспедиции в Засаянский край с целью изучения урянхов-сойотов» Ф. Я. Кона. Они посвящены описанию дороги от Минусинска до р. Хемчик, рассмотрению пограничных вопросов и спорных в то время территорий³. Тщательного исследования требуют иллюстрации талантливой художницы О. Ф. Амосовой-Бунак, участницы первой комплексной Танну-Тувинской экспедиции. Она выполнила зарисовки сторон традиционного быта тувинцев в 1926 г. в ходе указанной экспедиции⁴. За пределами внимания исследователей оказались и артефакты мате-

³ РГАСПИ, ф. 135, оп. 2, д. 2, 310 л.

⁴ Отдельные рисунки О. Ф. Амосовой-Бунак, выполненные ею в 1926 г., включены в монографию С. И. Вайнштейна «Мир кочевников Центра Азии». Кроме этих рисунков, на основе оригинальных эскизов художницы в 1927 г. был осуществлен выпуск марок этнографической серии с использованием изображения украшений, одежды и домашней утвари тувинцев.

риальной и духовной культуры тувинцев в музеях Монголии⁵ и Китая. Эти и другие источники по этнографии тувинцев ожидают своего исследователя.

Большой толчок для расширения тувиноведческих исследований дало вхождение Тувы в состав Советского государства в 1944 г. Этнографическое изучение Тувы и тувинцев продолжилось московскими и ленинградскими учёными. После создания в середине XX в. первого в Туве научно-исследовательского учреждения как центра социогуманитарного знания – ТНИИЯЛИ – его сотрудниками была начата кропотливая работа по накоплению источников по истории, этнографии, археологии Тувы, тувинскому языку и фольклору путем сбора экспедиционных материалов, рукописей, документов делопроизводства, фотографий и др.

Источниковедческий анализ собранных за предыдущие столетия этнографических материалов необходим для установления достоверности содержащихся в них сведений, для оценки вклада исследовательской и собирательской деятельности тех, кто в разные периоды способствовал накоплению сведений о тувинцах и об их культуре. Особенно важно ведение их в широкий научный оборот – ознакомление научному сообществу и всем интересующимся традиционной культурой тувинцев.

Историографо-источниковедческое направление в этнологическом тувиноведении было начато С.И. Вайнштейном. Занимаясь изучением быта и культуры тувинцев в полевых условиях, он параллельно выявлял, изучал, описывал источники по тувинской этнографии, хранящиеся в различных научных учреждениях страны и Зарубежья. Имеются как обзорные его публикации [Вайнштейн 1968 а, 1975], так и работы, посвященные исследованиям и рукописям отдельных исследователей [Вайнштейн 1968 б]. Специальное исследование вопроса об истории этнографического изучения тувинцев, источниковедческом потенциале фондов научных организаций России и Зарубежья, о типах источников, репрезентирующих тувинскую традиционность, с XXI в. начато автором данной статьи. Предварительные результаты представлены в работах [Иргит 2008, 2010, 2023], в которых рассмотрены отдельные аспекты данной обширной тематики.

Трудов, непосредственно освещающих материалы фондов Научного архива института, насчитывается несколько. Одной из первых является небольшая публикация М. С. Маадыр о «Рукописях и коллекции ТНИИЯЛИ» [Маадыр 1996]. Более тщательное исследование всех фондов провел В. С. Салчак. В трех статьях – «Из истории научного архива ТИГПИ» [Салчак 2018], «История формирования фондов научного архива ТИГПИ»

⁵ О коллекциях в музеях Монголии имеются соответствующие публикации [Дыртык-оол А. О. Тувинская этнография в музеях России и Монголии (к историографии проблемы). [Электронный ресурс] URL: <https://wmw-magazine.ru/sci/15553.php> (дата обращения: 15.04.2024)].

[Салчак 2019], «История становления рукописного фонда – научного архива ТНИИЯЛИ-ТИГПИ» [Салчак 2023] – учёный, опираясь на архивные источники, раскрыл историю формирования фондов архива института, дал информацию о сотрудниках, которые активно собирали сведения, о руководителях архива, охарактеризовал укомплектованность 10 фондов. В другой работе «О материалах по буддизму в фондах Научного архива ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва» С. В. Салчак представил описание источников, связанных с буддизмом и хранящихся в семи фондах Научного архива института. Автор выделил такие материалы, как исторические воспоминания, фольклорные произведения, буддийские сутры, исторические документы, сведения о буддийских хурээ и тувинских ламах, полевые материалы ученых, фоно-, видеозаписи, фотографии знатоков народных обычаев, тексты традиционной восточной медицины на тибетском, монгольском языках и т.д. Им же введены в научный оборот сведения об информантах, переводчиках, собирателях буддийского фонда [Салчак 2023].

Отметим статью С. А. Хумбун о «Коллекциях рукописей и ксилографов на старомонгольском языке в рукописном фонде Научного архива ТИГПИ» (2024). В ней исследовательница проанализировала состояние коллекций рукописей и ксилографов на старописьменном монгольском и тибетском языках. Она приходит к выводу о том, что единицы хранения буддийских рукописей и ксилографов требуют дополнительной систематической обработки. Автор акцентировала внимание на проблеме хранения, сохранения и изучения памятников письменности, независимо от языка написания [Хумбун 2024].

В 2024 г. Калмыцким Научным центром Российской академии наук был издан «Каталог буддийских рукописей и ксилографов на тибетском и монгольском языках Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ)». В труде описываются тексты рукописей и ксилографов на указанных языках. Издание каталога стало результатом совместной деятельности двух отмеченных научных организаций и значимо для современного научного сообщества тибетологов, монголоведов и для исследователей буддизма и буддийского культурного наследия.

Анализ публикаций показывает, что они посвящены общему обзору материалов фондов Научного архива института, их становлению и комплектованию. Наиболее изученными являются материалы по буддизму. Отсутствуют публикации, рассматривающих источниковедческие возможности архива для этнологических исследований.

Цель статьи – изучение источников по этнографии тувинцев, хранящихся в научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных

социально-экономических исследований. Руководствуясь основами источниковедческого анализа [Источниковедение 1998; Поляков 2016] для установления репрезентативности источников архива нами сформулированы задачи: 1) определить типологическое разнообразие источников архива; 2) охарактеризовать тематическое содержание, датировку возникновения источников, причины создания. Эти две задачи составляют внешнюю критику, связанную с установлением подлинности материалов. Научная новизна данного исследования заключается в осуществлении обзорного анализа источников в фондах архива института и их типологизация, а также определение потенциала архивных материалов, которые могут быть привлечены именно для этнологических изысканий. Для раскрытия типологического разнообразия массива источников, мы частично включили малоизвестные материалы и иллюстрации рукописного фонда, представили фотографию широко не распространённого материального артефакта из этнографического (вещественного) фонда.

Внутренняя критика как часть источниковедческого анализа документов направлена на изучение их содержания для установления соответствия описываемых сведений или изображаемых в источниках историко-культурных явлений, фактов и событий с реальной культурно-исторической действительностью. Она не входит в задачи данного исследования, будет нами представлена в последующих отдельных статьях. Подчеркнём, что в рамках данной публикации перед нами не решается задача детального изучения биографии, всей деятельности исследователей или собирателей.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили рукописные, визуальные документы и вещественные артефакты научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

В статье применены метод актуализации для определения ценности собранных в архиве института источников для развития тувиноведения в современности и в будущем, метод логического анализа для раскрытия особенностей изученных документов. Кроме этого, использован метод «крупного плана», предполагающий погружение в эпоху возникновения источников через призму видения его «авторов» для понимания причин и обстоятельств их создания. Использованы источниковедческие методы – анализ, синтез, интерпретация – для получения совокупности данных об источниках и понимания их как в контексте отношения к состоянию тувинской культуры, так и реальной зависимости их создания в определенную историческую эпоху.

От Рукописного фонда до Научного архива

Вхождение Тувы в состав СССР и РСФСР в 1944 г. дало положительный импульс для планомерного и быстрого развития тувиноведения. Значительным событием стало создание в 1945 г. Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) на основе существовавшего с 1930 г. Ученого комитета. Он стал научно-организационной базой для расширения социогуманитарных тувиноведческих исследований. Изучение этнографии тувинцев в структуре ТНИИЯЛИ (ТИГИ, ТИГПИ) началось уже в год формирования института в 1945 г.⁶, когда был создан сектор истории и этнографии, что свидетельствовало о глубоком понимании роли данной научной дисциплины основоположниками тувинской науки. Первым профессиональным этнографом в стенах института стал Л. В. Гребнев – выпускник этнографического отделения Восточного факультета Ленинградского государственного университета по специальности «этнограф-тюрколог». Он возглавил работу сектора в 1950 г. Прерогативным направлением работы сектора была история Тувы, охватывавшая разные временные периоды. Все исторические исследования, вплоть до такого фундаментального труда, как «История Тувы» в 2-х томах (1964 г.) осуществлялись сотрудниками сектора истории и этнографии с привлечением московских, ленинградских, иркутских и других ученых. [Донгак 2025, с. 60]. Так, уже в 1956 г. Л.В. Гребневым была защищена кандидатская диссертация на тему «Произведения тувинского героического эпоса (опыт историко-этнографического исследования)». На её основе была издана книга «Тувинский героический эпос» [Гребнев 1960].

Важнейшими направлениями деятельности сектора длительное время являлись организация историко-культурных, археологических и этнографических исследований (экспедиционных и камеральных), собирание и изучение памятников материальной и духовной культуры тувинского народа и других народов, населяющих республику. Кроме этого изучались письменные документы, относящиеся к тувинской проблематике и хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах, музеях и библиотеках; обобщение и критический анализ источников по истории Тувы. Сотрудники сектора совместно с другими исследователями института продолжили начатую в первой половине 1930-х гг. важную работу Ученого комитета Тувы по сбору

⁶ Первоначально в ТНИИЯЛИ было образовано три сектора. Кроме сектора истории и этнографии, были созданы сектор языка и письменности, фольклора и литературы. Первый занимался изучением особенностей тувинского языка, его возглавлял ученый-тюрколог А.А. Пальмбах. В задачу сектора фольклора и литературы входило собирание, систематизация, исследование и публикация произведений фольклора тувинцев. Его возглавил тувинский писатель С.А. Сарыг-оол.

фольклорных текстов, этнографических материалов, воспоминаний участников исторических событий; они записывали у знатоков-старожилов Тувы данные о бытовании традиционной тувинской культуры [Моллеров, Самдан 2022, с. 12]. В ходе собирательской работы института (научных командировок, археологических, этнографических, фольклорных, диалектологических экспедиций сотрудников, их переписки с информаторами) с 1950-х гг. в структуре его библиотеки начал формироваться Рукописный фонд [Салчак 2025, с. 335]. Первой заведующей фонда стала В. А. Забелина. В 2011 г. Рукописный фонд был преобразован в Научный архив ТИГИ⁷ с тремя штатными сотрудниками.

К началу XXI в. в Научном архиве института хранятся более 14 тыс. единиц в 10 отдельных фондах. К ним относятся:

- 1) Рукописный фонд, состоящий из 7205 ед. хр.;
- 2) фольклорный фонд с 1345 ед. хр.; 3) книжный фонд, в котором имеется 3226 ед. хр.;
- 3) книжный фонд, в котором имеется 3226 ед. хр.;
- 4) фонд фонозаписей (со старыми 894 магнитными лентами) – более 1000 оцифрованных усл. ед. хр.;
- 5) фонд фотографий с 1474 ед. хр. на бумажной основе и более 7000 ед. хр. в электронном формате;
- 6) фонд этнографических материалов, в котором числится 101 ед. хр.;
- 7) фонд видеозаписей с 101 ед. хр.; 8) фонд картин и портретов ученых-тувиноведов – 22 ед. хр.;
- 8) фонд картин и портретов ученых-тувиноведов – 22 ед. хр.;
- 9) картографический фонд с 10 ед. хр. на бумажной основе и 70 ед. хр. в электронном виде;
- 10) фонд личных дел – 384 ед. хр.

В настоящее время сотрудники продолжают переводить письменные источники рукописного и фольклорного фондов, фонда фотографий Научного архива на цифровые носители, обновляют электронные каталоги, составляют электронные указатели фольклора по жанрам, а также по районам республики. Материалы фольклорного фонда и фонда фонозаписей большей частью оцифрованы [Салчак 2018; Салчак 2023, с. 78-79]. Фонды Научного архива продолжают пополняться рукописями экспедиционных

⁷ В 1996 г. Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) был переименован в Тувинский институт гуманитарных исследований (ТИГИ), а в 2015 г. – в Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ), с 2018 г. становится ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва.

материалов сотрудников, новыми печатными изданиями и вещественными артефактами.

Письменные источники

Исходя из способа отражения этнокультурной действительности [Иргит 2010, с. 164], источники научного архива института типологически нами разделены на письменные, вещественные, аудиозаписи, визуальные, устные. На основе данного разнообразия выстроим наше изложение.

Самыми многочисленными из них являются письменные источники, которые целенаправленно созданы в ходе научных исследований либо их возникновение было вне сферы профессиональной науки, но содержат ценную социокультурную информацию. Среди нарративных источников отметим работы исследователей Тувы конца XIX – начала XX вв. К ним относятся «Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и ...» (1900) Е. К. Яковлева⁸, «Западная Монголия и Урянхайский край» в двух томах Г. Е. Грумм-Гржимайло⁹, рукопись отчета А. А. Турчанинова¹⁰ за 1915 и 1916 гг., изданный только в 2009 г. [Турчанинов 2009]. Следует отметить, что не во всех документах указано время их поступления в архив и сведения, от кого были получены. К примеру, уже известный труд Е. К. Яковлева «Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и ...» (1900) в 49 листах поступил в Рукописный отдел института в 1969 г. без указания имени сдавшего. В книжном фонде хранятся иные малодоступные труды исследователей Тувы, вышедшие в начале прошлого столетия.

Ценность представляют рукописи полевых материалов о явлениях тувинской культуры научных сотрудников института, собранные ими на основе личных наблюдений, интервьюирования и опроса старожил в результате командировок и экспедиций в районы Тувы. Среди них отметим: историко-этнографический материал, собранный в Чаа-Хольском районе в 1958 г. в количестве 7 тетрадей Л. В. Гребневым¹¹ и другими; материалы по истории, хозяйству и этнографии Тоджинского кожууна¹² в 176 листах, собранные экспедицией института 1955 г.; полевые материалы С. Ч. Донгак¹³ по скотоводству тувинцев, собранные ею в 1980-х гг., представлены на тувин-

⁸ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 321. 49 л.

⁹ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 399.

¹⁰ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 8. 270 л. и 274 л.
НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 8.

¹¹ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 180.

¹² НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 279. 176 л.

¹³ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 51. 32 л.; д. 46. 31 л.

ском языке; этнографические материалы, собранные А. К. Кужугет¹⁴ в 1987 г.; отчет этнографической экспедиции ТНИИЯЛИ¹⁵ 1966 г. под руководством С. М. Биче-оол; этнографические материалы¹⁶, собранные З. К. Кыргыс в 1976 г. в Дзун-Хемчикском районе и др.

Имеются отчеты поездок и экспедиций столичных исследователей. К примеру, отчет командировки Н. А. Косман¹⁷ 1948 г. в Баруун-Хемчикский, Дзун-Хемчикский и Бай-Тайгинский районы. Интерес вызывают 36 зарисовок тувинских народных орнаментов и комментарии к ним. Безусловно, сведения в нём отрывочны и неполны. Однако их ценность в том, что исследовательница срисовала образцы орнамента тепсе с седел тувинских всадников во время короткой остановки поездки по Туве в конце 1940-х гг. Ею же зафиксированы образцы орнаментов на деревянных ведрах, на кисетах и на воротниках одежды тувинцев из указанных районов Тувы. Кроме этого, в архиве хранятся полевые материалы по этнографии тувинцев Л. П. Потапова¹⁸ за 1959 г., сведения о тувинских шахматах П. И. Каралькина, собранные им в 1959 г.¹⁹.

Особый интерес у нас вызвали рукописи отчетов Совместной тувинской историко-культурной экспедиции²⁰. В июле-августе 1983 г. экспедиция охватила Улуг-Хемский район (п. Старый Чаа-Холь, Кара-Тал и Эйлиг-Хем). В её составе было 12 человек (В. П. Дьяконова, А. Ч. Ашак-оол, Е. Д. Дажы-оол, З. Н. Дамба, Г. А. Забелина, О. А. Кременчук, Т. Ф. Кабелькова, И. А. Макарова, Н. М. Моллеров, У. Чамзырын, В. Шкурко, М. Филатов). В собранных материалах данной экспедиции имеются сведения о свадьбе, о женских украшениях (дневник Л. Ш. Сат), о земледелии, обрядах, каналах, перекочевках и др. (записи А. Ч. Ашак-оол), о хозяйстве, хозяйственных постройках – *инек кажазы*, *хаван кажазы* и др., об охоте и связанных с ней запретах и обрядах, о культе медведя и об особенностях охоты на него «*аглаар*», рыся др., (дневник Т. А. Куоковой), о временах года и названиях месяцев, об *оваа*, обряде *саска*, об освящении огня, сведения о *хурээ найыры*, о растениях и их полезных свойствах, о юрте и его внутреннем убранстве (записи Т. Ф. Кабельковой). Все эти записи участников данной экспедиции требуют детального изучения.

¹⁴ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 333. 25 л.; д. 735. 13 л.

¹⁵ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 328. 14 л.

¹⁶ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 579. 34 л.

¹⁷ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 13. 30 л.

¹⁸ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 340. 16 л.

¹⁹ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 401. 9 л.

²⁰ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 905. Черновики и чистовики СТИКЭ.

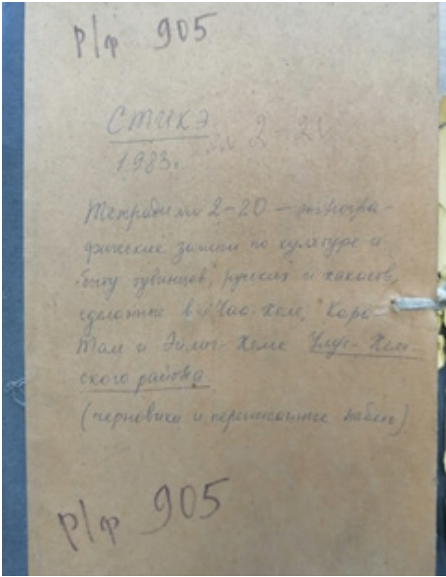

Рис. 1. Дело с материалами Совместной тувинской историко-культурной экспедиции 1983 г.
в Рукописном фонде архива ТИГПИ

Рис. 2. Тетради отчетов Совместной тувинской историко-культурной экспедиции 1983 г. в
Рукописном фонде архива ТИГПИ

Крайне интересный источник – воспоминания – содержащий очень важную, но требующую тщательной проверки информацию об этнической и социокультурной среде автора. Среди них отметим воспоминания О. О.

Полат о традициях и укладе жизни тувинцев на тувинском языке²¹, Очура Балчима и Донгак Окаанчика о религиозных праздниках²², воспоминания аратов Овюрского кожууна, записанные Ю. Л. Аранчын²³, сведения О. Ч. Люндуп о ламской церкви в Туве²⁴ и др. Кропотливой собирательской деятельностью занимался О. К. Дарыма. По воспоминаниям он составлял небольшие оттиски, среди которых имеются и с этнографическими данными – о шаманских поминках после 49 суток умершего²⁵, о тувинской народной медицине²⁶, о лекарственных растениях, использовавшихся тувинцами²⁷. Они отрывочны, требуют уточнения и дополнения из других источников.

Рис. 3. Оттиски с воспоминаниями информантов из Рукописного фонда архива ТИГПИ

В архиве хранятся материалы, которые мы бы отнесли к делопроизводственной документации. Данные в них касаются обследования хозяйства в Туве. С 1930-х гг. в Тувинской Народной Республике начинается экономическое обследования, изучение хошунов, сумонов и их хозяйств. Так, в отчете 1930 г. представлены результаты подобного обследования, где хозяйства в Туве разделены на три группы: хозяйства кочевых скотоводов, занимающихся земледелием, хозяйства южных районов, не занимающихся земледелием и ламские хозяйства. В данном отчете предпринята попытка установления рыночной стоимости скота при продаже и покупке, продукции скотоводства. Кроме этого, дана характеристика обследуемых хозяйств с указанием

²¹ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 50. 55 л.

²² НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 299. 9 л.

²³ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 423. 40 л.

²⁴ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 596. 97 л.

²⁵ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 896. 17 л.

²⁶ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 321. 49 л.

²⁷ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 276. 9 л.

состава семьи, найма рабочей силы, сведения о постройках и инвентаре, о кредитных отношениях²⁸. Подобных документов в рукописном фонде достаточно много²⁹. Они привлекаются для изучения традиционной хозяйственной деятельности тувинцев, её трансформации в советское время. Особенно значимы статистические данные о хозяйствах для сравнения их состояния и динамики, в целом экономического развития Тувы в XIX и в XX вв.

Особняком среди рукописей стоят сценарии фильмов как прообразы будущего визуального источника – этнографического кино. Отметим сценарий хронико-документального фильма «Цветущая Тува» («Страна голубой реки») Ф. Киселева³⁰, написанный на тувинском и русском языках. Он датирован 1941 г. и доступен к просмотру в ресурсах Интернета. Хронометраж фильма составляет чуть более 46 минут. Из архива А. А. Пальмбаха в фонды научного архива института в 1957 г. поступили сценарии художественно-этнографических фильмов «В долине голубой реки»³¹ и «Великий порог»³². В них в текстовом или визуальном виде наряду с историческими событиями первой трети XX в. представлены описания тувинской культуры. И потому они вполне могут выступить этнографическим источником.

Источником по изучению тематики «Лица тувинской этнологии» являются личные дела учёных-этнографов, работавших в институте в разное время. В архиве имеются дела С. И. Вайнштейна³³, Л. В. Гребнева³⁴, Н. А. Сердобова³⁵, В. П. Дьяконовой³⁶, С. М. Биче-оол³⁷, М. В. Монгуш³⁸ и др. Так, данные из личного дела В. П. Дьяконовой скудны, всего 4 листа. Личный листок по учёту кадров учёной датирован 25 августа 1983 г. Имеется два приказа о принятии её старшим научным сотрудником: первый датирован 1 июля 1986 г. без указания конечного срока, и второй – на период со 2 июля по 30 сентября 1987 г. Остальные сведения можно найти в других источниках. Отметим, что к тому времени она уже была опытной учёной с 34-летним стажем научной работы. С 1950-х гг. начался этап её многолетних экспедиционных исследований в Туве, когда она провела более 30 этнографических

²⁸ НА ТИГПИ. Р.Ф. Д. 49. 13 л.

²⁹ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 55; д. 113. 213 л.; д. 142. 175 л.

³⁰ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 3. 132 л.

³¹ НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 506. 23 л.

³² НА ТИГПИ. Р.Ф. д. 691. 11 л.

³³ НА ТИГПИ, оп. 1, инв. 2. Личные дела, 3. С. 10-25.

³⁴ НА ТИГПИ, оп. 1, инв. 4. Личные дела, п/п 9. С. 47-79.

³⁵ НА ТИГПИ, оп. 1, инв. 11. Личные дела, п/п 4. С. 92-131.

³⁶ НА ТИГПИ, оп. 1, инв. 17. Личные дела, п/п 8. С. 96-99.

³⁷ НА ТИГПИ, оп. 1, инв. 11. Личные дела, 3. С. 14-46.

³⁸ НА ТИГПИ, оп. 1, инв. 10. Личные дела, п/п 6. С. 28-42.

и археологических экспедиций [Дьяконова 2007, с. 7]. Думается, что упомянутые два приказа о зачислении в штат института были связаны с её работой в качестве руководителя Совместной историко-культурной экспедиции (1986-1988 гг.). Она стала, как отмечала сама учёная, завершением регулярных экспедиций по Туве [Дьяконова 2007, с. 11].

Личный листок по учету кадров

Фамилия: Вайнштейн
 Имя: Савва Отчество: Сергеевна
 Пол: Жен. Год и м.м. рождения: 1930 г. г. Москва
 а) по состоянию на и по адресу, где проживает

б) Год поступления в институт и по адресу, где проживает

в) Год окончания института и по адресу, где проживает

г) Год окончания института и по адресу, где проживает

д) Год окончания института и по адресу, где проживает

е) Год окончания института и по адресу, где проживает

ж) Год окончания института и по адресу, где проживает

з) Год окончания института и по адресу, где проживает

и) Год окончания института и по адресу, где проживает

к) Год окончания института и по адресу, где проживает

л) Год окончания института и по адресу, где проживает

м) Год окончания института и по адресу, где проживает

н) Год окончания института и по адресу, где проживает

о) Год окончания института и по адресу, где проживает

п) Год окончания института и по адресу, где проживает

р) Год окончания института и по адресу, где проживает

с) Год окончания института и по адресу, где проживает

т) Год окончания института и по адресу, где проживает

у) Год окончания института и по адресу, где проживает

ф) Год окончания института и по адресу, где проживает

х) Год окончания института и по адресу, где проживает

ц) Год окончания института и по адресу, где проживает

ч) Год окончания института и по адресу, где проживает

ш) Год окончания института и по адресу, где проживает

щ) Год окончания института и по адресу, где проживает

ъ) Год окончания института и по адресу, где проживает

ы) Год окончания института и по адресу, где проживает

э) Год окончания института и по адресу, где проживает

ю) Год окончания института и по адресу, где проживает

я) Год окончания института и по адресу, где проживает

Рис. 4. Фрагмент личного дела тувиноведа С. И. Вайнштейна

Таким образом, самыми репрезентативными среди разных типов источников научного архива института являются письменные источники. Нами выявлены следующие их виды: рукописи (диссертаций сотрудников, воспоминаний, отчеты и дневники экспедиций института), делопроизводственная документация (отчеты экономического обследования Тувы, начиная с 1930-х гг., различные приказы органов власти, личные дела сотрудников), нарративные источники (труды политссыльных, чиновников, исследователей-энтузиастов, посетивших Туву на рубеже XIX–XX вв.), воспоминания старожилов Тувы, записанные сотрудниками института, сценарии фильмов, которые являются прообразами визуального источника – этнографического кино. Они появились в результате целенаправленной деятельности – экспедиций и командировок, экономического обследования Тувы, составления официальных документов, либо их возникновение было вне сферы профессиональной науки, но содержат ценную социокультурную информацию о культуре тувинцев. Эта группа источников чаще привлекаются в исследованиях

сотрудниками института или приезжими учёными. Нами выявлены малоизвестные и даже не введенные в научный оборот документы.

Фольклорные материалы

В этнологических исследованиях значение имеют и фольклорные материалы, которых причисляют к устным источникам, превращённым в фиксированные тексты. В фольклорном фонде института хранятся сказки, мифы, легенды, предания, *йөрээлы*-благопожелания, *макталы*, пословицы и поговорки, народные песни и частушки известных тувинских сказителей. Из «Отчета о работе ТНИИЯЛИ за 1965 г.» известно, что за предыдущие годы в секторе литературы и фольклора был накоплен большой фольклорный материал на основе слетов сказителей в 1953 г. и в 1962 г., в ходе научных командировок сотрудников сектора и фольклорных экспедиций в Бай-Тайгинский и Дзун-Хемчикский (1959 г.), Тес-Хемский и Тере-Хольский (1960 г.), Монгун-Тайгинский (1961 г.) и Чаа-Хольский (1963 г.) районы. В 1965 г. была начата работа по упорядочению материалов фольклорного фонда внештатным сотрудником И. У. Самбу. В этом же отчете подчеркнута необходимость дальнейшего установления строгого порядка сдачи собранных сведений в рукописный фонд научной библиотеки сотрудниками после их научной командировки и экспедиции³⁹. С 1960-х гг. в рукописный фонд научной библиотеки начинают поступать первые рукописи фольклорно-этнографических материалов тувинцев Баян-Ульгийского аймака Монголии, в 1990-х гг. – пословицы, поговорки и загадки Ценгельских тувинцев. Более детально о фольклорном фонде можно ознакомиться в публикации В. С. Салчак [Салчак 2018].

Таким образом, фольклорные материалы важны в этнологических исследованиях. В устном народном творчестве сохраняются свидетельства о социальном строе тувинцев, о чертах традиционной культуры – об охоте, об изготовлении домашней утвари или войлочных изделий, о религиозных верованиях, об обрядах перехода (свадьба, похороны). Фольклорные данные используются как источник для изучения этнических процессов и этнической истории тувинцев.

Вещественные источники

Вещественные источники в архиве института выделены в отдельный фонд этнографических материалов. Он начал формироваться с 1975 г. Данные электронного каталога показывают, что фонд состоит из материальных артефактов и фонозаписей. Общее количество коллекций – 101 единица. В каталоге фонда отмечено, откуда и от кого они получены, частично указано время поступления некоторых экспонатов. Тематически предметы относятся

³⁹ НА ТИГПИ. Ф. 1, оп. 1, д. 1234, л. 11-12. Отчет о работе ТНИИЯЛИ за 1965 г.

к музыкальному искусству (музыкальные инструменты *амырга*, *эдиски* от Ч. Чооду из Тес-Хемского кожууна, *бызаанчы* от О. Х. Тойбухаа из Тандинского района, *допиулуур* от М. Ч. Дакпая из Дзун-Хемчикского района; сданы в фонд З. К. Кыргыз и др.), *шаманизму* (бубен и костюм с головным убором из Мөңгун-Тайги, сдан А. К. Калзаном в 1976 г.; костюм шамана с головным убором, колотушкой и бубном из Бай-Тайги, сдан О. К. Дарыма в 1976 г.; Бубен с колотушкой из Баян-Тала, сдан в 1982 г. А. А. Аран) и т.д. Имеется в фонде деревянная табличка с тибетской письменностью, найденная летчиком В. А. Васильевым в Тере-Холе. В 1978 г. она была сдана в фонд Г. А. Забелиной. Большую часть собранных в фонде этнографических экспонатов составляют культовые предметы буддизма, к примеру, *коңга*, *дамбыра*, изображения божеств в металлических и деревянных рамках. Неизвестно, кем они были сданы. По сообщению В. С. Салчак, в настоящее время в этнографическом фонде архива института хранятся 55 предметов, имеющих отношение к буддизму [Салчак 2023, с. 91]. Кроме предметов, в данном фонде хранятся грампластинки 1934 г. с исполнением горлового пения Сорукту и Комбу, песен Комбу и Лакпа. Эти грампластинки могут быть охарактеризованы двояко: как вещественные (в настоящее время вышедшие из употребления) и звуковые источники.

Рис. 5. Шаманский костюм из этнографического фонда Научного архива ТИГПИ

Этнографический фонд архива института продолжает пополняться новыми предметами. На наш взгляд, необходимо провести детальную атрибуцию этнографических предметов с определением цвета, формы, размера, материала, техники исполнения и состояния артефактов. Следует устано-

вить их авторство, изучить историю бытования до поступления в архив и др. Процесс атрибуции этнографических предметов важен и ориентирован на их актуализацию в деятельности института и в социокультурном пространстве тувинского общества.

Визуальные источники

В Фонде фотоматериалов хранятся фотографии директоров ТНИИЯЛИ-ТИГИ в разные годы: известного писателя Л. Б. Чадамба, д.и.н. Н. А. Сердобова, д.и.н., академика общественных наук Ю. Л. Аранчына, к.ф.н. Ч. М. Доржу, к.и.н. В. Д. Март-оола, д.ф.н., академика РАН и РАЕН, Почётного профессора ТувГУ, Почетного доктора Института истории и археологии АН Монголии К. А. Бичелдея; ветеранов ТНИИЯЛИ и заслуженных деятелей науки Тув. АССР, РТ – историков: к.и.н. Х. М. Сейфулина, д.и.н. В. И. Дулова; археологов-этнографов д.и.н. Л. П. Потапова, д.и.н. С. И. Вайнштейна, к.и.н. А. Д. Грача, к.и.н. В. П. Дьяконовой, к.и.н. М. Х. Маннай-оола [Салчак 2018]. В архиве имеются также зарисовки, карты, фотографии экспедиций. К примеру, отчетные материалы Совместной тувинской историко-культурной экспедиции 1983 г.⁴⁰ содержат некоторые иллюстрации: зарисовку ниши с изображением бурханов на г. Бурхан-Сумэ, рисунки *шай-сога-ажы* (из. Стоянки Чинге-Алаак), ритуальных *сес-карак* и *тос-карак*, *хомуса*, хозяйственных построек *кажаа*, тувинского сундука *аптара*.

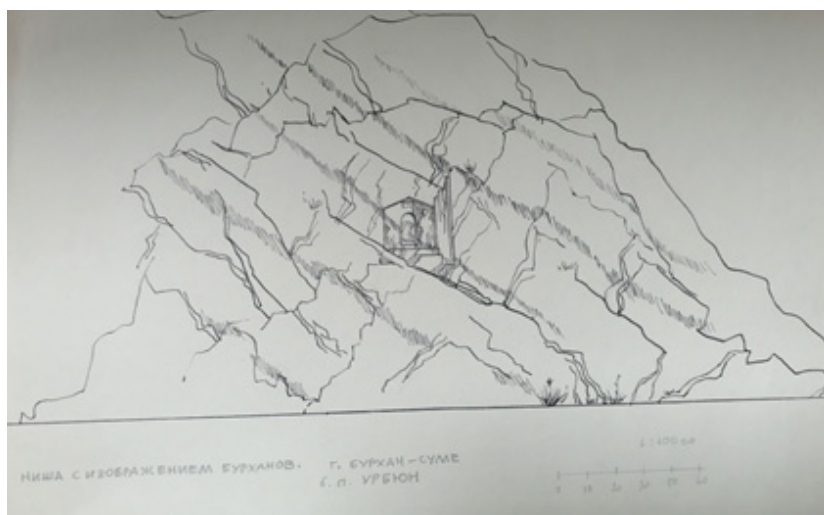

Рис. 6. Рисунок ниши с изображением бурханов на г. Бурхан-Сумэ из отчетных материалов Совместной тувинской историко-культурной экспедиции 1983 г.

⁴⁰ НА ТИГПИ. Р.Ф.. д. 905. Черновики и чистовики СТИКЭ.

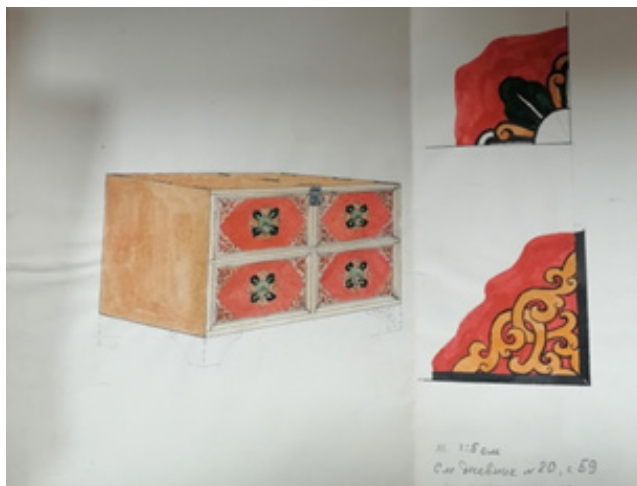

Рис. 7. Рисунок аптара с детализацией элементов орнамента из отчетных материалов Совместной тувинской историко-культурной экспедиции 1983 г.

Много интересного, возможно и не включенного в монографии могут выявить иллюстрации, выполненные С. И. Вайнштейном за всё время его полевых исследований в Туве: его рисунки с точным изображением этнографических предметов и 400 фотографий⁴¹.

Визуальные источники по этнографии тувинцев собирались в ходе полевых исследований, часто являлись иллюстративными дополнениями к материалам наблюдений, описаний предметов и явлений уходящей традиционной культуры. Полагаем, что визуальные этнографические источники фондов архива института в меньшей степени привлечены в исследованиях, в перспективе их необходимо проанализировать и ввести в научный дискурс.

Таким образом, фонды Научного архива института содержат типологически разные источники – письменные, вещественные, аудиозаписи, визуальные, устные. Более массивно и комплексно сведения (в виде письменных записей, рисунков и фотографий, аудиозаписей, этнографических предметов) собирались в ходе экспедиций. Датировка возникновения источников в фондах и время их создания разнятся. Бесспорно, большая их часть появились в архиве после создания института 1945 г., когда началось целенаправленное научное исследование истории, языка, культуры тувинцев. Причина, исторический контекст их создания заключается в стремлении сотрудников института зафиксировать этнографические, фольклорные и иные сведения

⁴¹ Собранный им этнографическая коллекция и часть фотоснимков хранятся в Национальном музее Республики Тыва, остальные фотоснимки находятся в фототеках Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (г. Кызыл) и в архиве Института антропологии и этнологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва).

у старожилов в условиях социалистических преобразований в Туве. Так, в записях отдельных оттисков с воспоминаниями обязательно указаны данные информантов – их полное имя, год место и рождения. На основе этого понимаем, что информанты родились в конце XIX или в начала XX вв., являлись живыми свидетелями традиционной культуры досоциалистической Тувы. Пополнение архива источниками с этнографическим содержанием связано с началом научного изучения истории и культуры тувинцев, сбором необходимых для исследования материалов. С одной стороны, когда пока еще оставались живыми старожилы прежней традиционной Тувы, воспоминания которых письменно фиксировались, а с другой стороны, сотрудники института совместно с московскими и ленинградскими учёными начали проводить комплексные экспедиции по изучению и сбору сведений об изменениях традиционного уклада жизни тувинцев в советское время.

Зафиксированные в источниках тематические аспекты традиционной культуры тувинцев, на наш взгляд, связаны, в том числе и с целями их создания. Так, с началом социалистических преобразований в тувинском обществе с 1930-х гг. осуществлялось экономическое обследование Тувинской Народной Республики Советским государством с последующим составлением отчетов о состоянии тувинских хозяйств. Эти отчеты с указанного времени и в последующие десятилетия дают информацию о трансформации промыслов, скотоводства и иных видов хозяйственной деятельности из-за перехода тувинцев к оседлости.

Неравномерно соотношение материалов по религиозным верованиям: больше всего материалов по буддизму (как вещественных, так и письменных). Полагаем, что для тематической конкретизации источников, которые могут быть привлечены в этнографических изысканиях, необходимо произвести детальный анализ их содержания. Как нами ранее было указано, внутренняя критика источников связана с изучением описываемых в них историко-культурных явлений, фактов и событий или аутентичность материальных объектов для установления соответствия с реальной социокультурной действительностью тувинского общества. Она является задачей будущих изысканий по определению степени достоверности, полноты, тенденциозности и субъективности источника.

Фонды научного архива института репрезентативны по типам этнографических источников, их использование в научных исследованиях правомерно. Однако исследователю необходимо провести кропотливую работу по поиску нужных для своей тематики сведений, вчитываясь в содержание каждого из них. К тому же в архиве имеются еще не введенные в научный оборот данные. К примеру, упомянутые нами материалы из «тетрадей» участников Совместной тувинской историко-культурной экспедиции 1983 и 1984

гг. Считаем, что для усиления репрезентативности и подлинности, содержащихся в источниках архива сведений, следует привлечь документы и иные типы источников из архивов российских и зарубежных научных организаций. Обращение к разным типам источников из иных организаций позволит расширить временные и пространственные рамки этнографического исследования, поместить архивные материалы в более широкий исторический и социальный контекст, дополнить и перепроверить их.

Заключение

С момента создания Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) в 1945 г. изучение этнографии тувинцев стало одним из основополагающих задач. У сотрудников института было понимание важности сбора, хранения, систематизации, описания источников для проведения историко-этнографических и иных исследований. На основе собирательской деятельности института в ходе научных командировок, и экспедиций сотрудников, интервьюирования информаторами с 1950-х гг. в его структуре начал формироваться Рукописный фонд, который спустя полвека стал Научным архивом.

К началу XXI в. в Научном архиве института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований хранятся типологически разные источники – письменные, вещественные, аудиозаписи, визуальные, устные. Больше всего по количеству представлены письменные источники, характеризующие видовым разнообразием. Они содержат социокультурную информацию с разной степенью полноты. Сотрудники института и других организаций республики, приезжие исследователи используют их чаще для этнологических исследований. Ценными являются фольклорные материалы, собранные в ходе слетов сказителей в 1953 г. и в 1962 г., научных командировок сотрудников районы Тувы. Вещественные и визуальные источники по этнографии тувинцев требуют подробной атрибуции, необходимо провести анализ их содержания с последующим введением в научный оборот.

Считаем, что в перспективе важно расширение и углубление источниковедческо-историографических исследований по этнографии тувинцев, хронологически охватив период вплоть до настоящего времени. Ретроспективное видение тувинской традиционной повседневности, отраженных в источниках прошлого, не только позволит понять развитие тувинской культуры, но может способствовать поиску в них ответов на актуальные вопросы современного тувинского общества, связанных с возрождением, сохранением и актуализацией культурного наследия этноса.

Литература:

1. Вайнштейн 1968 а – Вайнштейн, С. И. Краткая история этнографического изучения тувинцев // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 240-255.
2. Вайнштейн 1968 б – Вайнштейн, С. И. Феликс Яковлевич Кон как этнограф // Очерки истории русской этнографии, антропологии и фольклористики. М., 1968. С. 196-220.
3. Вайнштейн 1975 – Вайнштейн, С. И. Этнографическое изучение тувинцев (К 200-летию этнографических исследований в Туве) // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 17. Кызыл, 1975. С. 53-61.
4. Гребнев 1960 – Гребнев, Л. В. Тувинский героический эпос. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 148 с.
5. Донгак 2025 – Донгак, С. Ч. Этнографические исследования в ТНИИЯЛИ-ТИГИ-ТИГПИ // Ученые записки ТИГПИ. 2025. Вып. 27. С. 58-72.
6. Дьяконова 2007 – Дьяконова, В. П. Несколько слов о себе // История и современность Тувы. Сборник научных статей к 80-летию В. П. Дьяконовой. Кызыл: ГУП РТ «Тыва-полиграф», 2007. С. 7-12.
7. Иргит 2008 – Иргит, Ч. К. К истории этнографического изучения тувинцев // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: Материалы международной научной конференции XXV-е Дульзоновские чтения (26–29 июня 2008 г.). Томск: Издательство «Ветер», 2008. С. 59-63.
8. Иргит 2010 – Иргит, Ч. К. К вопросу о классификации этнографических источников // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центральной Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности. Часть II. Абакан: Хакаское книжное издательство, 2010. С. 162-165.
9. Иргит 2010 – Иргит, Ч. К. Становление этнографической науки в Туве // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 142-158.
10. Каталог 2024 – Каталог буддийских рукописей и ксилографов на тибетском и монгольском языках Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ). Элиста : КалмНЦ РАН, 2024. 518 с.
11. Маадыр 1996 – Маадыр, М. С. Рукописи и коллекция ТНИИЯЛИ // Тезисы научной конференции, посвященной 50-летию ТНИИЯЛИ 10 октября 1995 г. Кызыл, 1996. С. 60-61.
12. Источниковедение 1998 – Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие для гуманитарных специальностей / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 701 с.

13. Моллеров, Самдан 2022 – Моллеров, Н. В. Самдан, А. А. Вклад сектора истории ТНИИЯЛИ-ТИГИ-ТИГПИ в историческое тувиноведение // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 4. С. 8-22.
14. Поляков 2016 – Поляков, А. Н. Источниковедческий анализ: методические указания. Оренбург: ОГУ, 2016. 48 с.
15. Салчак 2018 – Салчак, В. С. Из истории научного архива ТИГПИ // Об институте. Научный архив. 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://tigpi.ru/nauchnyj-arhiv/> (дата обращения: 16.09.2024).
16. Салчак 2019 – Салчак, В. С. История формирования фондов научного архива ТИГПИ // Ученые записки ТИГПИ. 2019. Вып. 25. С. 421-437.
17. Салчак 2023 – Салчак, В. С. О материалах по буддизму в фондах Научного архива ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва // Азиатские исследования: история и современность. 2023. № 4 (8). С. 77-94. DOI: 27826139-2023-8-77-94.
18. Салчак 2025 – Салчак, В. С. История становления рукописного фонда – научного архива ТНИИЯЛИ-ТИГПИ // Ученые записки ТИГПИ 2025. Вып. 27. С. 334-357.
19. Турчанинов 2009 – Турчанинов, А. А. Урянхайский край в 1915 г. Кызыл: ТИГИ при Правительстве РТ, 2009. 424 с.
20. Хумбун 2024 – Хумбун, С. А. Коллекции рукописей и ксилографов на старомонгольском языке в рукописном фонде Научного архива ТИГПИ: проблемы сохранения и изучения // Ермолаевские чтения Материалы VII научно-практической конференции, посвященной 90-летию М. А. Дзвлет и М. Х. Маннай-оол, 95-летию А. Д. Грача в рамках Года педагога и наставника. Кызыл: ПрофЛидер, 2024. С. 234-239.

References:

1. Vajnshtejn, S. I. (1968 a) “Kratkaja istorija jetnograficheskogo izuchenija tuvincev” [A brief history of ethnographic study of Tuvans], Problemy antropologii i istoricheskoy jetnografii Azii, Moscow, Nauka, pp. 240–255. (In Russ.).
2. Vajnshtejn, S. I. (1968 b) “Feliks Jakovlevich Kon kak jetnograf” [Felix Yakovlevich Kohn as an ethnographer], Ocherki istorii russkoj jetnografii, antropologii i fol’kloristiki. Moscow, pp. 196–220. (In Russ.).
3. Vajnshtejn, S. I. (1975) “Jetnograficheskoe izuchenie tuvincev (K 200-letiju jetnograficheskikh issledovanij v Tuve)” [Ethnographic study of Tuvans (For the 200th anniversary of ethnographic research in Tuva)], Uchenye zapiski TNIIJaLI, iss. 17, Kyzyl, pp. 53–61. (In Russ.).
4. Grebnev, L. V. (1960) “Tuvinskij geroicheskij epos” [The Tuvan Heroic Epic], Moscow Izdatel’sтво vostochnoj literatury, 148 p. (In Russ.).

5. Dongak, S. Ch. (2025) “Etnograficheskie issledovaniya v TNIIYaLI-TIGI-TIGPI” [Ethnographic research in TNIIYALI-TIGI-TIGPI], *Uchenye zapiski TIGPI*, iss. 27, pp. 58-72. (In Russ.).
6. D'yakonova, V. P. (2007) “Neskol'ko slov o sebe” [A few words about yourself], *Istoriya i sovremennost' Tuvy. Sbornik nauchnyh statej k 80-letiyu V. P. D'yakonovoj*. Kyzyl, GUP RT «Tyva-poligraf», pp. 7-12. (In Russ.).
7. Irgit, Ch. K. (2008) “K istorii jetnograficheskogo izucheniya tuvincev” [On the History of Ethnographic Study of Tuvans], *Sravnitel'no-istoricheskoe i tipologicheskoe izuchenie jazykov i kul'tur: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii XXV-e Dul'zonovskie chteniya* (26–29 ijunya 2008 g.). Tomsk, Veter, pp. 59–63. (In Russ.).
8. Irgit, Ch. K. (2010 a) “K voprosu o klassifikacii etnograficheskikh istochnikov” [On the classification of ethnographic sources], *Tuvinskaya pis'mennost' i voprosy issledovaniya pis'mennostej i pis'mennyh pamyatnikov Rossii i Central'noj Azii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu tuvinskoj pis'mennosti*, vol. II. Abakan, Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 162-165. (In Russ.).
9. Irgit, Ch. K. (2010 b) “Stanovlenie jetnograficheskoy nauki v Tuve” [Formation of ethnographic science in Tuva], *Jetnograficheskoe obozrenie*, no 1, pp. 142–158. (In Russ.).
10. “Katalog buddiiskikh rukopisei i ksilografov na tibetskom i mongolskom yazikakh Tuvinskogo instituta gumanitarnikh i prikladnykh sotsialno-ekonomicheskikh issledovaniy (TIGPI)” [Catalog of Buddhist manuscripts and woodcuts in Tibetan and Mongolian languages of the Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research (TIGPI)] (2024). Elista : KalmNTs RAN, 518 p. (In Russ.).
11. Maadyr, M. S. (1996) “Rukopisi i kollekcija TNIIYaLI” [The manuscripts and collection of TNIIYALI], *Tezisy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu TNIIYaLI*. Kyzyl, pp. 60-61. (In Russ.).
12. “Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii: uchebnoe posobie dlya gumanitarnykh special'nostej” [Source studies: Theory. History. Method. Sources of Russian History: a textbook for humanitarian specialties] (1998) ed. by I. N. Danilevskij, V. V. Kabanov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumyanceva. Moscow, RGGU, 701 p. (In Russ.).
13. Mollerov, N. V., Samdan, A. A. (2022) “Vklad sektora istorii TNIIYaLI-TIGI-TIGPI v istoricheskoe tuvinoovedenie” [Contribution of the History sector of TNIIYALI-TIGI-TIGPI to historical Tuvan studies], *Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost'*, no. 4. pp. 8-22. (In Russ.).

14. Polyakov, A. N. (2016) “Istochnikovedcheskij analiz: metodicheskie ukazaniya” [Source analysis: methodological guidelines], Orenburg, OGU, 48 p. (In Russ.).
15. Salchak, V. S. (2018) “Iz istorii nauchnogo arhiva TIGPI” [From the history of the scientific archive of TIGPI], Ob institute. Nauchnyj arhiv. 2018. [online] Available at: <https://tigpi.ru/nauchnyj-arhiv/> (Accessed 16 September 2024). (In Russ.).
16. Salchak, V. S. (2019) “Istoriya formirovaniya fondov nauchnogo arhiva TIGPI” [The history of formation of the scientific archive funds of TIGPI], in Uchenye zapiski TIGPI, vol. 25, Kyzyl, p. 421-437. (In Russ.).
17. Salchak, V. S. (2023) “O materialah po buddizmu v fondah Nauchnogo arhiva TIGPI pri Pravitel'stve Respubliki Tyva” [About materials on Buddhism in the funds of the Scientific Archive of the TIGPI under the Government of the Republic of Tuva], Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost', no. 4 (8), pp. 77-94. (In Russ.).
18. Salchak, V. S. (2025) “Istoriya stanovleniya rukopisnogo fonda – nauchnogo arhiva TNIIYALI-TIGPI” [The history of the formation of the manuscript fund – scientific archive of TNIIYALI-TIGPI], Uchenye zapiski TIGPI, iss. 27, pp. 334-357. (In Russ.).
19. Turchaninov, A. A. (2009) “Uryanhajskij kraj v 1915 g.” [Uriankhai region in 1915], Kyzyl, TIGI pri Pravitel'stve RT, 424 p. (In Russ.).
20. Khumbun, S. A. (2024) “Kollektsii rukopisei i ksilografov na staromongolskom yazike v rukopisnom fonde Nauchnogo arkhiva TIGPI: problemi sokhraneniya i izucheniya” [Collections of manuscripts and woodcuts in Old Mongolian in the manuscript fund of the TIGPI Scientific Archive: problems of preservation and study], Yermolaevskie chteniya. Materiali VII nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu M. A. Devlet i M. Kh. Mannai-ool, 95-letiyu A. D. Gracha v ramkakh Goda pedagoga i nastavnika. Kizil, ProfLider, pp. 234-239. (In Russ.).

Информация об авторе:

Чодураа К. Иргит, кандидат исторических наук, главный специалист сектора этнографии, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва; г. Кызыл, Россия; 667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, 4.

e-mail: choirgit84@yandex.ru

РИИЦ Author ID: 593069

Information about the author:

Choduraa K. Irgit, Cand. of Sci. (History), Candidate of Historical Sciences, Chief Specialist of the Ethnography Sector, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4, Kochetova str., Kyzyl, Russia, 66700, the Republic of Tuva, Russia.

e-mail: choirgit84@yandex.ru

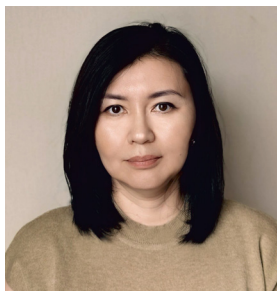
ORCID: 0000-0002-0268-6646

© Иргум Ч. К., 2025

ПЕРСОНАЛИИ

УДК-332.1

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ВКЛАД ПАВЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ШАХУНОВОЙ В ИЗУЧЕНИЕ ЭКОНОМИКИ ТУВЫ (1950-1970-е гг.)

Рада. П. Ширинен

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, руководитель Центра экономических исследований и организации образовательного процесса, Кызыл, Республика Тыва, Россия, r.shirinen@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения и анализа исторического наследия региональной экономической науки, а также понимания процессов институционализации научных исследований в Туве в период её интеграции в народно-хозяйственный комплекс СССР после добровольного вхождения в его состав в 1944 году. Изучение роли ключевых организаторов науки, таких как П.А. Шахунова, позволяет раскрыть механизмы формирования научной политики и её прямого влияния на социально-экономическое развитие региона. Целью статьи является анализ научно-организационной деятельности П.А. Шахуновой как основоположницы экономических исследований в Туве в 1950–1970-е годы. Автор анализирует, как Шахунова сыграла ключевую роль в создании нового экономического сектора в ТНИИЯЛИ в 1954 году, что заложило организационные основы для систематических исследований; анализ её фундаментальных научных трудов, таких как монография «Советская Тува», и их практической значимости для планирования регионального развития; изучение её активного участия в ключевых научно-практических мероприятиях, в частности, в Региональном совещании по развитию производительных сил Тувинской АО в 1958 году, где её экспертиза способствовала формированию научно обоснованных рекомендаций; а также определение непосредственного влияния её научных разработок на последующие государственные решения, отраженные в постановлениях Совета Министров РСФСР и СССР. На основе привлечения архивных материалов, публикаций Шахуновой и историографии автор приходит к выводу, что её многогранная деятельность заложила фундамент для систематического изучения экономики Тувы, также стала важным основоположником экономической модернизации в середине XX века.

Ключевые слова: экономические исследования Тувы, Павла Алексеевна Шахунова, ТНИИЯЛИ, сектор экономики, региональное развитие, производительные силы

Для цитирования: Ширинен Р. П. «Научно-организационный вклад Павлы Алексеевны Шахуновой в изучение экономики Тувы (1950–1970-е гг.)» // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 3 (15). С. 127–140. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-127-140

SCIENTIFIC AND ORGANIZATIONAL CONTRIBUTION OF PAVLA ALEKSEEVNA SHAKHUNOVA TO THE STUDY OF THE ECONOMY OF TUVA (1950s-1970s)

Rada P. Shirinen

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Head of the Center for Economic Research and Organization of the Educational Process, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, r.shirinen@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to preserve and analyze the historical heritage of regional economics, as well as to understand the processes of institutionalization of scientific research in Tuva during its integration into the national economic complex of the USSR after voluntarily joining it in 1944. Studying the role of key organizers of science, such as P.A. Shakhunova, allows us to reveal the mechanisms of formation of scientific policy and its direct impact on the socio-economic development of the region. The purpose of the article is to analyze the scientific and organizational activities of P.A. Shakhunova as the founder of economic research in Tuva in the 1950s and 1970s. The author analyzes how Shakhunova played a key role in the creation of a new economic sector in TNII in 1954, which laid the organizational foundations for systematic research; an analysis of her fundamental scientific works, such as the monograph “Soviet Tuva”, and their practical significance for planning regional development; the study of her active participation in key scientific and practical events, in particular, in the Regional Meeting on the Development of the Productive Forces of the Tuva Autonomous Region in 1958, where her expertise contributed to the formation of scientifically sound recommendations; as well as determining the direct impact of her scientific developments on subsequent government decisions reflected in the resolutions of the Council of Ministers of the RSFSR and the USSR. Based on the use of archival materials, Shakhunova’s own publications and historiography, the author concludes that her multifaceted work laid the foundation for a systematic study of the economy of Tuva, and also became an important founder of economic modernization in the middle of the 20th century.

Keywords: economic research of Tuva, Pavla Alekseevna Shakhunova, TNIIALI, economic sector, regional development, productive forces

For citation: Shirinen, R. P. "The scientific and organizational contribution of Pavel Alekseevna Shakhunova to the Study of the Economy of Tuva (1950s-1970s)" // Asian Studies: History and Modernity. 2025. no. 3 (15), p. 127–140. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-3-15-127-140

Введение

Вхождение Тувинской Народной Республики в состав СССР 11 октября 1944 года поставило задачу глубокого анализа её экономического потенциала для интеграции в общесоюзный народнохозяйственный комплекс. Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ), основанный в 1945 году и изначально ориентированный на гуманитарные дисциплины, к началу 1950-х годов столкнулся с необходимостью проведения исследований, непосредственно направленных на решение задач экономического строительства в Тувинской автономной области (с 1961 г. – АССР). Интеграция Тувинской Народной Республики в состав СССР в 1944 году ознаменовала начало периода масштабных социально-экономических преобразований, что обусловило потребность в формировании регионального научного сообщества, способного обеспечить теоретическое и практическое сопровождение процессов модернизации. В этой связи, изучение истории становления экономической науки в Туве приобретает особую актуальность. Настоящее исследование посвящено анализу научно-организационной деятельности Павлы Алексеевны Шахуновой, внесшей определяющий вклад в развитие экономических исследований в регионе. Целью статьи является комплексная реконструкция её деятельности, направленной на институционализацию экономической науки в Туве в 1950-1970-е годы. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ роли П.А. Шахуновой в создании и развитии экономического сектора в Тувинском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории; оценка практической значимости её научных трудов.

Источниковую базу исследования составил комплекс опубликованных и неопубликованных материалов. Ключевыми источниками стали научные труды самой П.А. Шахуновой, в первую очередь, фундаментальная монография «Советская Тува» (1955) и её переиздание на тувинском языке (1965), а также статьи в научных сборниках и участие в коллективных монографиях, таких как «Экономика Тувинской АССР» (1973). Особую ценность представляют материалы Регионального совещания по развитию производительных сил Тувинской АО (1958), в организации и работе которого она принимала непосредственное участие. Ценные биографические данные и оценки

её деятельности содержатся в архивных материалах и воспоминаниях современников, в частности, в работе Д.Л. Тинмей «Она жила Смольным, Кремлем и Тувой» (1991), а также в публикациях в региональной периодике. Важным пластом источников личного характера, раскрывающих человеческие качества Шахуновой, являются мемуарные очерки К.Д. Тас-оол и Н.С. Шац, а также публицистическая статья Ф. Малкиной, запечатлевшая образ «первой машинистки Смольного».

Что касается историографии, то вклад П.А. Шахуновой в развитие экономической науки Тувы до сих пор не становился предметом специального комплексного исследования. Отдельные аспекты её организационной работы нашли отражение в исторических очерках о ТНИИЯЛИ, например, в статье С.С. Сейфуллина (1957). Биографические справки представлены в издании «Почетные граждане города Кызыла» (2014). Таким образом, настоящая статья призвана восполнить существующий пробел, систематизировать разрозненные сведения и дать целостную оценку научно-организационной деятельности П.А. Шахуновой как основоположницы экономических исследований в Туве.

От Смольного до Тувы

Павла Алексеевна Шахунова родилась 7 февраля 1902г. в Ленинграде в семье дворника. Её детство и юность прошли в условиях тяжелой материальной нужды. С 8 до 11 лет она училась в начальной городской школе при заводе Сан-Галли, после чего, с одиннадцати лет, начала работать по найму. Несмотря на трудовую занятость, она стремилась к знаниям и в 1915–1916 гг. совмещала работу с учебой на вечерних курсах при Народном доме графини Паниной, где изучала арифметику и русский язык.

Решающим поворотом в её судьбе стали события 1917г. В возрасте пятнадцати лет, работая сборщиком книг и экспедитором газет, она оказалась в эпицентре революционных событий. Она лично участвовала в массовых демонстрациях, встречала В.И. Ленина на Финляндском вокзале в апреле 1917г. и слушала его выступления, в том числе во дворце Кшесинской. Этот опыт, полный революционного порыва, привел её в Смольный — штаб революции. Благодаря скромному умению печатать на пишущей машинке, она была принята на работу и стала первой машинисткой Совета Народных Комиссаров (Совнаркома).

Историки отмечают, что её первые шаги в делопроизводстве были отмечены неточностями, что свидетельствовало о юности и неопытности. Обучение её проходило без отрыва от производства, в процессе выполнения служебных обязанностей. Осознание всей глубины ответственности в круговороте военных событий пришло к ней в ту судьбоносную ночь, когда,

задержавшись на посту, она получила секретное донесение о наступлении Керенского на Петроград и лично вручила его Ленину. В 1918 году, следуя за правительством, она обосновалась в Москве, в стенах Кремля, где прожила двенадцать лет. Этот период стал временем её становления: от скромной машинистки до секретаря Председателя Совнаркома, пять лет проведя под чутким руководством Владимира Ильича Ленина. Её удостоверение № 762 было лишь формальным свидетельством службы в Управлении делами Совета Народных Комиссаров, но для неё оно стало пропуском в эпоху, где она была полноправным участником исторических событий.

Неутолимая жажда знаний определила ее дальнейший путь. Параллельно с работой она получала образование: в 1922г. окончила годич-

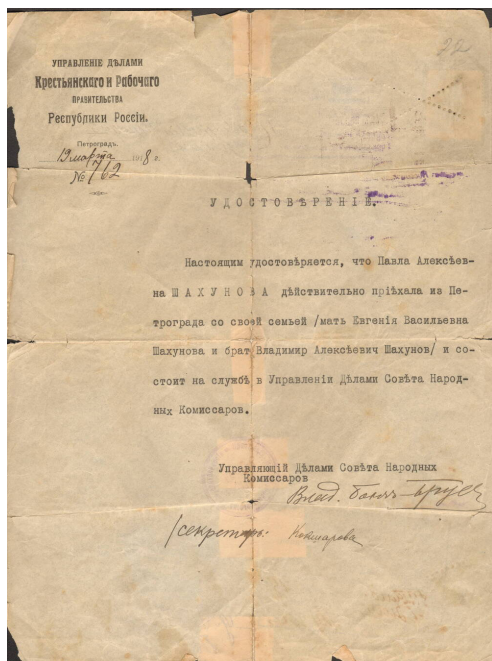

Фото 1. Удостоверение Шахуновой Павлы Алексеевны // СПБ ГБУК «Историко-мемориальный музей «Смольный»

ный курс партийного отделения Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, в 1925г. — дневной рабфак того же университета, а в 1937г. с отличием окончила географический факультет Московского педагогического института им. Ленина. Планировала поступить в аспирантуру, но Великая Отечественная война изменила расписание жизни. В 1942–1943 г., находясь в эвакуации в Новосибирске, она работала помощником первого секретаря областного комитета Всесоюзной коммунистической партии (больше-виков), курируя вопросы промышленности и культуры. После возвращения в Москву (1943–1947гг.) она стала заместителем начальника Управления

кадров Министерства просвещения РСФСР, где вложила огромные усилия в восстановление системы образования: учет и укрепление кадров, эвакуация педагогов, развитие сети школ и вузов. За этот труд она была удостоена знака «Отличник народного просвещения» (1943) и ордена «Знак Почета» (1944).

Но истинным призванием, делом всей оставшейся жизни, стала для нее Тува. С 1950 г. и на протяжении последующих 37 лет ее судьба была неразрывно связана с этим далёким и суровым краем, вошедшим в состав СССР в 1944 г. Она была командирована в Туву как сотрудник Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР для решения организационных вопросов Комплексной экспедиции АН СССР. Экспедиция, оснащенная по последнему слову техники — с аэропланом, грузовыми машинами и пятью специализированными отрядами (геологическим, транспортным, промышленным, сельскохозяйственным и экономическим), — стала для нее школой полевых исследований. В 1953 г. по наработанным ею в Туве материалам П.А. Шахунова защитила кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук. В 1958 г. ей было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника.

Становление экономических исследований в ТНИИЯЛИ: роль П.А. Шахуновой

В 1950 г. в Туву в рамках одной из экспедиций Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР прибыла экономист-географ Павла Алексеевна Шахунова. Системный анализ ресурсов и хозяйства региона, проведенный ею в ходе полевых исследований, лег в основу кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук, успешно защищенной в 1953 году [Шац, 2011].

Ключевым организационным достижением П.А. Шахуновой, одной из первых исследователей экономики Тувинской АССР, стала инициатива по созданию специализированного подразделения для экономических исследований в структуре ТНИИЯЛИ. В результате в 1954 г., спустя девять лет с момента основания, структура института была дополнена экономическим сектором из трёх штатных единиц, ориентированным на решение прикладных задач развития региона. Это позволило увеличить штат научных сотрудников института до 12 человек [Сейфуллин, 1957].

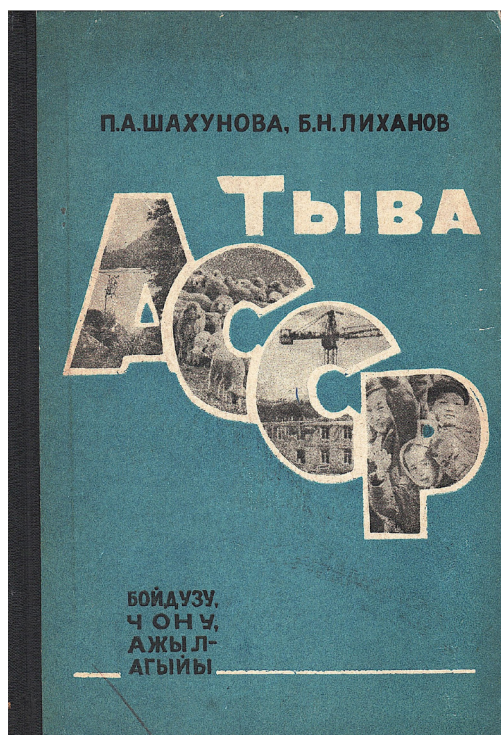
Научная деятельность и приоритеты сектора экономики (1950-1970-е гг.)

Создание экономического сектора в структуре ТНИИЯЛИ в 1954 году ознаменовало новый этап в развитии региональной науки, когда академические исследования стали неотъемлемой частью практического решения

задач социально-экономического развития Тувы. Деятельность сектора с момента основания носила выраженный прикладной характер, будучи строго ориентированной на выполнение государственных планов развития региона. Основными научными приоритетами стали четыре взаимосвязанных направления. Первое заключалось в оказании практической помощи колхозам и совхозам через разработку мер по развитию экономики, увеличению производства, снижению себестоимости и организации перехода на денежную оплату труда, что способствовало интеграции тувинского аграрного комплекса в общесоюзную экономику. Второе направление сосредоточилось на исследовании путей увеличения и удешевления продукции животноводства, особенно тонкорунного и полутонкорунного овцеводства, что соответствовало специализации региона и требовало научного обоснования методов интенсификации отрасли. Третье приоритетное направление включало изучение вопросов общественного разделения труда и комплексного развития хозяйства административных районов Тувы, что позволяло проводить макроэкономический анализ территориальной организации производительных сил. Четвертое направление предполагало анализ производственных типов сельскохозяйственных предприятий с целью разработки дифференцированных моделей управления. Методология работы сектора сочетала традиционные исследования с активными полевыми обследованиями хозяйств, организацией экономических конференций в районах и подготовкой аналитических материалов для местных органов власти. Такой комплексный подход обеспечивал непосредственную связь между научными разработками и экономической практикой, что заложило прочную основу для формирования региональной экономической школы [Ширинен, 2015].

Научный вклад П.А. Шахуновой в изучение экономики Тувы

Систематизированное научное наследие П.А. Шахуновой включает в себя работы, которые сформировали ключевые методологические подходы и практические инструменты для экономического анализа Тувы. Центральное место в ее работах занимает фундаментальная монография «Советская Тува (природа, население, хозяйство)» (1955), созданная в соавторстве с Б.Н. Лихановым. Этот труд стал первым комплексным экономико-географическим исследованием, всесторонне характеризующим природно-ресурсный потенциал, демографические особенности и отраслевую структуру хозяйства региона. Особую научно-практическую значимость имело разработанное авторами экономическое районирование территории, основанное на принципах ресурсной специализации и комплексного развития производительных сил.

Шахунова П.А., Лиханов Б.Н. Тыва АССР (бойдузу, чону, ажыл-агыйы)
[Тув. пер. монографии «Советская Тува»], Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1965. 208с.

Важным свидетельством практической востребованности научных разработок Шахуновой стало переиздание монографии на тувинском языке в 1965 году, что способствовало не только распространению экономических знаний среди коренного населения, но и укреплению связей между академической наукой и местными органами управления. Значительный вклад исследовательница внесла в качестве члена редколлегии и соавтора ключевых коллективных трудов. Ее участие в подготовке сборника «Труды регионального совещания по развитию производительных сил Тувинской автономной области» (1960) обеспечило научное документирование важнейшего отраслевого мероприятия, а работа над коллективной монографией «Экономика Тувинской АССР» (1973) позволила систематизировать многолетние исследования по проблемам развития народнохозяйственного комплекса республики.

Среди других значимых работ следует выделить исследование «Природные ресурсы Тувинской автономной области и перспективы их освоения» (1958), где впервые был научно обоснован прогноз промышленного развития региона с акцентом на необходимость строительства железнодорожной магистрали. Участие Шахуновой в подготовке раздела о Туве

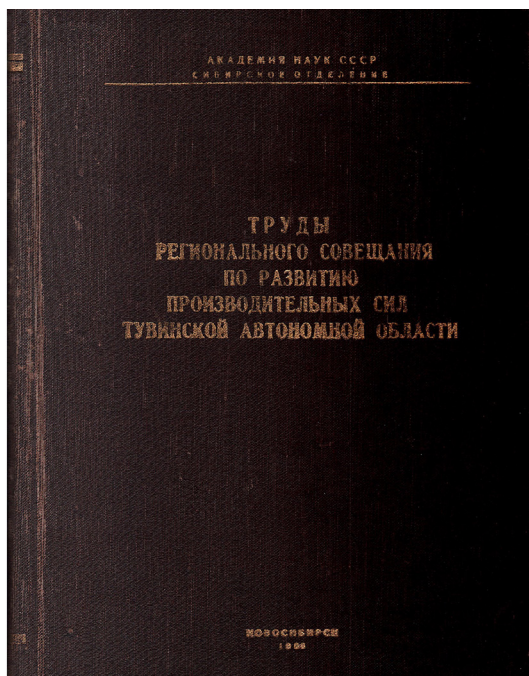
для академического издания «Восточная Сибирь» (1963) способствовало интеграции региональных исследований в общесоюзный научный контекст. Особого внимания заслуживают ее прикладные работы, в частности статья «О строительстве в Туве завода кормовых дрожжей» (1960), демонстрирующая умение автора сочетать фундаментальный анализ с решением конкретных задач экономического развития.

Ключевым направлением в научной работе Шахуновой были исследования, посвященные истории изучения экономики. В соавторстве с Б.Н. Лихановым она подготовила труд «О русских исследованиях Тувы» (1954), заложивший основы изучения истории экономического освоения региона. Ее участие в составлении сборника «Ленин в 1917 году» (1967) и публикация мемуаров «Да здравствует революция» (1980) отражают многогранность научных интересов и связь ее исследовательской работы с практическим опытом государственной службы. Все эти публикации в своей совокупности формируют целостную систему взглядов на проблемы экономического развития Тувы, сочетающую теоретическую глубину с практической ориентированностью.

Региональное совещание по производительным силам (1958 г.) и его результаты

Значимым событием экономической науки Тувы стало первое Региональное совещание по развитию производительных сил Тувинской АО, прошедшее в Кызыле 11-14 августа 1958 г. Организованное СОПС АН СССР, Сибирским отделением АН СССР и местными органами власти, оно собрало более 250 специалистов из научных центров СССР и практиков Тувы. П.А. Шахунова активно участвовала в работе совещания и вошла в состав редакционной коллегии итогового сборника трудов (1960).

Итогом совещания, имевшим прямое отношение к дальнейшему развитию науки в Туве, стала рекомендация: о создании в Туве комплексного Научно-исследовательского института АН СССР как филиала СО АН СССР. (Был создан ТИКОПР СО АН СССР). Эта рекомендация подчеркивала растущую потребность в мультидисциплинарных исследованиях, координируемых Академией наук, для решения комплексных задач развития производительных сил. Материалы совещания и последующие исследования, в которых участвовала Шахунова, стали научной базой для Постановления Совета Министров РСФСР № 1352 от 3 ноября 1961г. «О мерах помощи по дальнейшему развитию экономики и культуры Тувинской АССР» и Постановления Совета Министров СССР № 879 от 25 сентября 1967г. «О мерах помощи Тувинской АССР в развитии производительных сил».

Труды регионального совещания по развитию производительных сил Тувинской автономной области (11-14 авг. 1958 г., г. Кызыл) / СОПС АН ССР, СО АН СССР. Исполком обл. Совета депутатов трудящихся Тувы АО; Редкол.:...П.А. Шахунова и др. - Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1960. 321 с.

Уже в преклонном возрасте Павла Алексеевна поселилась в Доме ветеранов партии под Москвой, в Переделкино. Официальное наименование ФГБУ «Всероссийский научно-методический геронтологический центр» Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Он был основан ещё в 1922г. по инициативе В.И. Ленина как социальный пансионат для ветеранов революции, политкаторжан и ответственных работников партии.

На протяжении своей долгой трудовой жизни П.А. Шахунова была удостоена множества почетных наград. В 1943г. она получила знак «Отличник народного просвещения», а в 1944г. была удостоена ордена «Знак почета». Ей также вручили семь медалей и Почетную грамоту Президиума Верховного Совета Тувинской АССР. В 1988 г. ей присвоили звание «Почетный гражданин города Кызыла».

Заключение

Исследование подтверждает, что Павла Алексеевна Шахунова сыграла ключевую роль в развитии и становлении экономической науки в Туве. Её комплексная работа, объединившая организаторские способности и глубоко-

кие научные познания, создала основу для систематического изучения экономики региона. Среди её главных заслуг – создание в 1954 году сектора экономики при ТНИИЯЛИ, что стало формальным началом экономических исследований. Шахунова провела фундаментальные экономико-географические исследования, результатом которых стали важные монографии, сочетающие теоретическую глубину с практической значимостью. Её активное участие в научных конференциях и практических мероприятиях напрямую влияло на выработку стратегий развития производительных сил Тувы. Научное наследие Шахуновой оказало значительное влияние на последующих исследователей и стало важным этапом в истории региональной науки, способствуя экономической модернизации Тувы в середине XX века.

П.А. Шахунова канд. геогр. наук / Почетные граждане Кызыла, 2014

Её уникальность – невероятном сочетании богатого жизненного опыта: участие в революционных событиях, личное сотрудничество с В.И. Лениным и последующее становление учёным в отдалённом регионе страны. Этот опыт сформировал в ней непоколебимую веру в созидание, высокое чувство долга и умение добиваться результатов при ограниченных ресурсах. Павла Алексеевна Шахунова остаётся в истории как символ преданности науке, силы духа и веры в потенциал даже самых отдалённых уголков страны.

Основные работы П.А. Шахуновой

1. Шахунова П.А., Лиханов Б.Н. О русских исследованиях Тувы. Кызыл: Тип. упр. по печати при Совмине Тув. АО, 1954. 32 с.

2. Шахунова П.А., Лиханов Б.Н. Советская Тува (природа, население, хозяйство) / Под ред. Л.Н. Леонтьева. Кызыл: Тувиздат, 1955. 180 с.
3. Шахунова П.А., Лиханов Б.Н. Тыва АССР (бойдузу, чону, ажыл-агыйы) [Тув. пер. монографии «Советская Тува»]. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1965. 208 с.
4. Труды регионального совещания по развитию производительных сил Тувинской автономной области (11-14 авг. 1958 г., г. Кызыл) / СОПС АН СССР, СО АН СССР, Исполком обл. Совета депутатов трудящихся Тув. АО; Редкол.: ... П.А. Шахунова и др. - Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1960. 321 с.
5. Ленин в 1917 году: [Сборник] / Сост.: В.И. Старцев, Р.П. Конюшая, П.А. Шахунова, А.П. Косульников. М.: Политиздат, 1967. 439 с.
6. Экономика Тувинской АССР / [Редкол. П.А. Шахунова и др.]; ТНИИЯЛИ. - Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1973. 224 с.
7. Шахунова П. А. Природные ресурсы Тувинской автономной области и перспективы их освоения. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 48 с. (Материалы к совещанию по развитию производительных сил Вост. Сибири).
8. Шахунова П. А. Тувинская АССР // Восточная Сибирь: Экон.-геогр. характеристика /Под ред. В.А. Кротова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. - Раздел в коллективной монографии.
9. Шахунова П. А. О строительстве в Туве завода кормовых дрожжей // Ученые записки. ТНИИЯЛИ. – 1960г. - Вып. VIII. - С. 83-94.
10. Шахунова П. А. Да здравствует революция: [Воспоминания] // Памятные встречи: Сб. воспоминаний старых большевиков. - М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1980г. - Глава в коллективном сборнике.

Литература:

1. Труды регионального совещания 1960 – Труды регионального совещания по развитию производительных сил Тувинской автономной области. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения АН СССР. 1960. 321 с.
2. Малкина 1964 – Малкина, Ф. Первая машинистка Смольного // Вечерняя Москва. 1964. № 85 (12287), 9 апреля. С. 3. [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://yandex.ru/archive/catalog/f577b4f0-0aa3-4344-82d4-d5de2395643e/2> (Дата обращения: 15.05.2025).
3. Сейфуллин 1957 – Сейфуллин, С. С. Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1957. Вып. V. С. 3–15.
4. Тинмей 1991 – Тинмей, Д. Л. Она жила Смольным, Кремлем и Тувой: о П.А. Шахуновой – первой машинистке Совнаркома, крупном специалисте по

Туге, Почетном гражданине г. Кызыла. Кызыл: Тувинская республиканская типография. 1991. 67 с.

5. Шангина, Каюмова 2014 – Шангина, Н. М., Каюмова А. П. Шахунова Павла Алексеевна // Почетные граждане города Кызыла / Сост. Н. М. Шангина, А. П. Каюмова. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2014. С. 119–121.

6. Шац, Н. С. Размышления об отце // Новые исследования Тувы. 2011. № 2-3. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/3395-doch-serdobova.html> (Дата обращения: 08.05.2025).

7. Ширинен 2015 – Ширинен, Р. П. От прошлого к будущему: история сектора экономики Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований 1953-2015 годы // Научная дискуссия: вопросы экономики и управления. 2015. № 8-9 (41). С. 34-40. EDN UKJVUT.

References:

1. "Trudy regional'nogo soveshchaniya po razvitiyu proizvoditel'nykh sil Tuvinskoy avtonomnoy oblasti" [Proceedings of the Regional Meeting on the Development of the Productive Forces of the Tuvan Autonomous Region], (1960), Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, p. 321. (In Russ)

2. Mal'kina, F. "Pervaya mashinistka Smol'nogo" (1964) [The First Typist of Smolny]. Vechernyaya Moskva, 1964, no. 85 (12287), 9 April, p. 3. Accessed at: <https://yandex.ru/archive/catalog/f577b4f0-0aa3-4344-82d4-d5de2395643e/2> (15.05.2025).

3. Seifullin, S. S. (1957) "Tuvinskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii" [Tuva Research Institute of Language, Literature and History], *Uchenye zapiski TNIIYaLI*, issue 5, p. 3–15. (In Russ)

4. Tinmey, D. L. (1991). "Ona zhila Smol'nym, Kremlom i Tuvoy: o P.A. Shakhunovoy — pervoy mashinistke Sovnarkoma, krupnom spetsialiste po Tuge, Pochetnom grazhdanine g. Kyzyla" [She Lived by Smolny, the Kremlin, and Tuva: about P.A. Shakhunova - the First Typist of the Council of People's Commissars, a Major Specialist on Tuva, Honorary Citizen of Kyzyl], Kyzyl, Tuvan Republican Printing House, p. 67. (In Russ)

5. Shanggina, N. M., & Kayumova, A. P. (2014) "Shakhunova Pavla Alekseevna" in N. M. Shanggina & A. P. Kayumova (Eds.), *Pochetnyye grazhdane goroda Kyzyla* [Honorary Citizens of Kyzyl] (pp. 119–121). "Zhurnalist" Cooperative.

6. Shants, N. S. (2011) "Razмышleniya ob otce" [Reflections on my Father], New Research of Tuva, no. 2–3. <https://www.tuva.asia/news/tuva/3395-doch-serdobova.html>

7. Shirinen, R. P. (2015). "Ot proshlogo k budushchemu: istoriya sektora ekonomiki Tuvinskogo instituta gumanitarnykh i prikladnykh sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy 1953-2015 gody" [From Past to Future: The History of the Economics Sector of the Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research from 1953 to 2015]. Nauchnaya diskussiya: voprosy ekonomiki i upravleniya, 8–9(41), 34–40. EDN UKJVUT13.

Информация об авторе:

Рада П. Ширинен, руководитель Центра экономических исследований и организации образовательного процесса, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва,

667000, Кызыл, Россия, республика Тыва, ул. Кочетова, д.4

E-mail: r.shirinen@mail.ru

Author ID: 819983

Information about the author:

Rada P. Shirinen

Head of the Center for Economic Research and Organization of the Educational Process, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, 667000, 4, Kochetova Street, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia

E-mail: r.shirinen@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2816-9388

@ Ширинен Р. П., 2025

АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

№ 3 (15), 2025

Научный журнал

Учредитель – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва

Издатель – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва

Главный редактор: Моллеров Н. М.

Заместитель главного редактора: Натсак О. Д.

Выпускающий редактор: Натсак О. Д.

Вёрстка: Бады-оол Ч. А.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает мнение редакции

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Азиатские исследования: история и современность» обязательна.

Тел.: (394-22) 3-24-47, 3-04-71

Подписано в печать 14.11.2025

Дата выхода __.12. 2025

В розницу – цена свободная

Адрес редакции:

667000, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4,
тел.: (39422)2-36-39

Формат 70X100 1/16. Бумага офс. №1.

Печать офсетная. Объём 8,4 п.л. Тираж 50 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинала-макета
в ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова»
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.

e-mail: asvestnik@tigpi.ru

Сайт журнала: asvestnik.ru

© Азиатские исследования:
история и современность, 2025
